ПИОНЕР

Ноябрь

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ 1938 г.

11

СТАЛИНСКАЯ ПОМОЩЬ КОМСОМОЛУ

Советская молодежь приветствует решения VII Пленума ЦК ВЛКСМ

19 ноября в Москве собрался VII пленум ЦК комсомола. Сталинский Центральный комитет партии большевиков предложил комсомолу созвать этот пленум, потому что увидел, что секретари ЦК комсомола—Косарев, Вершков, Богачев и Пикина—зажимают рот каждому, кто смеет их критиковать, а сами потакают врагам, окружают себя проходимцами и грязными людишками.

Об этом рассказывал тов. Шкирятов, которому Центральный комитет партии поручил выступить на пленуме с докладом.

Вот пример, который ярко показывает, как гнусно действовали Косарев и Вершков.

Работник ЦК ВЛКСМ тов. Мишакова сообщила им, что в Чувашии к руководству партийной и комсомольской организациями пробрались враги. Вместо того чтобы поддержать Мишакову и разоблачить врагов, Косарев и Вершков взяли этих врагов под свою защиту, а с Мишаковой расправились: сняли ее с работы. Мишакова не сдалась: верная дочь партии, она продолжала бороться, обратилась в Центральный комитет партии. Враги, которых защищали Косарев и Вершков, были разоблачены.

До лета прошлого года в ЦК ВЛКСМ рядом с Косаревым и Вершковым орудовала банда троцкистско-бухаринских шпионов и террористов. Центральный комитет партии предупреждал Косарева, советовал ему присмотреться к людям, с которыми работает. Ведь враги пытаются пролезть в любую щель, всюду, где только ослабевает бдительность. Но Косарев и Вершков не слушались указаний партии. Косарев, выгораживая вражеских агентов, заявлял, что «с врагами в комсомоле дело обстоит благополучнее, чем в других организациях». Только когда Центральный комитет партии и лично товарищ Сталин вмешались в комсомольские дела, банда лютых врагов народа, пробравшихся в руководство комсомола, была разоблачена и разгромлена.

Тогда же, больше года тому назад, на IV пленуме ЦК комсомола Косарева и Вершкова сурово критиковали. Им говорили, что они не прислушивались к голосу партии, потеряли бдительность, зажимали критику.

Косарев, Вершков и их сподвижники на словах каялись, били себя в грудь, обещали исправиться, а на деле продолжали попрежнему выгораживать врагов и расправляться с честными комсомольскими работниками. «Комсомольская правда» еще в октябре писала о том, что в ЦК комсомола Украины неблагополучно. Там расправлялись с честными работниками и выдвигали жуликов. Косарев всячески защищал бывшего руководителя ЦК ЛКСМУ, который оказался врагом народа. Так же бывшие руководители ЦК ВЛКСМ прикрывали врагов, орудовавших в Осоавиахиме.

Поэтому пленум ЦК комсомола единодушно присоединился к суровым выводам, которые от имени Центрального комитета партии изложил в своем докладе тов. Шкирятов.

Пленум постановил:

за грубое нарушение внутрикомсомольской демократии, выразившееся в том, что секретари ЦК комсомола оставались глухими и немыми ко всем сигналам передовых работников о неблагополучии в работе ЦК ВЛКСМ;

за бездушно-бюрократическое и враждебное отношение к честным работникам комсомола, пытавшимся вскрыть недостатки в работе ЦК ВЛКСМ и расправу с одним из лучших комсомольских работников (дело тов. Мишаковой);

за покровительство морально разложившимся, спившимся чуждым партии и комсомолу элементам и укрывательство двурушнических элементов

— снять Косарева, Богачева и Пикину с постов секретарей ЦК ВЛКСМ и вывести их из состава ЦК ВЛКСМ. Выведен из состава ЦК ВЛКСМ также бывший секретарь ЦК ВЛКСМ Вершков.

Пленум избрал первым секретарем ЦК ВЛКСМ тов. Михайлова и секретарями ЦК товарищей Захарова, Мишакову и Громова.

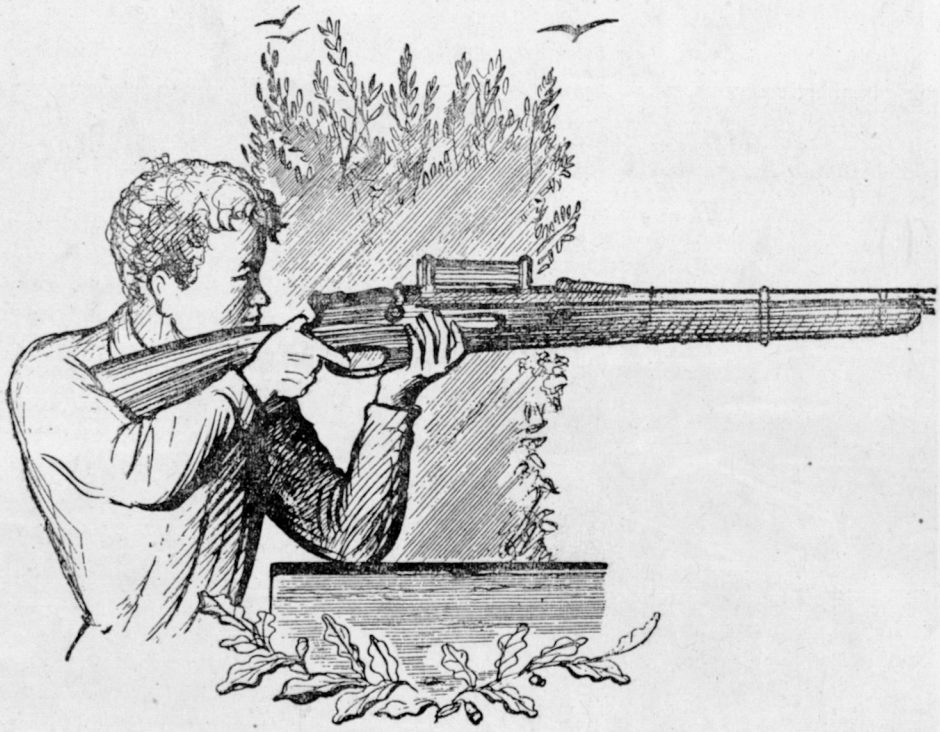
Весь комсомол приветствует решения пленума. Он благодарит Центральный комитет большевистской партии и товарища Сталина, которые помогли комсомолу разоблачить врагов, мешавших комсомолу по-большевистски воспитывать молодежь. Эти решения обязывают всех комсомольцев быть бдительными, решительно бороться с врагами народа, в какие бы норы они ни прятались, в какие бы маски ни рядились.

Выполняя решения пленума, комсомольцы и вся советская молодежь еще теснее сплотятся вокруг партии большевиков и своего любимого учителя и вождя товарища Сталина.

34

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ



ГОС.
Публичная
Б-ка в
Ленинграде

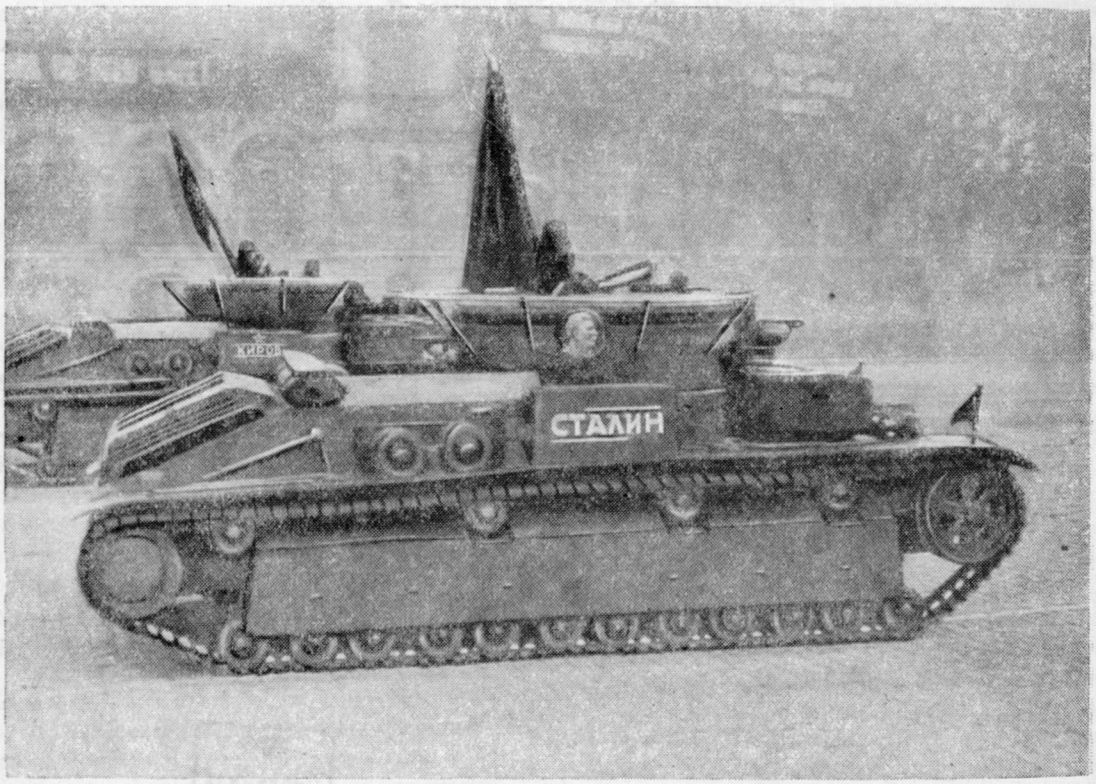
№ 11

Ноябрь 1938

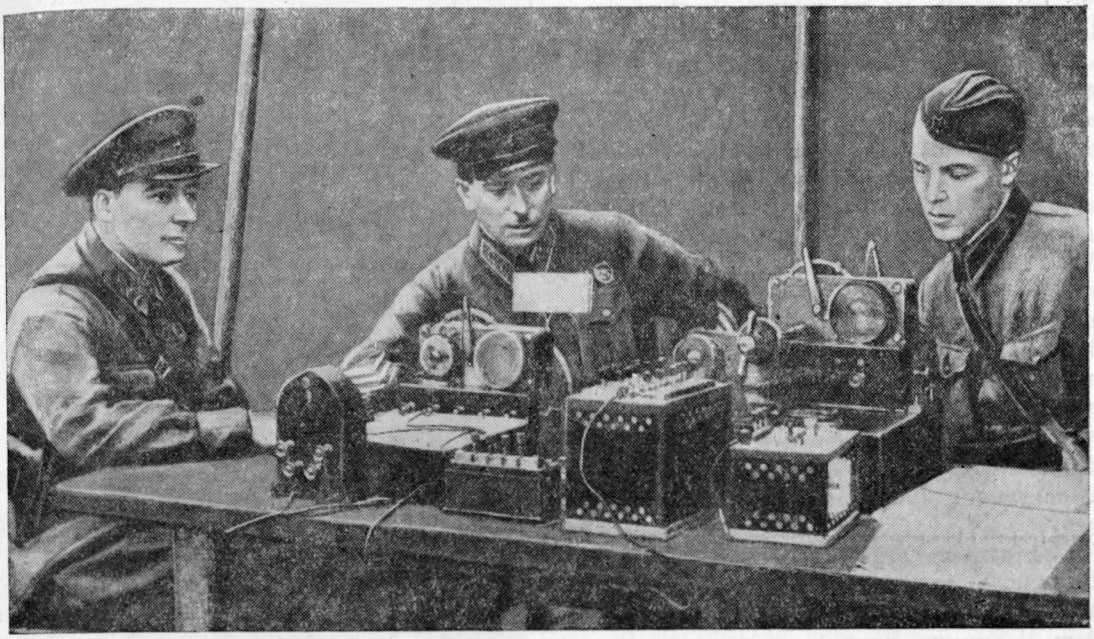
Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

«...если наглядных уроков на озере Хасан недостаточно, если враг в состоянии забыть сокрушительную силу советского оружия и героизм красных бойцов и их командиров, мы должны им сказать: господа, то, что вы получили на Хасане — это только «цветики», а «ягодки», настоящие «ягодки» еще впереди. (Аплодисменты). Всякому неспокойному или наглому врагу, безразлично где бы и когда бы он ни осмелился сунуть свой нос на нашу землю, придется отведать этих советских «ягодок». Пусть помнят те, кому забывать не следует, что мы совсем не обязаны всегда ограничивать действия наших войск районом, на который воровски и нагло нападает враг. Наоборот, нам сподручнее и легче громить врага на его собственной территории. Так оно и будет — на всякое нападение и удар мы будем отвечать тройными ударами всей мощи нашей доблестной Красной Армии».

(Из речи К. Е. Ворошилова на Красной площади 7 ноября 1938 года).



Танки „Сталин" и „Киров" на Красной площади в день двадцать первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.



Член Военного совета 1-й Отдельной краснознаменной армии дивизионный комиссар Ф. А. Семеновский (слева) и командир 1-й Отдельной краснознаменной армии комкор Г. М. Штерн (в центре) у телефонного аппарата на командном пункте. Отсюда отдавались распоряжения героическим частям 1-й армии, сражавшимся с японскими захватчиками.

Как я уничтожал японских налетчиков

Фронтовые записи пулеметчика Гольянова

31 июля. Ночь была горячей. Японцы не любят дневного света. Они норовят в бой, когда ночная мгла окутывает землю.

Вначале слышали перестрелку на Заозерной. Потом японская артиллерия стала бить в нашу сторону. Мы залегли в землю.

Командир роты лейтенант тов. Левченко сказал нам:

— Скоро ждите атаки. Не подкачать!

— Будьте спокойны, товарищ лейтенант,— ответил я ему.

Хороший у нас командир. Простой, задушевный. С начала службы в Красной Армии я все время с ним. Он мне помог стать младшим командиром. Я ли подведу его?!

Вот пошли японцы в атаку. Их много: уж никак не меньше полка. Мы лежим спокойно, точно ничего не видим. Японцы идут строем, со штыками наперевес. Рядом со мной младший командир Иртегов — второй номер.

— В атаку! — командует Левченко.

Я встаю и стреляю на ходу. Японцы делают упор на правый фланг, а мы с Иртеговым находимся на левом. Нашего огня они не ждали. Мой пулемет работает как часы. Что ни очередь, то падают наступающие цепи. В самую горячую минуту оказалось, что я уже расстрелял все диски.

— Иртегов, диски! — кричу я.

Иртегов торопится, да и ждать больше нельзя. Японцы повернули в нашу сторону. Один солдат совсем близко от нас. Диск уже наложен, и я снова открываю огонь. Грозивший нам солдат больше нестрашен...

Японцы отошли, но не надолго. Вот уже снова Левченко командует:

— Приготовиться к атаке!

Японцы идут осторожнее. Они нас бо-

ятся: мы ловим их на мушку. Только появится японец на вершине сопки, как мы его снимаем. Мой пулемет работает безустали. Видно, японцы заприметили опасное для них место, где мы укрылись с пулеметом. То и дело посвистывают пули. Одна из них сбила ветку, воткнутую в мою каску. Весь я замаскирован ветками, точно дерево.

Мы отбили вторую атаку японцев. Тогда самураи решили схитрить: они зажгли дымовые шашки на склоне высоты.

Мы сами воспользовались японскими дымовыми шашками. Я и заместитель политрука Бацура решили перехитрить самураев. Взяли связку гранат и поползли к японцам. Ползем медленно, осторожно. В руке у меня мой верный товарищ — пулемет.

— Ударим по огневым точкам,— шепчу я Бацуре.

Мы бросили девять гранат. Четыре — я и пять — Бацура. Этакой «дерзости» японцы не ожидали. Гранаты разорвались там, где притаились японские пулеметы — точки. Три огневые точки были уничтожены.

Ползком вернулись обратно.

— Товарищ лейтенант,— доложил я Левченко,— три огневые точки противника уничтожены.

Он посмотрел на меня и молча пожал руку.

Японцы начали артиллерийский обстрел. Один снаряд разорвался в четырех метрах от меня. Я контужен. Встать трудно: болят ноги. Левченко подбегает встревоженный.

— Жив? — спрашивает он.

— Ерунда, контужен немного.

— В атаку! — командует Левченко, и вид его грозен.

Его глаза горят, в одной руке граната, в другой — наган.

Я поворачиваю голову в сторону противника и замечаю, как японский снайпер целится в Левченко. «Дорога каждая секунда»,— проносится мысль в разгоряченном мозгу. Меня знобит. Молниеносно бросаюсь к пулемету и даю очередь в четыре патрона. Японского снайпера уже не видно. Оглядываюсь назад. Левченко жив и невредим.

Как радостно стало на душе! Вздохнул свободно и рукавом шинели вытер холодный пот на лбу.

Откуда Левченко узнал, что я спас ему жизнь?! Но только он подполз ко мне, крепко обнял и поцеловал.

Герой боев у озера Хасан пулеметчик А. В. Гольянов, награжденный орденом Ленина.

— Спасибо, товарищ Гольянов,— сказал он тихо.

1 августа. Сегодня меня поздравляли. Говорили, что я хорошо себя вел во вчерашнем бою. Не понимаю, за что хвалят... Все себя так вели. Да и кто из красноармейцев поведет себя иначе?!

Говорят, что я вчера уложил чуть ли не сотню японцев. Может быть. Ведь считать было некогда!

Самураи «очухиваются» после вчерашней «бани» и сегодня не лезут больше.

2 августа. Не бывать захватчикам на советской земле! У меня в груди клокочет злоба против фашистов, посмевших переступить священные советские рубежи. Смотрю в сторону, где окопались японцы, и такая меня одолевает злоба, что нет сил лежать спокойно.

Иртегов это видит и шепчет мне:

— Лежи, не торопись, прогоним, дай срок!

По полю разносится мощное «Ура!»

— За Сталина, за родину! — кричит Левченко.

Я поддерживаю огнем наступление пехоты. Стреляю без остановки. Пулемет не знает ни одной заминки. Дульная часть так накалилась, что вся стала красной. Хорошо, что лежу на берегу озера. Быстро опускаю пулемет в воду: пусть остудится. Затем стреляю снова. Целюсь в японский пулемет. Вскоре он замолкает.

— Гольянов,— кричит мне командир взвода Стадник,— японское отделение двигается!

— Вижу,— отвечаю и быстро открываю огонь.

Бацура в это время смотрел в бинокль. Он видел, что из 12 японцев жив остался только один.

— Повертелся, повертелся,— рассказывает Бацура смеясь,— и перевалил за сопочку обратно.

Когда затем начало стрелять японское орудие, я сказал Бацуре:

— Дай-ка мне бинокль. Орудие где-то близко.

В бинокль я его скоро разглядел. Всего 650 метров от нас. Тогда я взял диск бронебойных патронов и давай поливать это место огнем. А Бацура смотрел в бинокль.

— Довольно! — кричит он мне прямо в ухо.— Довольно: расчет выведен из строя.

На мой пулемет большой спрос.

— Гольянов,— командует мне Левченко,— уничтожить японских снайперов: они беспокоят нас, черти!

Рядом со мной был боец Титов.

— А ну-ка, Титов,— сказал я ему,— надень каску на штык и приподыми ее кверху, сейчас мы их обнаружим.— А сам перебежал на правый фланг.

В поднятую каску с лязгом ударилась пуля. Снайпер был обнаружен. Посланная ему очередь была единственной и последней. Затем каска была еще раз поднята кверху, и еще один японский снайпер был снят. Когда мы подняли каску в третий раз, в нее уже никто не стрелял.

4 августа. Мы с Иртеговым поочереди наблюдаем за противником. Когда его очередь, я лежу ничком и мечтаю. Вспоминаю о доме, о товарищах, о заводе, где недавно был стахановцем.

Мне радостно защищать социалистическую родину, Сталинскую Конституцию. Мне приятно, что мной довольны и меня хвалят.

— Ты молодец, Гольянов,— сказал мне политрук.

— А в партию примете? — спросил я его.

— Такими комсомольцами, как ты, гордится партия. Конечно, примем! — ответил политрук.

Эти слова мне были приятнее всех похвал.

6 августа. В бою нужно уметь выбирать хорошую позицию. Вот сегодня мне повезло. Впереди стоял танк. Он послужил мне хорошим прикрытием. Я поставил пулемет на гусеницу танка и стал бить по самураям. Им до меня не достать: танк закрывает, а мне они видны как на ладони.

Это было соревнование четырех японских «гочкис» с одним советским пулеметом. Японские пули попадали в танк, а мои пули — в японцев. Так и уничтожил сегодня четыре японские огневые точки.

Я осматриваю местность впереди себя. Противник уничтожен. Одиночные японские солдаты бегут без оглядки.

На высоте гордо реет советское красное знамя!

К концу боя ко мне подошел политрук и поздравил меня с высоким званием кандидата в члены Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

Сердце радостно заколотилось в груди.

Боевая разведка

Рассказ командира взвода Я. Борисенко

Солнце скрылось за горизонтом. Темнело. Над сопками медленно поднималась луна. Прячась от ее предательского света, мы укрылись в окопе. Нас было пятеро комсомольцев: Иван Толмачев, Петр Байкалов, Александр Золотарев, Кузьма Тулин. Здесь же был и капитан тов. Шапошников.

Капитан рассказывал нам боевые эпизоды из времен гражданской войны. Беседа длилась до тех пор, пока луна не спряталась за черные манчжурские сопки.

Участники боев в районе озера Хасан собирают оружие, оставленное японцами при отступлении.

— Ну вот теперь, не теряя ни минуты, нужно приступить к выполнению боевой задачи,— сказал капитан.

На нас была возложена ответственная задача — разведать силы японцев на левом скате высоты Заозерной, вблизи деревни Хомоко. С отеческой нежностью капитан посмотрел на каждого и произнес:

— В пути будьте осторожны. Желаю успеха.

Вместе с нами он вылез из окопа, еще раз пожелал удачи, и мы ползком стали удаляться от него в сторону врага. Наш путь был виден японцам и в ночное время, поэтому нужно было особенно тщательно маскироваться.

Мы уже подползали к южному скату высоты, когда до нас стали доноситься звуки, похожие на трение каких-то металлических предметов. Остановились. Еще раз уточнили план нашей разведки. Решили разбиться на две группы. Я и Иван Толмачев пошли туда, откуда доносились звуки.

Вскоре мы оказались на скате лощины. Перед глазами в лощине мелькнул огонек. Мы плотнее прижимаемся к земле, но продолжаем ползти вперед. Огонь мелькает уже не в одном, а во многих

местах. Присмотревшись, заметили вокруг огней движение людей. Вблизи стояли упряжные волы, пережевывая траву. Стало ясно: мы пробрались к тылу противника.

Разведав расположение тыла, направляемся к условному месту, где должны встретиться с другой своей группой. Наших товарищей на месте не оказалось. Ждем 10—15 минут. Я начинаю волноваться. В голову приходят различные предположения: может быть, они попали в руки японцев, а может, так же, как и мы, обнаружили противника и теперь наблюдают за ним. Верить хочется только второму предположению.

Но вот мои мысли прерывает шорох. Метрах в 15 от себя замечаю осторожно пробирающихся товарищей во главе с Петром Байкаловым. Докладывают, что разведали весь скат, но ничего не обнаружили.

— Досталось японцам от наших снарядов! Видимо, удирают, — заметил Золотарев.

Это, действительно, было так, но мы помнили, что бой не кончился. Решили продлить разведку по направлению к реке Тумень-Ула. Идем одной группой, держа интервал друг от друга в 10—15 метров.

Натыкаемся на первый японский окоп. Тщательно и осторожно осматриваем его. Он пуст. Идем дальше.

Еще окоп. Заходим в него. Тоже освобожден. Заглядываем в убежище. На полу валяется только куча галет.

Ночь уже подходит к концу. Бледнеют звезды. Из-под ног прыгают кузнечики. Над рекой зазвенел жаворонок. Борясь с усталостью и дремотой, направляемся к третьему окопу. Он весь изрыт нашими снарядами. Вокруг валяются разбитые пулеметы, винтовки, каски.

— Задали мы им здесь перцу! — смеется Толмачев.

Из деревни Хомоко доносилось фырканье коней. Осторожно продвигаемся ближе к ней и вдруг натыкаемся на тщательно замаскированный окоп. Решение принимается мгновенно. Я с Толмачевым захожу в окоп справа, Байкалов с другими товарищами — слева. Спускаемся в окоп, слышим храп. Дохожу до середины окопа. По левую сторону от себя замечаю глубокое ущелье. У входа в него сидя спят два японских солдата. Винтовки их валяются под ногами. Я решаю связать заспавшихся, заткнуть им рты и увести живыми.

Неожиданно над окопом раздался выстрел. Японцы вздрогнули, вскочили, начали искать свое оружие, но оно уже было в моих руках. Бью одного прикладом по голове, не подавая голоса. Он мешком падает на землю. Делаю еще взмах—и, как срубленное дерево, под ноги мне валится другой японский часовой.

Поднялась тревога. Из ущелья на нас бросилась пьяная орава. Отбиваем одну группу, но наседает уже вторая. Неравный бой разгорается. На мои руки упало что-то тяжелое. Роняю винтовку. Японцы с визгом бросаются ко мне. Приходится пустить в ход кулаки. Иван Толмачев и Кузьма Тулин спешат на выручку. Ловко работают они штыками и прикладами.

— На бруствер! — командую я своим.

Выпрыгнул из окопа. Чувствую: по животу скользнуло что-то холодное. Гимнастерка сразу намокла. Возле себя вижу только трех моих бойцов:

— Кого у нас нет?

— Нет Саши Золотарева, — отвечает за всех Толмачев. — Убили его...

Более 60 японцев вслед за нами выскакивают из окопа. Взбешенные, они открывают беспорядочную стрельбу. Острая боль мешает мне двигаться. Расстегнул ремень, завернул гимнастерку. Рана продолжает кровоточить. Наскоро перевязал ее. Спешим к своим окопам.

На заре благополучно возвращаемся. Я докладываю капитану результаты разведки. Он благодарит нас за хорошее выполнение боевого приказа и быстро направляет меня к санитарному инструктору.

Потянуло ко сну. Но тут уж загремела артиллерия — какой под канонаду сон! Надо мной склонился Толмачев:

— Товарищ командир, наши снаряды падают прямо туда, где мы кололи японцев.

Эти сообщения ободряют и радуют меня. Наша разведка не пропала даром. Мы с честью выполнили свой долг.

□ □ □

АЛЕКСАНДР СУВОРОВ

Сергей Григорьев *Рисунки П. Кузьмичева*

Глава седьмая. Катерина

В 1790 году, воюя с турками, русские войска осадили Измаил, самую большую и самую сильную турецкую крепость на Дунае.

Настала осень. В русском осадном корпусе начались болезни: продовольствие кончалось, топлива не заготовили. Солдаты хворали в сырых землянках. В конце ноября генералы собрали военный совет и решили снять осаду крепости.

Среди солдат распространилось уныние. Начался отход осадных войск частями, что подвергало остальные войска опасности: турки могли выйти из крепости в большом числе и напасть на ослабленные русские силы. Снятие осады замедлилось. В конце ноября среди солдат разнесся слух, сначала смутный, что к Измаилу назначен «главнодействующим» генерал-майор граф Суворов-Рымникский. Слух подтвердился тем, что по осадному корпусу отдали приказ спешно готовить фашины[1].

На озеро Катлабуху послали молодых солдат и рекрутов под командой старых капралов рубить талы и вязать фашины.

С песнями солдаты пришли на место.

Старые солдаты, наметив каждому капральству делянки и задав уроки «на топор», сошлись у большого костра, зажженного из сушника, под яром, куда не хватал ветер.

Рубить талы — работа легкая и спорая. У костра вскоре появились молодые солдаты, кончив уроки. Загорелось и еще несколько костров под яром, собирая народ, но больше всего солдат собралось к первому костру, где грелся капрал Никифор Кукушкин. Молодые солдаты стояли у

[1] Фашины — большие связки прутьев. Употребляются для замащиванья болот, забрасыванья рвов и т. п.

костра кругом, за спинами стариков, и слушали разговор Кукушкина с молодым солдатом Гуськом: он недавно пришел в полк с партией рекрутов из России.

Разговор начался так. Ваня Гусек, не успели еще старики у костра раскурить трубки, подошел к огню:

— Дозвольте, господа капралы, у огонька погреться.

— Неужто урок кончил? — удивился Кукушкин.

— Урок легкий! — кося глазами в сторону, ответил Гусек.— Не работа, а работенка...

— Видно, ты работу любишь?

— Не я работу, а работа меня любит.

— Стало, ты дурак!

— Истинно так, дядя Кукушкин.

— Да как же тебя в солдаты сдали? Дураков в солдаты не берут. Кем ты в деревне-то слыл?

— В деревне меня вором величали, дядя Кукушкин. А и чего украл-то, и всего один раз — у барина бросового щенка. Принесла ему любезная сука сразу пятерку. Пару он отобрал, а троих велел мне утопить. Ну, я молод был...

— Пожалел щенка?

— Одного пожалел — кобелька, а двух сучек утопил, как велено. За то и в солдаты сдали.

— Ты Суворова-то еще не видал?

— Какой он, дядюшка Кукушкин? Видный из себя?

— Ни с кем не спутаешь.

— А лютой?

— Лютее твоего барина!

— Дерется?

— Еще как! На меня один раз камышовой тростью замахнулся. «Ну,— думаю,— полетят из меня перья». Хорошо, подскочил на случай этот его генеральс-ад'ютант и кричит: «Бить не приказано!» «Кто не приказал?» Генеральс-ад'ютант отвечает: «Генерал Суворов не приказал!» «А! Суворов? Суворова, помилуй бог, надо слушаться». Так меня и не ударил.

— Много, дядюшка, вы с ним городов повоевали?

— Семилетнюю войну слыхал? С самой нее вместе с Суворовым воюю. Куда он— туда и я. «Идем, Никифор, польских панов бить!» «Изволь!» «Идем турок бить!» «Идем!» «Короля прусского унять надо!» «Будьте любезны». А пришел я из деревни в третьи батальоны в Курляндию вот как ты: прямой мужик. Навалился тогда на нас Фридрих, король Прусский, с несметной силой, думал врасплох взять. Мы было и попятились. А Суворов на кабардинце скачет, вперед зовет: «Ступай! Ступай!» Тут бомба—ба-бах! Бум! Прямо мне по мушкету: дуло — пополам! — в руках один приклад... Вот и «Ступай!» С чем «Ступай!» Стал я и плачу: «Попадет на орехи тебе, Никифор Кукушкин, за то, что казенное ружье сломал». Подскакал ко мне Суворов: «Чего, солдатик, плачешь? Али немцев жалко?» «Да нет! Ружье сломал!» «Где штыки ломаются, там и ружья валяются,— отвечает он мне,— бери любое!» «Да те-то чужие,— говорю,— а это мое: на мне взыщется!» Соскочил он с коня, поднял ружье, патронную сумку, сунул мне в руки: «Спрашивать станут — скажи Суворов дал!» Не успел я ружье схватить, а он кричит: «Коли, коли его!» «Кого?» Гляжу, набежал на нас пруссак — рослой, дебелый, дышит квашней — и Суворову в брюхо штыком норовит. Суворов его нагайкой по глазам, а тот опять! Я рассердился. Ах! Да немца штыком в брюхо. Он и упал. А Суворов на коня вскочил. «Молодец! — говорит.— Как звать? Я тебя не забуду!» Вот с этого, при Куннерсдорфе это было, я Суворова и узнал. И ружье, что из его рук принял, до сей поры мне служит. Только штык сменял.

— А много ты, дядюшка Кукушкин, неприятелей заколол? — спросил Гусек.

— Порядочно. Немец тогда еще не понимал штыка — лезет и лезет.

— И не жалко? Хоть неприятели,— а все люди! — сказал Гусек.

— «Люди»? Чудак ты! Если не ты его, так он тебя. На то война.

— А зачем война, дядюшка Кукушкин? Жили бы мирно! Вот ты говоришь, с прусским королем семь лет воевали,— а к чему? Что добыли?

— Добыча, положим, была, лучше и не надо. Я сам двести талеров серебряных принес с войны, не считая прочего. А господа офицеры возами добро домой отправляли.

— А Суворов? Он, поди, золото лопатой греб?

Кукушкин рассердился:

— Ах ты, голова елова! Суворов тем и пресловут, что никогда себе из добычи ни синь-пороха не брал. Всегда свою долю солдатам отдает. «Вы,— говорит,— братцы, добыли — меж собой и делите». Возьмешь город — все твое. Половина добычи на государя — половина твоя.

— Дядюшка, так это грабеж!

— Не грабеж. Если ты бы разбойник был, на безоружного, мирного напал — вот грабеж. А это кровью своей добыто. Грабить Суворов не велит. Все добычу берут: и турки, и ляхи, и австрийцы. Да и у Фридриха солдаты, на что народ акуратный, и те охулки на руки не клали.

— А уняли тогда прусского короля?

— Не пришлось. А все отчего? Суворова не слушали. Мы-то за ним — в огонь и воду. А генералы не слушали. После Куннерсдорфа Фридрих едва ноги унес. «Гнать его до Берлина — и войне конец!» — говорит Суворов. Где там! Мы Салтыкова курочкой звали. Он на Суворова и крылышками замахал: «На Берлин! Эка хватил! Поеду-ка я в Петербург да спрошу императрицу, что мне теперь делать!»

— Что же Катерина ему в Питере сказала?— спросил Гусек.

— Какая Катерина? Чай, тогда еще царицей-то сидела Елисавета, дочь Первого Петра. Наследником у ней состоял принц голштинский, Петр Федорович, а Катерина-то — Петра Федоровича жена.

— Не все ль одно: Катерина—Елизавета, не та — так эта. Ну Лизавета что Салтыкову сказала?

— Салтыков вернулся из столицы фельдмаршалом. Сказала ему Лизавета: «Хорошо, генерал! Действуй, как начал!» Про Суворова — молчок старичок! Про совет его — тоже!

— А Суворов, поди,— тоже с той поры генерал?

— Ха! Был премьер-майор, стал подполковником — только и всего...

— Вот ему обида-то, дядюшка Кукушкин, небось он огорчился?!

— Сердись, не сердись — служить надо. «Хорошо,— говорит,— сударь мои, а я вам все-таки докажу! Не хочу больше служить в пехоте, перехожу в кавалерию!» Салтыков согласился. Собрал Суворов охотников. И принялся немцев по всей Пруссии гонять как зайцев. Они т у д а. Он за ними. Они с ю д а — он тут как тут. В одном месте сам король лагерем стоял. Суворов взял полсотню казаков, сбил пикеты, против него выскакал из лагеря гусарский полк, он гусаров до самых окопов гнал, чуть до королевской палатки не доскакал! Конь у него был хороший, кабардинской породы. Убило коня картечью. Очень его любил Суворов...

— Стало так, он коней любит?

— Да! С той поры, как у него кабардинца убило, Суворов своих коней не заводил. Увидит у казака плохую лошаденку— средь донцов есть такие, что коня не берегут,— Суворову жалко: «Давай меняться?» «Давай!» Поменяются. Конечно, генеральскому коню — и холя и корм. Выравняется конь — и не узнать. А Суворов опять высматривает, похуже у кого конь. «Давай меняться?» «Давай!» Смех вспомнить, на каком одре Суворов в Берлин в'ехал.

— А добрался он до Берлина-то? Доказал Салтыкову?

— А то как же! Сговорился Суворов с генералом Тотлебеном—тоже лихой был кавалерийский офицер. Послали Тотлебена, чтоб он на себя короля оттянул: уж очень Фридрих прижал тогда австрийцев. Суворов с Тотлебеном сговорился, да и ударили на Берлин.

— И ты, дядюшка, с Суворовым Берлин брал?

— «Брал»? Взять его стоило пустяков. Мы им свалились как снег на голову. «Ваффен нидер!» «Кидай оружие!» Гарнизон бросил ружья. Вошли мы в город. Чистота! Великолепие! Порядок! Суворов говорит: «Город не трогать, жителей не обижать, а уничтожить пороховую мельницу, фабрику солдатского сукна разорить, склады с амуницей сжечь, чтобы Фридриху своих солдат ни обуть, ни одеть!» Мы будто свое дело сделали. Взяли с Берлина миллион векселем. Ушли из Берлина. А тут в скорости Лизавета умерла. Сделался царем Петр Федорович: с какой стороны ни взять — чистый немец. Да и жену ему сам Фридрих сосватал. Очень Петр Федорович Фридриха уважал и даже — правда ль, нет ли — ему вроде шпиона служил: чего наша военная коллегия ни задумает в секрете, сам царский наследник ему тут же все и отпишет... Сел на трон Петр Федорович, об'явил войне конец и начал заводить прусские порядки. Гвардии не понравилось: очень уж строго! Гвардейцы Петра Федоровича с трона долой. Гришка Орлов его припокоил, а на его место посадил его собственную супругу. Вот когда Катерина-то явилась! Хоть и немка, а баба умнейшая. Увидала, что в России прусские порядки рано заводить...

— Катерина-то дала Суворову генеральский чин? — спросил Гусек.

— Экой ты прыткий: из подполковников прямо в генералы! Пожаловала полковником. Ему бы армией командовать, а она отдала ему в команду Суздальский караульный полк. Вот и все, что наш Суворов за Семилетнюю войну заработал. Я в ту пору в Суздальском полку не служил. Это вам Силыч лучше расскажет...

— Сказывай ты, дедушка,— обратился Гусек к другому старому солдату, Платон Силычу.

— А я сем-ка пойду погляжу, как вы урок исполнили,—сказал Кукушкин, вставая от костра.

Он вышел из круга солдат. Взглянув на берег озера, Кукушкин увидал, что густая, непролазная заросль прутняка у озера вся порублена. Покатый песчаный берег с острыми пеньками походил на небритую солдатскую щеку. Кучи хвороста, акуратно сложенные комлями в одну сторону, высились на берегу. Только в одном месте от берега к воде тянулась несрубленная гривка. Кукушкин догадался, почему она осталась, вернулся к костру и крикнул:

— Эй, Гусек! Поди сюда. Ты что это, мошенник? Сказки слушать мастер, а кто за тебя отработает? Бери топор!..

Гусек щелкнул с досады языком, встал и взял топор.

— Да ведь кабы, дядюшка Кукушкин, ты не рассказывал, так я бы работал. Уж больно любопытно. А дедушка Силыч, кажись, еще лучше сказку скажет.

— Ну ладно! — ответил Кукушкин.— Давай топор. Я за тебя сделаю, дурак, коли ты бесстыжий.

— Какой же стыд? Поруби, дядюшка Кукушкин, работа легкая!

Гусек сунул топор в руку Кукушкину и снова уселся к костру напротив капрала Платона Силыча.

— ...Выстроился наш Суздальский полк, как полагается к встрече,— рассказывал Платон Силыч,— ждем нового полковника. К вечерне ударили. Стоим. Уж вечер, смеркалось. А его нет и нет. Дождик начался. Стоим. Вымокли все — и мы и господа офицеры. А его все нету. Должно, что в дороге случилось: ось лопнула, колесо сломалось. Скомандовали «Разойдись!» Зорю пробили. Командиры по квартирам, мы — по светлицам: сушить одежду да и спать. Видно, завтра приедет Суворов. Поговорили меж собой. Кой чего уж о нем слыхали: и про военные его дела и про то, что он командирам воровать потачки не дает. А у нас и ротные и сам старый полковник в том были замечены. Да и в каком полку нет воровства? Командирам — новый полковник хоть бы и вовсе не приезжал! Не успели суздальцы угомониться, вдруг крик: «Вставай!» Вскочил я, слышу: на полковом дворе во все барабаны бьют, и не зорю и не встречу, а генерал-марш — значит «Поход!» А дождь так и хлещет, так и льет. Господа офицеры по светлицам снуют, по улице квартирьеры с фонарями, фурьеры с факелами бегают, телеги скрипят, лошади фыркают — обоз пошел... Сбежались мы к полковой избе с ружьями, построились по аппелю[1]. Темень страшная. Господа офицеры на конях. Факелы дождем заливает, больше дыму-копоти чем свету-радости. Однако видать: перед фрунтом на рослом коне некто сидит, подбоченясь, прямо великан. Скомандовал великан громким голосом: «Ступай!» Сам впереди. Пошли. В ту пору стояли мы в Новой Ладоге. Выходим на Петербургскую дорогу. Город позади остался. Никто не знает, зачем нас в ночь подняли. Говорим между собой: «Уж не новое ли в столице происшествие, уж не ведет ли нас новый полковник младенца Павла на место Катерины сажать?» Дорога грязная: то скользкая глина, то мокрый песок. А все идем. Нету никакого приказания. Идем и на чем свет стоит и Катерину, и командиров, и нового полковника браним. Рассветать начало. Тут какой-то солдатишко чужой навстречу на коне: «Куда идете, братцы? Где новый командир?» Видать, денщик, что ли, нового полковника. Мы, само собой, и нового и старого ругнули. И солдатишко тоже. Жалость на него смотреть: мокрый, в грязи, вместо шляпы голова платком обмотана: видно, шляпу сучком сбило. Дорога лесом, то в горку, то под горку, и в конец вышли мы на чистое поле, над Волховом. Скомандовали «Стой!» Выстроились по-батальонно. Над Волховом монастырь старинный. Стены белые. По углам башни. Ворота затворены. А на колокольне тоненько колокол бьет. Заутреня. Никакого селения кругом не видно. Впереди нас, на бугорке, наши полковые штапы собрались, хоть и на конях, а смотрят мокрыми курицами, а посередке тот самый солдатишко толкует очень серьезно и рукой рубит: видно, человек

[1] Аппель — приказ.

очень огорчился и сердит. Господа штапы в смущении. Старого полковника не видать. Слышно нам, спрашивает солдатишко: «Где обоз? Куда ротные котлы ушли? Где палаточные повозки? Где квартирьеры? Почему лагерь не разбит? Костров нет? Котлы не навешены? Каши не варят?..»

— Это он, дедушка! — воскликнул Гусек.— А великан-то кто же?

— Великан — Прохор Иванович Дубасов, семеновский солдат. Его денщик... Приехал Суворов в самую глухую полночь, разбудил старого полковника и об'явил ему, что сейчас будет смотр полку. «Как?! Ночью! В этакий-то дождь!» «Именно так!» Приказал Суворов взбудить квартирьеров, фурьеров, брать палатки, ротные котлы, крупу, соль, сухари и назначил им идти загодя в поход. Рандеву[1] с полком вот здесь, в чистом поле, у монастыря. А у нас в полку сухари не сушены, крупу мыши с'ели, котлы не лужены, палатки в дырах. Тишком командиры так рассудили: нетрудно обозу и с дороги сбиться. Ведь осень, слякоть, тьма. Так и сделали. Мы-то пришли, куда надо: Дубасов привел. Они еще вечор с Суворовым все оглядели. А обоз наш пошел совсем в другую сторону. Суворов постоял на бугорке, голову повесил, задумался. Дал коню под бока, поскакал к монастырю. Постучал в ворота эфесом шпаги. Вышел из ворот монах. Суворов его просит убедительно. Монах и слышать не хочет. Ушел в калитку, затворился. Суворов к нам: «Здорово, суздальцы-молодцы! Прозябли, устали, намокли? Хотел я вас, братцы, к готовым кашам привести, да, вишь, обоз с дороги сбился. Что поделаешь!.. Глядите-ка: в монастыре печи топят. Блины пекут. Приказываю: взять монастырь штурмом! Ступай!!» И поскакал к монастырю. Видим, дело нешуточное, хотя и не без смеха. Господа офицеры командуют, что надо. О штурмах мы только от старых солдат слыхали. «Ура!» Побежали. Окружили монастырь со всех сторон, откуда-то лестница взялась. Лезут гренадеры на стену. Бревно у ворот подняли, раскачали, в ворота бьют. Монахи тараканами по монастырю забегали. На колокольне в самый большой колокол ударили. Да что делать? Ворота сломались, распахнулись. Суворов в'ехал в монастырь. И мы во двор вошли с барабанным боем. На соборном крыльце архимандрит стоит с крестом в руке, ветхий старец, от злости али от испугу трясется. Суворов перед крыльцом с коня долой, крест поцеловал и говорит: «Не пугайтесь, ваше преподобие, это не нашествие варваров, а практика для науки. Вреда мы сделали, кроме испуга, немного: все вам из полковых сумм вернется. Дозвольте только моим солдатам обогреться и обсушиться». Что делать настоятелю? Позвал полковника и господ офицеров на чашку чая к себе. Нас по кельям развели. В кухню. В трапезную... Весь полк в монастырь вобрался. Обсушились мы, согрелись...

— Поди, Катерина его не очень похвалила, что он архимандрита напугал?

— Настоятель хоть чаем Суворова и поил, а все-таки архиерею пожаловался. Архиерей — митрополиту. Митрополит — в синод. Обер-прокурор — Катерине. Ну, она только посмеялась. «Оставьте,— говорит,— его: он чудак! Я его знаю». Так вот и началось у нас учение в Суздальском полку. «Полевой полк,— говорит,— каждую минуту похода должен ждать. А солдат должен дело знать не хуже офицера». Понял?! — строго глядя в глаза Гуська, заключил Платон Силыч.

— Понять можно, дедушка Силыч, да знать-то нам откуда? Из деревни ведь— мужики: не могу я знать-то!

— Ну, хлопчик, если ты ему скажешь «Не могу знать!» — от тебя клочья полетят. Ты думаешь, солдаты — «сто мужицких голов одной шапкой накрыто»? Раз должен знать, значит и можешь.

— Да как же я ему скажу, если подлинно чего не знаю?

— А уж вывертывайся, как знаешь. Только не ври. Это называется «лживка-лукавка», еще хуже «немогузнайки».

— Ты, на приклад, спроси чего-нибудь, Силыч,— сказал, подходя к огню, Кукушкин...

Молодые солдаты расступились.

— Проходи, господин капрал, поближе к теплу:

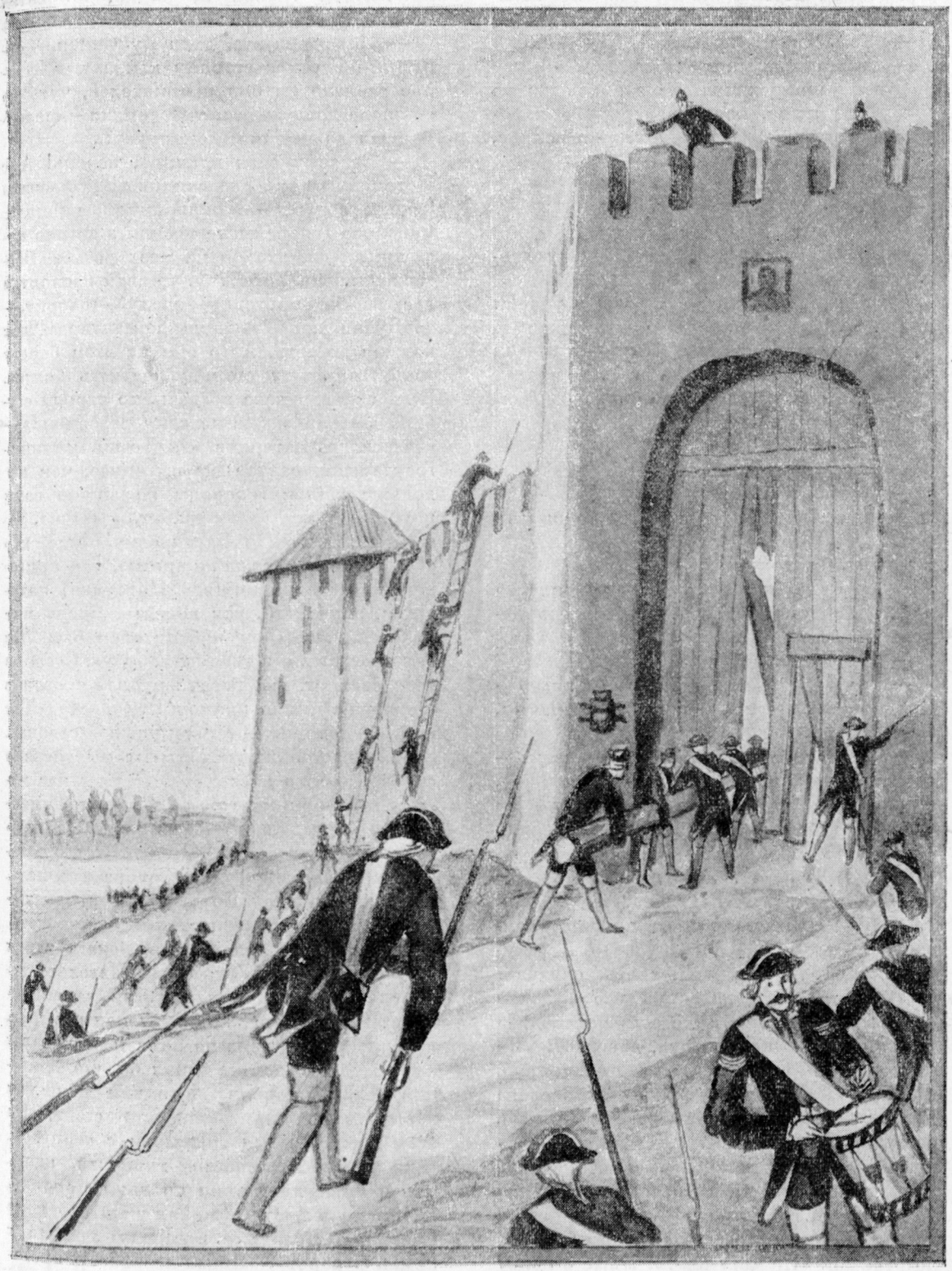
— Нет, я от топора согрелся. Ну-ка, Силыч, спрашивай. А Гусек пусть отвечает.

— Гусек, отвечай, будто я сам Суворов.

— Ладно.

— Чего «ладно»! Вишь, развалился! Раз я Суворов, встряхнись, стань стрел-

[1] Встреча.



Лезут гренадеры на стену. Бревно у ворот подняли, раскачали, в ворота бьют.

кой, гляди весело. Во-во, так. Не пальцами шевели, а мозгами... Гусек!

— Есть такой!

— Долга ль дорога до месяца?

Гусек прищелкнул языком, сдвинул шапку на глаза, посмотрел в небо и почесал в затылке. Силыч повторил вопрос, обращаясь к Кукушкину:

— Капрал Кукушкин!

— Здесь!

— Долга ль дорога до месяца?

— Два суворовских перехода, господин капрал!

Гусек сорвал шапку с головы и ударил о землю.

— Эх, Гусек, не догадался! — кричали молодые солдаты.— Поднапрись, Ваня...

— Погоди, постой, товарищи. Силыч! Загадывай еще. Ну-ка.

— Гусек!

— Здесь, господин капрал!

— Когда вода дорога?

— Когда пить захочется, господин капрал.

Солдаты захохотали.

— Оно хоть и не так, а верно. Вода на п о ж а р е дорога. Гусек! Где железо дороже золота?

— На войне, дедушка Силыч.

— Молодец Гусек!—похвалил Силыч.— Из твоего племяша, Никифор Степаныч, толк будет.

— Не зря я за него урок исполнил,— отвечал Кукушкин.— Ему поучиться надо, а хворост рубить — не велика страсть. Ты еще ему скажи, Силыч, когда Суворову «Не могу знать» можно ответить.

— Бывает и так.

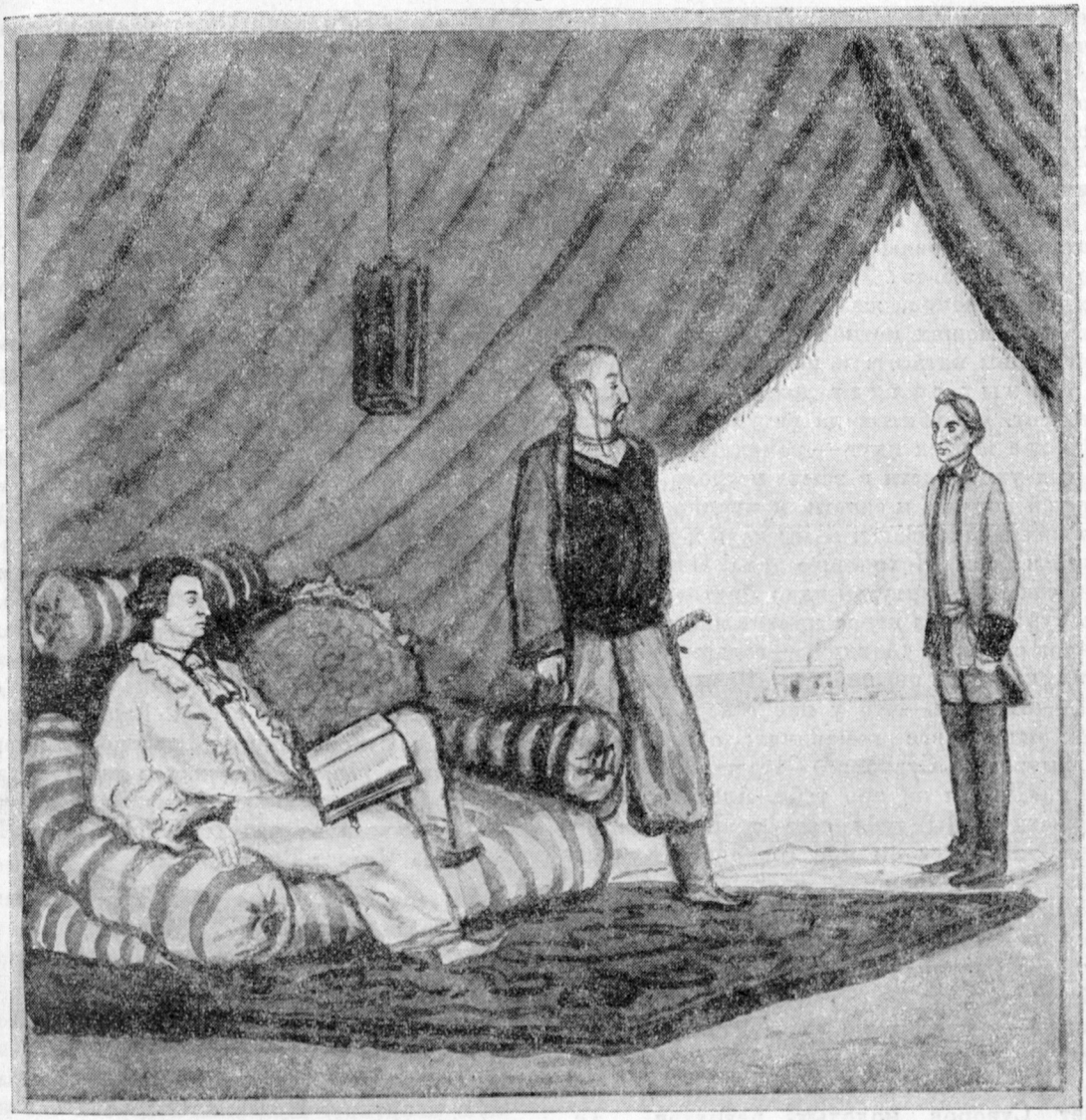
— Когда же это, дядюшка?

— А вот Суворов спросил одного камрада: «Что такое р е т и р а д а?» А ретирада, надо вам, хлопцы, знать, означает отступление. Всем известно, что Суворов отступать не любит. «Что есть ретирада?» Камрад глазом не моргнул, отвечает: «Не могу знать!» Суворов инда подпрыгнул. «Как?!» «Да! У нас в полку такого слова нет!» Суворов прямо, как рафинад в чаю, растаял. «Хороший полк! — говорит.— Помилуй бог, хороший!» Обнял и поцеловал камрада... Если тебя Суворов спросит: «Что такое с и к у р с?» — значит прошу помощи. Или: «Что есть опасность?» Смело отвечай: «Не могу знать! У нас в полку такого слова нет!» Вот так он нас, суздальцев, кое-чему и выучил. На ноги поставил.

Силыч замолчал. Гусек подождал, не заговорит ли он снова. Но Силыч занялся прочисткой трубки и, видно, не хотел больше рассказывать.

— Почему ж это, дядя Кукушкин,— обратился Гусек к старому капралу,— Суворов сколько ни бил неприятелей, чуть до генерала дослужился, а Потемкин —фельдмаршал да над ним командует?..

— Всякому своя планида, парень! А с Потемкиным у Александра Васильевича нелады с первой турецкой войны пошли. Суворова генералы не хотели в армию пускать: знали, что он их всех забьет. Все-таки упросил Катерину. «Давай паспорт и две тысячи прогонов—поеду,—говорит,— за Дунай, покажу нашим командирам, как должно воевать. А то они на этом берегу топчутся, на ту сторону шагнуть боятся. Если скиня рукава воевать, то народу сгубишь больше!» «Да и казну разоришь!»— согласилась Катерина. «А что им, матушка-государыня, казна! Им выгоднее, чем ни дольше война: генералы на армию сами подряды берут, казну грабят...» «Тише, тише ты, Александр Васильевич! Еще кто услышит! Ну поезжай в армию. Там Григорий Александрович (это Потемкин) находится, поучи его, как воевать. Очень мне хочется, чтобы он победителем был. Ты его прославь, а я тебя не забуду». Суворов взял паспорт, две тысячи рублей прогонов и явился в армию, прямо к Румянцеву. «Так и так,— говорит,— с царицей я беседовал. Ее величество желает, чтобы мы воевали сильно, крепко и скоро». «Силы у нас мало, а у турок много!» — отвечает Румянцев. «И с малой силой при уменье можно делать великие дела!» Нахмурился Румянцев: нелюбо ему такие слова слышать. «Хорошо, сударь! Вот вы нам и покажите, как надо с малыми силами действовать. Назначаю вас, генерал, наблюдать турок у крепости ихней Туртукая. Извольте туда ехать не медля и принять команду!» Суворов стал стрелкой, руку под козырек, повернулся, вскочил на коня и поскакал к Туртукаю. По дороге узнал он, что Григорий Александрович Потемкин с целым корпусом против Силистрии стоит. На этом берегу Дуная Потемкин с корпусом, а на том — в крепости турецкий паша. Так и стоят две армии по двум сторонам, ничего не делают. Соскочил у шатра с коня Суворов. «Доложите генералу: прибыл к армии Суворов». «Никак нельзя. Их превосходительство сильно заняты. И никого не велено пускать!» Суворов отмахнул полу шатра и смело вошел. Достал из-за обшлага письмо Катерины, шагнул вперед и



Суворов вошел в шатер.

говорит: «Ее величество приказала кланяться вам, сударь,— и вот ее письмо». Потемкин схватился с места, взял письмо, распечатал, читает, нахмурился. Что в письме писано, остается неизвестно. Должно, так: «Ангел мой, Гриша! Посылаю тебе письмо с Суворовым, прими его, обласкай да поучись у него воевать». Кому приятно такое письмо от любезной получить? Катерина-то думала его подбодрить, а Потемкин на Суворова рассердился. И говорит: «Переправляться за Дунай зависит от Румянцева, да и сил мало». Суворов ему возражает: «Коли мы все так будем сидеть, войне конца не будет. Солдаты от цынги да лихорадки вымрут. Армия — что капитал, ее надо держать в обороте. А у вас, сударь, целый корпус — мертвый капитал!» Погорячились оба, покричали, и уехал Суворов от Потемкина ни с чем. Приехал к нам, под Туртукай, и видит, что ему и всамделе малую силу дали. Встретили мы Суворова честь-честью: в барабаны били, из пушек палили, музыка играла, колокола звонили, попы молебны пели. Видит Суворов, все старые знакомцы: надерганы батальоны из разных полков. Астраханцы, ингерманландцы, суздальцы, гренадеры, карабинеры, казаки. Стояли мы без дела, как нынче у Измаила, комарье нас ест, лихорадка почти всех трясет. И его самого схватила—че-

рез сутки начала бить. Плохое дело! Посчитал он, сколько у него силы, и говорит: «Ах, братцы, мало нас, голубчики, немножко! Да почему ж вас так мало? По спискам больше должно быть». Мы ему об'яснили. «Дело,— отвечаем,— Александр Васильевич, вам хорошо известное. Коих побили в боях, кои от лихорадки померли. После баталии генералы пишут реляцию. Сколько турок побито? Тысяча. Пиши три, чего их, басурманов, жалеть! Пишут т р и. А сколько наших погибло? Да близко тысячи. Пиши пятьсот: и чести больше да от м е р т в ы х с о л д а т доход идет! Пишут пятьсот. На убитых да на умерших и жалованье и паек идут — командирам доход. Иных уж и кости в земле истлели, а их и кашей кормят, и сапоги, и мундиры новые на них выписывают. А мы хоть и живые— наги и босы. Нехорошее дело! Однако так ли, сяк ли—Туртукай надо брать». «Много ль турок?» «Да втрое против нашего». Суворов смекнул. «А вдруг,—говорит,—у них есть мертвые янычары?» «Возможное дело,—отвечаем,—что у нас генералы, то у них паши: все командиры одинаковы». Нахмурился Суворов: «Ну не все, однако!» «Да мы не про тебя, Александр Васильевич. Мы тебя еще с Ладоги помним!» Вот тут он мне говорит: «Кукушкин! Надо крепость взять!» «Как же, Александр Васильевич, не надо? — отвечаю.— В Туртукай со всей Болгарии турецкие купцы товары свезли. А мы и обносились, и без сапог, и голодуем. Вина — и того нет!» «Так надо! А возьмем?» «Прикажешь — и возьмем!» «А вы что скажете, богатыри?» — спрашивает Суворов молодых рекрутов... Те мнутся: «Маловато нас-де». Тогда он опять ко мне персонально: «А помнишь, Кукушкин, что Первый Петр турецкому султану сказал. Об'ясни-ка молодым». А вот что было. Хвастал перед Петром турецкий султан, что у него бойцов несметная сила. И достал султан из кармана шаровар пригоршню мака: «Попробуй-де, сосчитай, сколько у меня войска». Петр пошарил у себя в пустом кармане, достает одно единственное зернышко перцу да и говорит:

«Мое войско невелико,
А попробуй раскуси-ка,—
Так узнаешь, каково
Против мака твоего!»

Тут и молодые согласились Туртукай брать. Суворов попросил у Потемкина по соседству хоть сколько-нибудь взаймы из его «мертвого капитала»: отдам-де с процентом! Потемкин обещал прислать и не шлет, да еще упреждает Потемкин, что приказа штурмовать Туртукай нет и Суворов может ответить. Суворов приказал: «Взять Туртукай штурмом!» Приказ вышел, как помню, на Николу Вешнего [1], а штурмовать ночью. Изготовились мы, переплыли в лодочках Дунай. Берег на той стороне крутой, размытый, кустами порос. Выстроились в две колонны. В первой сам Суворов. Турки с батареи подняли пальбу. Мы на штыках ворвались в батарею, турок перекололи. Суворова ранило. Турки одну пушку впопыхах плохо пробанили — ее разорвало; осколок и угодил Александру Васильевичу в ногу. Ну да ничего. К рассвету прогнали мы турок из крепости. Хорошая была добыча. Едва унесли. Полны сумки золота и серебра. Шесть знамен взяли. Шестнадцать пушек. Да лодок больших тридцать, а малых — и не считали. Велел Суворов нам переправляться обратно, а крепость и город уничтожить до основания порохом и огнем. Еще солнце не взошло, Суворов пишет Румянцеву рапорт. Посылает казака. Прискакал казак, отдает Румянцеву маленькую бумажку — да еще она у казака за пазухой пропотела. «Что такое?» Читает Румянцев:

«Слава богу, слава вам, Туртукай взят, и я там!»

Румянцев сильно разгневался: он со всей армией без последствий на берегу Дунай-реки сидит, а тут прискакал какой-то фендрик — и готово! Приказал Румянцев Суворову немедленно явиться в главную квартиру. Повезли Суворова еле живого: и лихорадка его бьет, и рана мучает. Все-таки пересилил себя, надел мундир— ввели его к Румянцеву под руки. Покачнулся свет Александр Васильевич и упал бы к ногам фельдмаршала, да генеральс-ад'ютант подскочил, поддержал. А Румянцев кричит: «Оборви его!» Оборвал генеральс-ад'ютант с Александра Васильевича генеральский эполет и аксельбант с карандашиком, коим он рапорт в Туртукае писал, снял с Суворова шпагу — подает Румянцеву. «Под арест! — кричит Румянцев.— Созвать полевой суд!» Собрался полевой суд. Одним генералам жалко Суворова, другие из зависти рады, а по силе устава военного подлежит он разжалова-

[1] Приказ о штурме Туртукая был дан в 1773 году, 9 мая по старому стилю.

нию в солдаты и смертной казни расстрелянием за то, что самовольно, без приказа, крепость взял. Так и порешили. Послали Катерине решение суда на подпись. А Румянцев остыл и пожалел Суворова. Велел из-под ареста выпустить, отдал назад шпагу и говорит: «Вот теперь я вам, сударь, приказываю взять Туртукай». «Как так?» «Очень просто». Пока Суворов под арестом сидел, турки поправили крепость да и засели опять в ней, чуть ли не в десяти тысячах. Суворов не отказался взять Туртукай еще раз. Жалостно было на Александра Васильевича смотреть. Два гренадера водили его под руки. Голосу не слыхать: он командует, а ад'ютант его команду повторяет. Ох, уж и взяло нас за сердце! Ворвались мы в крепость. Забрали все пушки, лагерь их заграбили, опять много лодок всяких забрали. Суворов прямо хотел идти Дунаем на лодках и уж заодно взять Рущук. Румянцев велел назад воротиться. Послушался Александр Васильевич: суд-то вспомнил! А тут и от Катерины решение пришло: «Победителя не судят!» — написала она поперек приговора. И велела дать Суворову крест за храбрость и чин. Потемкин чуть не лопнул от зависти. И пошло у них с той поры несогласие. Что ни трудней дело, чем ни опасней — туда Суворова и шлют. Потемкин думает: «Где-где старик голову сломает или оконфузится!» А он нам: «Понимаете, чудо-богатыри?» «Понимаем, не дадим в обиду». Полезли турки на Кинбурн — Потемкин и туда Суворова шлет: дело опасное. Лезет турок из лодок на Кинбурнскую косу — несметное число. А флот их по крепости жарит. На каждом корабле у них по сто пушек. Кораблей множество. А у нас во всем Кинбурне и сотни орудий не насчитаешь. Суворов говорит: «Одна надежда на вас, богатыри!» «Веди!» — говорим. «Погодите, камрады, пускай все вылезут!» Дал он им всем вылезти и говорит: «Ступай!» — и сам с нами. Ударили мы на турок — не подаются. На Суворова янычары налетели, чуть не зарубили. «Братцы, выручай генерала! Ура! Победа! Слава! Слава!» Нажали, турок прогнали. Тут Суворова пуля — чок! В плечо навылет. Рукав в крови. Он рубашку скинул, морской водой рану промыл, рубашку вывернул наизнанку, сухим рукавом надел на раненое плечо—и опять к нам: «Вперед! Ступай!» Загнали мы турок в море. Стоят и кричат капудан-паше[1]: «Давай лодки!» А капудан-паша так перепугался, что велел флоту скорей уходить, и уплыли за море. Так все турки и потонули. Катерина очень обрадовалась: первая победа! Пишет Потемкину: «Жалко, старика ранило, а то бы он со своими солдатами и Очаков взял бы!» Каково Потемкину такое письмо читать? Пригнал он всю армию к Очакову, обложил кругом, думает: турки теперь напугались, без боя крепость сдадут. А турки и в ус не дуют. Сидят в Очакове в сухости, в тепле. Всего у них много. А мы, вот как теперь, в землянках сырых. Дров нет. Пищи нет. Фуражу нет. Мрет народ. Кони падают. Суворов говорит: «Надо Очаков штурмом брать, а так вся армия погибнет!» Потемкину Суворова послушать? Ни за какие деньги! Сидит Потемкин на месте. На Очаков в подозрительную трубу глядит. Турки осмелели. Делают из крепости вылазку. Суворов смекнул — да весь свой корпус на них. Погнали мы турок. Они выводят резервы. Мы напираем. Добрались до вала. Суворов просит у Потемкина: подсоби, ударь на крепость со всех сторон — возьмем Очаков. И все генералы тоже. Один генерал даже на коленки стал перед Потемкиным. А он от злости инда заплакал: вдруг да Суворов самосильно Очаков возьмет! Посылает к Суворову одного офицера—капитана, второго — премьер-майора, третьего — полковника: «Прекратить дело!» А как его прекратить, коли турки чуть не весь гарнизон в поле вывели? Суворова ранило. Сидит он на камне, лекарь ему рану смотрит. Скачет от Потемкина четвертый курьер, генерал. «Как вы,— говорит,— осмелились, сударь, такое важное дело самочинно завязать?» А Суворов ему: «Я на камушке сижу, на Очаков я гляжу!» Поскакал генерал обратно с ответом. А мы уж турок назад в крепость загнали. Потемкин зовет Суворова к себе и начал его при всех пушить. Суворов говорит: «Я не мальчик такие слова слушать. Весь я изранен. Дозвольте уехать для лечения». Потемкин рад. Суворов уехал...

— Так и не взяли Очаков? — спросил Гусек.

— Спустя лето взяли. Мы прямо самому Потемкину сказали: «Все равно нам помирать всем!» Чуть не взбунтовалась армия! А Суворов поехал в Питер и говорит

[1] Капудан-паша — турецкий командующий флотом.

Катерине: «Больше я с Потемкиным служить не стану!» Катерина и послала его к австриякам: «Турки-де бьют цесарцев! Поди, Александр Васильевич, поучи и их воевать!» Суворов и на это согласился. Приехал на Дунай. Под Рымником сам великий визирь стал с огромной силой. «Надо его атаковать!»—говорит Суворов. Напали на турок. Все четыре лагеря разбили. Визирь бежал. Вот Катерина обрадовалась! Спрашивает Потемкина: «Чем Суворова наградить, уж не дать ли ему чин фельдмаршала?» «Довольно с него, — отвечает Потемкин, — графа. Пускай будет Суворов граф Рымникский». Ну, еще дала Суворову Катерина большой крест. А светлейший князь Потемкин тем временем под Бендерами стоит, ногти от досады до крови сгрыз: хочется ему какую крепость взять со славой. Бендерский паша не сдается... Дал ему Потемкин миллион — паша и сдался... Суворов поздравляет светлейшего: «Вот-де и ты, сударь, научился крепости брать!»

— А как же, дядюшка Кукушкин...—начал было спрашивать Гусек умолкнувшего капрала...

— Будет! — оборвал Гуська Кукушкин.—Ты станешь без конца спрашивать...

— Да уж больно сказки хороши!

— Всего не перескажешь. Будет еще время. Вот возьмем Измаил, сам будешь сказки сказывать... Фашины надо вязать:

«Фашина
в три аршина.
Две пяди поперек,—
Вязать в замок,
Чтобы не рассыпалась!»

Солдаты взялись за работу.

Глава восьмая. Измаил

Суворов праздновал в Бырладе именины в день памяти Александра Невского. Он изменил обычаю — не праздновать своих именин: год особенный — Суворову исполнилось 60 лет. Служили молебен с провозглашением многолетия. Потом последовал особенно торжественный вахтпарад. Заметили, что именинник не в духе. И вахтпарадом Суворов остался недоволен: вместо обычной похвалы солдаты услышали чуть не в первый раз от Суворова хулу вахтпараду. Особенно рассердило его поведение подполковника Остен-Сакена. Недавно прибыв из столицы, барон Остен-Сакен командовал батальоном на вахтпараде в первый раз. В учебную атаку батальон шел примерно, но в конце произошел конфуз. Ряды расстроились, что, положим, за грех у Суворова не считалось. Остен-Сакену это не понравилось: он любил строгий немецкий строй. Когда батальон остановился, барон приказал солдатам, выбежавшим далеко вперед, после команды «стой» равняться по отставшей массе батальона. Барон Сакен не знал или забыл суворовское правило: согласно с ним, следовало подтянуть весь батальон к тем солдатам, которые оказались после атаки впереди, а не их осаживать назад.

Суворов, разбирая вахтпарад, обращался, как обычно, к солдатам:

— Плохо, братцы! Первый батальон, ай-яй! Сижу я с вами, братцы, в мокрой дыре год, учу вас без палок и чудес. Чего бы! Учил я вас отступным плутонгам? Для чего они надобны? Ох и как же мне трудно с вами служить! Ни шагу назад, чудо-богатыри: хоть один впереди, к нему! Вперед, не выдавай! Бодрость. Смелость. Храбрость. Отвага. Победа! Слава!

После отдачи пароля Суворов пригласил всех офицеров к себе на обед.

«Суп вавилонский, ассирийская каша, французский пирог с грибами. Ром-Гром. Чай», — такое об'явили меню парадного обеда. Каждого из приглашенных просили захватить с собой прибор: ложку, нож и вилку.

В небольшой зальце дома, где жил Суворов, солдаты под командой Дубасова составили несколько столов, накрыли их собранными у соседей скатертями, вперемежку белыми, суровыми и цветными, расставили тарелки: кому оловянные, кому фарфоровые, кому из серебра. Разнокалиберные чарки стояли перед приборами. В углу жарко пылал камин. Комната до тесноты наполнилась гостями. В ожидании хозяина гости беседовали стоя. Молодежь, смеясь, точила принесенные с собой ножи и вилки, шутливо ими фехтовала, как шпагами. Полковник Мандрыкин, ад'ютант Суворова, исполняя обязанности церемониймейстера, указал гостям их места за столом, соображаясь с чином.

Окинув последним взором сервировку стола, полковник Мандрыкин сделал знак гостям и отправился пригласить к столу

именинника. Гости притихли. Вошел Суворов. На вахтпараде одетый в серую куртку из солдатского сукна, Суворов явился к обеду в мундире генерал-аншефа, украшенный всеми орденами, в орденской георгиевской ленте через плечо. Именинник молча поклонился гостям.

Гости шумно рассаживались, громко болтая. Суворов требовал, чтобы гости у него за столом непрерывно говорили. По знаку Мандрыкина наступила тишина. Два гренадера вошли в пиршественный зал, неся на подносе большое конское ведро с водкой. За ними шел с «крючком» в руке седой капрал Фанагорийского полка Припасов. Зачерпнув «крючком» водки, капрал наполнял чарки гостей. Суворов следил за тем, чтобы при этом не нарушалось старшинство. Припасов знал всех гостей и не сделал ошибки.

Суворов встал и поднял чарку за здоровье императрицы Екатерины. Гости закричали «Виват!» Близ дома грянула пушка. Стекла в окнах зазвенели. Капрал налил по второй чарке, и под громовой раскат выстрела по приглашению Суворова выпили за здоровье его светлости фельдмаршала князя Потемкина Таврического. Настала очередь тоста за здоровье хозяина. Снова наполнились чарки. Дверь растворилась, в зал вошел Прохор Дубасов с серебряным подносом в руке — на нем лежал пакет; Дубасов торжественно возгласил:

— Прибыл курьер от светлейшего князя Таврического фельдмаршала Григория Александровича Потемкина с письмом его сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому...

Суворов взял пакет, поцеловал печать, вскрыл и пробежал письмо глазами. Недобрая усмешка осветила лицо Суворова, на скулах выступили пятна румянца. Суворов прочел вслух:

«Ваше сиятельство! Милостивый друг Александр Васильевич! Поздравляю тебя, граф, со днем тезоименитства вашего в день славного полководца русского Александра Невского, имя коего своими победами вы носите с великою честью. Не нахожу слов изъявить, сколько я чувствую и почитаю вашу важную службу! Молю бога за твое здоровье, да хранит он вас, граф, на многая-многая лета. Григорий Потемкин».

Мандрыкин поднял чарку за здоровье именинника. Раздались крики «Виват!» и «Ура!» Подали пироги и вавилонский суп, то есть щи из кислой капусты. Все принялись за еду с апетитом. Перед Суворовым поставили два отдельных горшочка с ассирийской, то есть гречневой, кашей и тем же, вавилонским супом. За стулом Суворова стоял Прохор Дубасов. Он подвязал Суворову салфетку и ласково произнес:

— Кушай, дорогой Саша, на доброе здоровье.

Чарки наполнялись и пустели уже без соблюдения старшинства.

Все пили, ели, шумно говорили, хохотали. Закурили трубки. Принесли бутылки с ромом, чай и кипяток в закопченных медных чайниках. Об имениннике забыли. Внезапно вошел денщик Суворова и громко доложил:

— Курьер от его сиятельства фельдмаршала!

Прибытие второго курьера из главной квартиры действующей армии означало нечто чрезвычайное. Получив ранним утром первое письмо, Суворов догадался, что в нем, наверное, одни поздравления, и поэтому согласился на придуманный Мандрыкиным церемониал: вскрыть и прочесть письмо фельдмаршала во время именинного обеда.

— Позови курьера сюда! — приказал Суворов.

Все взоры обратились к двери. Вошел забрызганный дорожной грязью ординарец «светлейшего» — сержант Пахомов. Он «явился» Суворову по форме и протянул ему пакет. На этот раз Суворов вскрыл пакет без всяких церемоний. В нем заключалось предписание фельдмаршала.

«Турецкая флотилия под Измаилом почти вся истреблена,— писал Потемкин,— остается предпринять на овладение городом, для чего, ваше сиятельство, извольте поспешить туда для принятия всех частей в вашу команду...»

Под приказом, писанным кудреватым писарским почерком, рукой самого Потемкина приписано:

«Моя надежда на бога и на вашу храбрость; поспеши, мой милостивый друг... Много там равночинных генералов, а из того выходит всегда некоторый род сейма нерешительного... Огляди все и распорядись и, помолясь богу, предпринимай...»

Суворов вскочил на ноги, кинулся обнимать и целовать ординарца, пачкая мундир о его забрызганный грязью плащ.

— Дубасов, пирогов! — кричал Суворов.— Припасов, водки! Садись, мой друг!

Зачерпнув «крючком» водки, капрал наполнил чарки гостей.

Вот уж истинно получил я подарок! Вот спасибо тебе, друг любезный! Садись, закуси, выпей. Ведь я сегодня именинник...

Усадив курьера к столу, Суворов, блистая потемневшими глазами, воскликнул:

— Господа офицеры!

Все смолкли, ожидая, что Суворов об'явит содержание письма. Он поднял письмо вверх, отпихнул ногой стул, подбоченился и, помахивая письмом, как платочком машет в пляске баба, пошел кругом, припевая:

«Ах, кафтан ты мой
старóй,
Всюду ты, кафтан, пригожаешься.
А бывает, что порой
И под лавкою валяешься!..»

— Ну, старик нашел самого себя! — шепнул один из гостей соседу.— Вот теперь он именинник!

— Ваше сиятельство! Да об'явите же нам радостное известие! Сгораем от любопытства! — просил Мандрыкин.

— Андрыка! — крикнул Суворов.— Свеженькое дело! Я еду под Измаил! Предписание его светлости!

Крики изумления, возгласы поздравлений слились в общий гул.

Суворов остановил крики движением руки:

— Мальчики, довольно. Погуляли — и полно. Пора за дело! Прохор! Перо, папир, песочницу, печать!

Суворов схватил за угол скатерть, приподнял ее и одним движением сгреб всю посуду со стола подальше от себя. Прохор принес и поставил перед генералом старинный ларец с письменным прибором, полученным Суворовым в наследство от отца.

Суворов склонился над бумагой с пером в руке в задумчивом молчании. Гости, кланяясь ему, покидали зал шумными группами. Хотел и уйти и Остен-Сакен. На его поклон Суворов ответил безмолвным жестом, означающим: «Останьтесь».

Около Суворова сел его письмоводитель Иван Онуфриевич Курис, на другой стороне — полковник Мандрыкин.

Не написав ни слова, Суворов положил перо на стол, закрыл глаза и, словно погружаясь в дрему, тихо заговорил:

— У генералов под Измаилом накрывают на восемь человек, а сыты бывают двое. А солдаты?! Слышь ты, «неоткуда» взять, не на чем везти. Да казак на седле два пуда привезет! Коню пуд — не тяга, а пудом сорок человек сыты. Неоткуда?! У тебя два сухаря — один отдай товарищу. Торговцы от Измаила откочевали: нетуде в армии денег. Кабы знали!

Иван Онуфриевич Курис, сделав в воздухе круг пером, возгласил:

— Суворов приказал! — склонился к столу и побежал пером по бумаге...

Приказ вручили Остен-Сакену. Суворов предложил ему, не упуская часа, отправляться в Галац с приказом командиру Фанагорийского полка — тотчас идти к Измаилу.

Самому Сакену предлагалось озаботиться с отправлением от Галаца к Измаилу маркитантов с товарами:

— Буде на пути встретите торговцев, откочевавших от Измаила, разглашайте, что я туда прибыл. Сих не надо понуждать. Сами оборотятся. Воронье соскучилось по падали. Весь шанцевый инструмент отправить на лодках Дунаем к Измаилу. Штурмовые лестницы тоже.

Остен-Сакен, выслушав Суворова, принял пакет из его руки и откланялся. Через четверть часа он в сопровождении десятка казаков скакал по направлению к Галацу на Дунае.

В комнату входили и выходили, получив приказы, ординарцы и казаки.

Уже догорали закапанные сургучом свечи, а перед Суворовым лежал еще чистый лист бумаги. По всем дорогам от Бырлада на Галац, Фальчи, Пуцени, Фурчени, Кагул, Аджуш поскакали казаки с приказами Суворова; приказы были разные, но каждый заключал в себе одно непременное требование — поделиться провиантом с осадным корпусом у Измаила. Крупу, муку и сухари надлежало отправлять весьма поспешно и, где можно, не на волах, а на конях казаков и арнаутов.

Суворов продолжал сидеть у стола, склонив над ним голову, с закрытыми глазами: он или дремал или задумался. Все знали, что когда «Суворов в размышлении», надо соблюдать тишину и ничем его не тревожить. По знаку Мандрыкина все вышли из комнаты.

Огонь в камине угасал, от стен дома, сложенного из сырцового кирпича, дохнуло холодом. Суворов почувствовал озноб и встал, чтобы расшевелить огонь в камине и согреться. В комнату вошел Прохор Дубасов и отрубил грубо:

— Спать пора! Айда, ваше сиятельство!

Суворов покачнулся. Прохор поддержал его и повел в спальную, где приготовил постель генералу. Суворов опустился на скамью. Дубасов покрикивал на Суворова, словно кузнец на коня:

— Ногу! — и стягивал с ног Суворова сапоги, шаровары, снимал ордена, шарф, мундир, приговаривая: — Разомлел от поздравленьев. Ну, чего расселся, ложись!

Суворов, не двигаясь, сидел на скамье в одном исподнем, с поникшей головой... Дубасов поднял его на руки, перенес в постель, уложил, накрыл простыней и плащом.

— Не уходи, Прохор Иваныч! — прошептал Суворов.

— А я и не собирался,— ответил Прохор, опускаясь на скамью.— Сказочку, что ли, сказать? Ах ты, дитя малое! Ему сей день на седьмой десяток перевалило, а он в пляс пустился: «Ах вы, сени, мои сени!» И чему обрадовался. Опять на своем хребте Потемкина возить? Опять Васька мартышкам из огня каштаны таскать?!

— Возьму Измаил — мне дадут фельдмаршала.

— Налетай с ковшом на брагу! Не то же ли ты мне после Рымника говорил?

— За Рымник я граф,— сердито отозвался Суворов.

— А что толку, что ты граф?! Кому твой граф нужен. Граф — для публики. Фельдмаршал—вот это да! Это всему войску награда. Хоть ты и фельдмаршал, а все солдат. И каждый гренадер скажет: вот мы побили неприятеля, и за него наш генерал — фельдмаршал. Это высоко! С ним и мы летаем. А то—граф! «Приглянулся Кате, садись в сенате». Кто нынче не граф? Тебе наряду с Орловыми, Мамоновыми, Зубовыми графом и быть зазорно. Я сказал бы, да неловко...

Вздохнув, Прохор посмотрел на свои ладно сшитые новые сапоги и продолжал:

— А поглядите у других генералов. С одной кампании люди богатеями домой приходят! У Салтыкова — уж на что он курица был — камердинер Демьян Прижимов с кампании пришел — и в деревню не заглянул. Я-де сам господин! Откупа берет, кабаки держит! Румянцева — фельдмаршала—денщик Федя Пузырев на волю откупился у барина, по Волге плоты, барки гоняет — купец! У фельдмаршала Потемкина! Эх, да уж что говорить! А мой Кузьма — Демьян бессребренник: «Я доли в добыче не имею! Вот я какой добродей». Да ведь ты без доли — и я без доли!

— Сколько раз я тебе приказывал, Прошка, бери свою долю, не гляди на меня!

— Да как же я возьму, гордый ты человек. Что скажут? Генерал не берет, денщик берет. Он-де с генералом делится— давай ему больше. Коли добыли сапог по паре — давай им две пары! Добыли по червонцу на брата — гони Прохору Дубасову два... Вот и стражду понапрасну.

— А ведь ты у меня дурак, Прошка!

— Как же не дурак! Все говорят то же. Ну, думаю, хоть чинами выйдет, и мне честь. Бился я, бился — насилу до «аншефа» тебя дотянул. Окончательно тебе скажу, Саша: если ты не спроворишь за Измаил ф е л ь д м а р ш а л а, кину я тебя, вот тебе крест и пресвятая троица, скажу солдатам: «Плюньте на него, братцы»... Кину, живи, как знаешь, один!

— Один! Один! — с тоской проговорил Суворов...

Дубасов замолчал, пригляделся к Суворову и заговорил не так сурово:

— И полно-ка, Саша! Ты один, я один,— а с тобой мы двое! Правду сказать, и я покинул дом и семью родную. И у меня вроде тебя с супругой неладно вышло. Ну что ж. Деток мы с тобой успели наплодить. Наташа у тебя — невеста. Дашь хорошее приданое—любой князь возьмет. Аркаша твой — парень рослый, не в тебя, в мамашу пошел,—гляди, скоро будет сынок твой гвардии поручик. Семя наше, Александр Васильевич, не на камень пало! Утешься, не горюй... Ау, брат, слезами горю не поможешь...

Дубасов умолк и прислушался к дыханию Суворова. Тот спал. Дубасов взял свечу и на цыпочках вышел из спальной.

Утром прискакал из Ясс в Бырлад новый гонец от Потемкина. Генералы под Измаилом, еще не получив приказа о назначении Суворова, собрались на военный совет и решили из-за голода в войсках снять осаду. Генерал-поручик Павел Потемкин, двоюродный брат фельдмаршала, первый ушел от Измаила. Вицеадмирал де Рибас собирается с речной флотилией к Суворову под Галац.

«Предоставляю вашему сиятельству,— кончал свое письмо Потемкин,— поступать тут по лучшему вашему усмотрению, продолжением ли предприятия на Измаил или оставлением оного».

Суворов решил не медлить. Послав ге-

нерал-поручику Павлу Потемкину приказ вернуться с войсками к Измаилу, Суворов поскакал с конвоем в полсотни казаков туда же. Он торопился. На полпути опередил свой конвой и вдвоем с одним казачьим урядником пустился прямиком к Дунаю. Они скакали день и ночь и на рассвете достигли аванпостов русского расположения.

Рассветало. Суворов перед заставой остановил измученного коня. Ночь неохотно отступала под сонным натиском серого дня. Все окрасилось в серо-голубые краски. Налево и направо синели два озера — лимана. Над голубым Дунаем серою холстиной расстилался туман. Излучину реки закрывали серые валы и бастионы Измаила. Сизые дымки поднимались над крепостью тонкими стебельками, расцветая в высоте алым светом зари. Солнце угрюмо глянуло из-под облака кровавым глазом на унылую землю.

Из долины чуть доносились барабаны и рожки: играли зорю.

Суворов тронул коня. С заставы слышалась перебранка. Перед загороженной ротатками дорогой стояли три фуры, запряженные волами. Несколько казаков скакало вокруг возов, взмахивая нагайками. Другие, спешась, рубили шашками тугую обвязку возов. Освобожденная кладь топорщилась и пухла. От воза к возу сновал еврей в бархатном картузе и польском кунтуше с меховым воротником, он кричал:

— Ратуйте, добрые люди! Караул! Грабят...

На последнем возу сидела женщина, повязанная клетчатой шалью, и, закрыв лицо руками, громко причитала. Трое ребятишек зарылись головами в боры ее широкой юбки.

Суворов стегнул коня, подскакал к возам и огрел нагайкой казака, который вытягивал из-под рухляди на возу шкатулку. Казак выпустил из рук добычу, выругался, поднял голову и обомлел: он знал Суворова в лицо.

— Что за ералаш! — крикнул Суворов. — Есаул!

Есаул чухнул коня, под'ехал и откозырял Суворову:

— Честь имею доложить вашему сиятельству, на Бырладской заставе все обстоит благополучно...

— А это что? — Суворов указал на разворошенные возы. — Кто таков? В чьей команде?

— Михайло Битюгов. Станицы Цымлы. В команде бригадира Платова, ваше сиятельство.

— Сменишься, доложись по команде.

— Слушаю, ваше сиятельство!

— Ну-ка, ты, купец, поди сюда. Как тебя звать?

— Исаак из Шамбровичей, ясновельможный пан.

— Покажи-ка, что в шкатулке?

В шкатулке под двумя кошельками и пачкой ассигнаций оказалась большая связка бумажек, туго перевязанных черным шнурком.

— Развяжи,— сказал Суворов.

Развязав зубами тугой узел, Исаак протянул Суворову верхний листок. Это была расписка генерала де Рибаса с обязательством уплатить принцу де Линю 1300 рублей. Суворов усмехнулся, взял всю пачку, спрятал в полевую сумку и тронул коня.

— Ясновельможный пан! — закричал Шамбрович. — Кто будет платить?

— Суворов!

— О! Ясновельможный пан! Суворов далеко!

Казаки, молча смотревшие на все это, расхохотались.

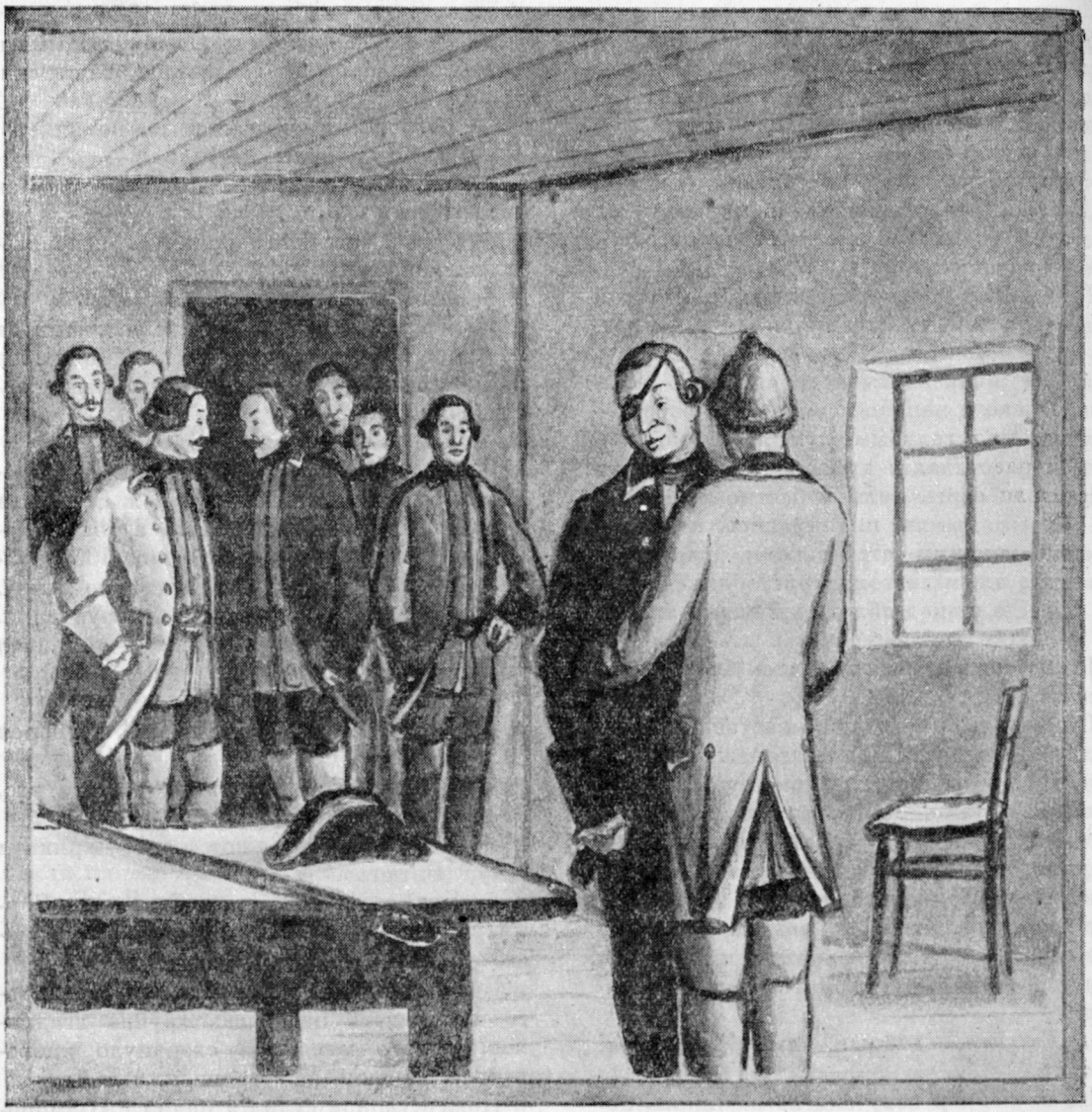
— Да Суворов — вот он! — крикнул есаул Битюгов.

— Битюгов! — приказал Суворов.—Сними рогатку. Пускай купец едет, куда знает — в чисто поле иль назад!

Суворов тронул коня. Впереди на дороге показалась на рысях группа всадников. Золото мундиров сверкнуло кровавым отблеском на утреннем солнце.

Пока Суворов судил и рядил с Шамбровичем, есаул успел послать в лагерь казака. Суворова ждали. Старшие командиры выехали встречать Суворова. Впереди ехал генерал-поручик Самойлов. Он отсалютовал Суворову шпагой. Суворов, не останавливая коня, приложил руку к каске.

Значок на шесте около загородного дома, покинутого измаильским пашой, указал Суворову место ставки. Перед ставкой стоял караул от гренадерской роты Суздальского полка. Приняв рапорт, Суворов поздоровался с караулом, молча прошел вдоль фронта, обнял и поцеловал левофлангового, поклонился солдатам и медленной, усталой походкой направился к дому. Строй караула смешался. Гренадеры, сняв каски, воздели их на штыки и, высоко вздымая ружья, с криком «Виват! Виват! Виват!» устремились вслед Суворову.



«Назначаю тебя комендантом Измаила».

Суворов остановился на крыльце, поклонился солдатам и вошел в дом.

Генералы и старшие командиры втолпились вслед Суворову в низкий обширный с маленькими оконцами покой. Суворов стоял среди покоя, устало закрыв глаза. Генерал-поручик Самойлов начал представлять командиров, называя их имена.

Первым подошел де Рибас. Суворов открыл глаза и обнял де Рибаса. Они расцеловались. Суворов притянул к себе голову де Рибаса и прошептал ему на ухо:

— Много ль де Линю в картишки проиграл? Когда платить будешь?

Де Рибас не смутился и тоже шопотом на ухо Суворову ответил:

— После штурма!

Суворов снова закрыл глаза. Самойлов назвал следующее имя, Суворову незнакомое, он открыл глаза, взглянул в лицо, поклонился и сказал:

— Познакомимся!

Принцу де Линю Суворов шепнул на ухо:

— Не бойся! Он отдаст! После штурма.

Молодой человек вспыхнул и отшатнулся.

Обнимая бригадира Платова, Суворов шепнул ему:

— Есаула Михайлу Битюгова взгреть!

— За что? — тоже шопотом спросил Платов улыбаясь.

— За то: не ходи пузато!

Так, представляясь, одни вспыхивали, другие бледнели, третьи изумленно поднимали брови, выслушав таинственный шопот Суворова.

Когда Самойлов назвал имя генерал-майора Михаила Голенищева-Кутузова, Суворов открыл глаза, внимательно посмотрел в лицо Кутузова: тот был с черной повязкой на правом глазу, потерянном под Журжей. Обняв Кутузова, Суворов прошептал ему на ухо:

— Назначаю тебя комендантом Измаила...

Кутузов рассмеялся, но вдруг стал серьезен и с поклоном во всеуслышание ответил:

— Спасибо, граф! Оправдаю ваше доверие.

Представление окончилось.

Не отдав никаких распоряжений, Суворов отпустил генералов. Удаляясь, они предполагали, что Суворов ляжет отдохнуть после стоверстной скачки по осенней слякоти. Суворов приказал подать свежего коня, пригласил с собой де Рибаса, Кутузова и французского инженера де Волана на разведку измаильских укреплений.

Все поняли, что штурм решен.

Болтливый француз де Волан, следуя с Суворовым по правую руку, указывал ему на разные подробности измаильских укреплений, с большим вкусом говорил об их оборонной силе, как будто он строил их сам и для себя. Кутузов и де Рибас, несколько отстав, беседовали между собой, не мешаясь в об'яснения Волана.

Суворов слушал де Волана молча. Порой его тонкие губы змеились недоброй усмешкой. Наконец, он кинул как бы для себя:

— Вобановы школьники!

Де Волан осекся и смолк. Французские слова, которыми он сыпал: фосбреи, горжи, линия дефензии, комплимент куртины, рампар, кофр,—не были новостью для Суворова: он их узнал еще ребенком. Ему вспомнилась книжонка де Вобана, переведенная отцом. Суворов остановил коня и проговорил по памяти шопотом:

«Фортификация есть художество укреплять города для того, чтобы неприятель такое место не мог добывать без потерянния многих людей, а которые в осаде могли бы малолюдством против многолюдства стоять».

Де Волан почтительно молчал, полагая, что Суворов читает молитву.

— Крепости строят для того, чтобы? — строгим тоном учителя спросил Суворов де Волана, устремив ему в глаза взор.

— Чтобы их защищать! — поторопился ученик.

Суворов покрутил головой.

— Галлы обходили римские крепости,— менее решительно искал ответа де Волан.

— Потемкин любит держать крепости в осаде! — продолжал учитель «наводить» ученика. — Ну-те, ну-те, сударь.

— Штурмовать! — воскликнул де Волан, наконец, догадываясь.

— Вот! Хорошо, господин инженер! — сказал Суворов и тронул жеребца.

Об'езд крепости по линии вне картечного выстрела продолжался. Турки высыпали на валы и следили за небольшою кавалькадой. Там уже, наверное, знали от лазутчиков и перебежчиков, что к Измаилу прибыл грозный Топал-паша: так прозвали турки Суворова за то, что он ходил вприпрыжку, прихрамывая на раненую ногу.

Де Волан, следуя за Суворовым, перестал болтать и только кратко, с инженерской точностью, отвечал на скупые его вопросы.

Там и здесь им встречались отряды и группы солдат: одни стройно маршировали в ружье, другие шли на работу с песнями, неся на плечах лопаты и топоры. При встрече с Суворовым смолкали песни и слова команды. А затем мгновенная тишина взрывалась криком «Виват!» — и солдаты шли дальше.

От одного взвода отстал молодой солдат. Он остановился на дороге и, сделав лопатой «на караул», смотрел на Суворова во все глаза. Суворов придержал коня.

— Ты что, камрад? Чего стал?

— Лестно на тебя глянуть, ваше сиятельство.

— Как тебя звать?

— Гусек, ваше сиятельство!

— Ну, Гусек, от старых гусей не отставай!

Гусек расхохотался и побежал догонять свой взвод...

— Взвод, стой! — скомандовал капрал Кукушкин.

— Дядя Никифор! — кинулся Гусек к капралу.— Вот так-так! Он меня камрадом обозвал! Ну уж и генерал. Жеребчик под ним лядащий. И сам-то худ...

— А голова с пуд! — оборвал Гуська Кукушкин.— Мужик ты был, Гусек, мужи-

ком и остался. Кто же это лопатой честь отдает?! Осрамил ты меня, Гусек. Перед Суворовым! Ну-ка он позовет меня да скажет: «Как же это ты, брат Кукушкин? Чему молодых учишь? Как же это? Ай-яй!»

Гусек вдруг заплакал. Солдаты сурово молчали.

Глава девятая. Потемкин

Суворов приказал резать по ильменям камыш и тростник на топливо, посылая на эту работу слабые команды. «От безделья в сырых землянках больше люди хворают»,— пояснял приказ. Задымились трубы камельков в давно нетопленных землянках. В сырых убежищах солдатских стало веселее, суше и теплее. Умножилось число дымов в русском лагере; турки, видя это, думали, что под Измаил прибыли новые крупные силы.

Под Измаил прибыли маркитанты и открыли свои палатки. Исаак Шамбрович вернулся к Измаилу с остатками своих товаров и в той же брошенной халупе, где раньше помещался его магазин, вновь открыл торговлю офицерскими товарами.

Суворов приказал снять с застав пикеты и рогатки: «Нам никто отсель не угрожает». По дорогам потянулись к Измаилу из глубины страны, казалось, дотла разоренной, скрипучие возы. Молдаване навезли необмолоченной кукурузы. Распечатались полковые денежные ящики. В артельных котлах парили «пшонку», варили «мамалыгу». Солдаты грызли пареную кукурузу и похваливали. Число маркитантских фургонов возрастало. Прикочевал огромный табор цыган. Около их черных палаток зазвенели наковальни. Получилась целая ярмарка. Старухи-цыганки гадали, покуривая трубки. Молодые цыганки стайкой бродили в толпе солдат меж возами, звеня монистами в косах, блистая черными глазами. Цыганята, невзирая на мороз, босые и без штанов, шныряли повсюду, тащили с возов, что придется, соперничая с голодными, тощими псами, неведомо откуда набежавшими в лагерь во множестве с хвостами в репьях.

Солдаты больше бродили по базару, чем покупали. Окружали гадалок, которые всем ворожили счастье.

Там, где торговали «с рук», около магазина Шамбровича, бродил, что-то выискивая, Ваня Гусек. В сумке у него гремело несколько медяков, а в руке он зажимал как некий талисман написанную ему после усиленных просьб ротным писарем за одну копейку бумажку — всего четыре слова: «Суворов платит три рубля».

Через денщиков к солдатам просочилась и разошлась молва о случае с Шамбровичем на заставе, о каких-то расписках, которые выигравшие офицеры продали за бесценок Шамбровичу, не рассчитывая получить со своих должников, о том, что господа теперь играют крупно, приговаривая «Суворов платит». Гусек первый смекнул дело. Он ходил на толкуне, выискивая то, что ему было дозарезу нужно. И, наконец, нашел. Какой-то смуглый человек — грек ли, турок ли, а может, и перс из Закавказья — держал в руках новую уздечку с серебряным набором. Гусек остановился, разглядел уздечку и спросил цену. Смуглый человек молча показал пальцами пять. Гусек, подняв один палец, сказал:

— Целкового заглаза довольно!

Смуглый помотал головой. Гусек принялся его уговаривать. Их окружили. Похвалив уздечку, «желтый» воронежский гусар спросил Гуська:

— Да зачем тебе, пехота, узда? Знаешь ли ты, где у кобылы хвост, где голова?

— Знаю! — уверенно ответил Гусек и показал смуглому человеку два пальца.

Тот поднял три пальца и на этом уперся.

Гусек вздохнул и согласился. Потянул к себе уздечку и сунул в руку смуглого бумажку. Смуглый развернул бумажку и огляделся кругом в недоумении...

«Суворов платит три рубля!» — прочел какой-то грамотей у него из-за плеча.— Бери! Чего тут! Это денег стоит!

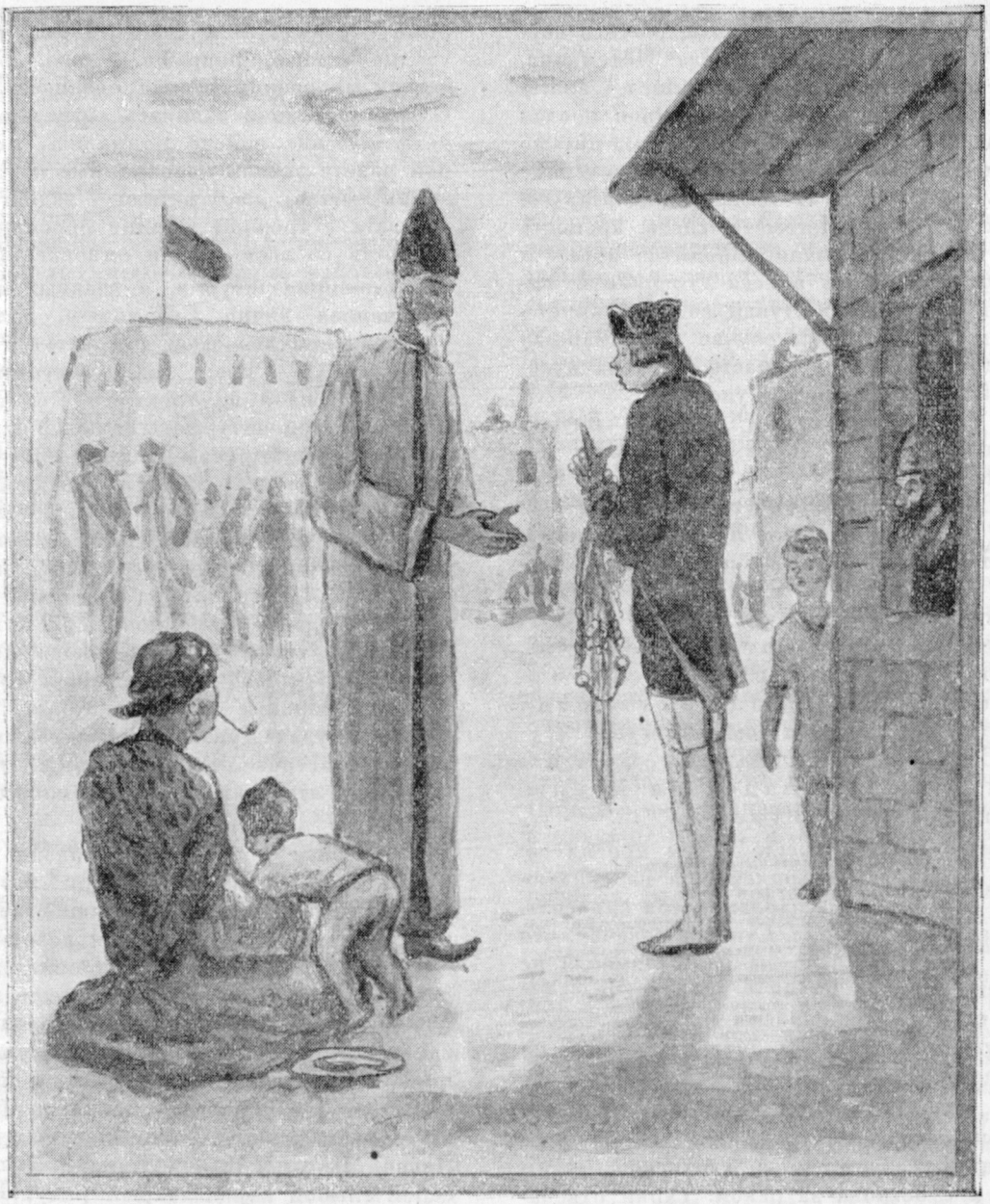
— Бери! Чего там! — сердито кричали солдаты.

Смуглый выпустил из рук уздечку, принял бумажку, поклонился Гуську и пропал в толпе.

Счастливый, оторопелый Гусек стоял и любовался своей новокупкой.

— Суворов платит! — крикнул один из солдат...— Хо! Хо!

Кружок около Гуська распался. «Суво-



— Целкового заглаза довольно!

ров платит!» — отголоском послышалось вдали.

Началась заварошка. С криком «Суворов платит!» солдаты взяли «на шарап» воз с вяленой таранью. Поднялся крик, беготня, собачий лай. Явились казаки, потом драгуны и разогнали озорников.

Суворов приказал примерно наказать громил, об'явив по войскам: «Солдат — не разбойник, обывателя не обижай, он нас поит, кормит».

Суворов приказал — и сделали в поле, подальше от глаз неприятеля, копию измаильского вала с глубоким рвом, перед ним вырыли волчьи ямы. Молодых солдат учили тут, как застилать плетнем волчьи ямы, забрасывать фашинами ров и штурмовать вал.

Суворов приказал у берега Дуная с обоих флангов крепости поставить за укрытием по батарее из сорока полевых пушек в каждой, чтобы скрыть от турок приближение штурма, обманув их надеждой на долгую осаду.

5 декабря к Измаилу возвратились войска генерал-поручика Павла Потемкина. 6 декабря из-под Галаца пришел Фанагорийский полк. 7 декабря Суворов послал сераскиру (командиру крепости) письмо фельдмаршала Потемкина, полученное семь дней назад. Потемкин предлагал сераскиру Айдос-Магомету сдать крепость без боя во избежание пролития крови и обещал отпустить войска турецкие и жителей Измаила за Дунай со всем имуществом. В противном случае фельдмаршал предрекал Измаилу участь Очакова и сообщал о назначении Суворова.

К пространному и вялому письму фельдмаршала Суворов присоединил послание от себя:

«Сераскиру, старшинам и всему обществу. Я с войсками сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление — воля; первый мой выстрел — уже неволя; штурм — смерть. Что оставляю вам на размышление. Александр Суворов».

Сераскир Айдос-Магомет ответил:

«Скорее Дунай потечет назад и небо упадет на землю, чем сдастся Измаил».

Хитрый паша вместе с тем просил десять дней на размышление, а на следующий день прислал парламентера спросить, согласен ли Суворов. Суворов отвечал, что если в тот же день на валу Измаила не появится белое знамя — знак сдачи,— будет штурм. Белое знамя не появилось.

Суворов назначил штурм в ночь на 11 декабря.

С рассветом 10 декабря[1] началась сильнейшая бомбардировка крепости с фланговых батарей, с дунайской флотилии и с острова за рекой. Турки отвечали канонадой из всех орудий. Артиллерийская дуэль длилась весь день до ночи. Сотни орудий непрерывно гремели с обеих сторон, изрыгая дым и пламя. Русские снаряды причиняли крепости большой ущерб. Сильно пострадал и город. На русской стороне урон понесла речная флотилия. Одну бригантину турки удачным выстрелом взорвали—больше ста человек экипажа погибло в волнах Дуная.

К ночи турецкие пушки замолчали. Все реже стреляли и русские. Ночь, непроглядно темная, покрыла землю. Ударил легкий морозец и сковал осеннюю грязь. В три часа ночи взвилась сигнальная ракета, русские войска поднялись, по второй ракете заняли назначенные по диспозиции места, по третьей — задолго до рассвета в грозной тишине бросились на крепость со всех сторон одновременно.

Диспозиция штурма, в главных чертах намеченная лично Суворовым, обладала удивительной ясностью и простотой. Крепость имела в плане вид треугольника. Против каждой из трех его сторон назначались три штурмовых колонны. Три колонны — на правом фланге против короткой, но очень сильной западной стороны под общим командованием генерал-поручика Потемкина. Три колонны — против самой длинной стороны, северо-восточной, об'единял под командой своей генерал-поручик Самойлов. Три колонны под начальством генерал-майора де Рибаса назначались для действия с третьей, речной стороны. Им предстояло, переплыв на судах Дунай, при поддержке батарей на острове Чатала и пушек речной флотилии атаковать крепость со стороны Дуная.

Из девяти штурмовых колонн трем приходилось штурмовать три вершины крепостного треугольника, наиболее сильные точки Измаила. Эти три колонны состояли из отборных батальонов старых суворовских полков, прославленных его победами. Команду этих трех колонн Суворов вручил трем генералам, в мужестве, храбрости и отваге коих Суворов не сомневался. На правом, крайнем фланге штурмовой колонной командовал генерал Львов. Здесь, у берега Дуная, вздымался серой глыбой камня старый редут Табия. Колонне под командой генерала Мекноба поручался штурм второй вершины треугольника, северо-западной,— здесь валы и стены батареи достигали высоты двенадцати сажен[2]. Штурмовой колонной против восточной вершины крепости командовал генерал-майор Михаил Илларионович Кутузов. Крепость примыкала в этом месте снова к берегу реки, выдаваясь вперед тремя бастионами.

Кавалерийский резерв в 2500 сабель под командой Вестфалена занимал такое место, чтобы поспеть в случае вылазки

[1] Старого стиля. По новому стилю, 21 декабря 1790 года.

[2] Более 24 метров.

турок к любым из четырех крепостных ворот.

Диспозицию во всех подробностях об'яснили солдатам.

Штурмовые колонны имели впереди себя стрелков и рабочих с топорами, кирками и лопатами. Солдаты несли на плечах фашины, волокли плетни, застилая ими волчьи ямы. Фашинами забрасывали рвы.

Гребень измаильских валов опоясался линией ружейных огней. Загромыхали турецкие пушки, осыпая штурмующие колонны картечью. Русские стрелки били турок «по головам», целясь на вспышки ружейных выстрелов. Под прикрытием ружейного огня солдаты перешли рвы. Началась «эскалада» — восхождение на крутые и высокие валы. К отвесным каменным стенам старых редутов приставляли лестницы. Цепкими муравьями карабкались люди по лестницам и крутым склонам валов; подталкивая слабых сзади, вытягивая спереди, с яростными криками взбирались солдаты все выше и выше. Передовые падали, сраженные выстрелами в упор и ударами сабель, но снизу снова катилась прибойная волна. Еще в глубокой тьме штурмовые колонны взошли в нескольких местах на вал и разливались по нему в обе стороны, тесня турок.

Редут Табия взять лобовой атакой оказалось невозможным. Генерал Львов первый перелез через палисад между редутом и берегом реки, подав пример фанагорийским гренадерам. Преодолев палисад, гренадеры, следуя за Львовым, ворвались в крепость и атакой в тыл захватили береговые батареи. Из редута турки сделали вылазку, янычары ударили в сабли. С редута неумолчно гремели пушки, осыпая фанагорийцев картечью. Львова ранило. Фанагорийцы ответили на вылазку штыковым ударом. Янычары рассеялись. Под взрывами ручных гранат фанагорийцы обошли редут, дорвались до ворот, отворили их, впустили резерв и соединились со второй штурмовой колонной генерал-майора Ласси, уже овладевшей на своем участке гребнем вала.

Третья штурмовая колонна под командой генерал-майора Мекноба штурмовала угловой бастион Измаила. Чтобы взобраться до вершины редута, пришлось связывать в длину по две лестницы в шесть сажен[1] каждая. Передовых смельчаков турки свергали вниз сабельными ударами. Их место занимали новые бойцы. Стрелки поддерживали внизу неумолчный огонь по головам турок. Отчаянный отпор турок заставил Мекноба ввести в бой весь свой резерв. Генерал во главе резерва взошел на бастион по штурмовой лестнице и здесь пал, смертельно раненый. Сломив упорство турок, солдаты Мекноба утвердились на бастионе и овладели соседними куртинами.

Большой урон терпели плохо вооруженные казаки четвертой и пятой штурмовых колонн на самом длинном фасе крепости. Янычары перерубали ятаганами древки казачьих пик, и, обезоруженные, казаки погибали сотнями. Части четвертой колонны, предводимой бригадиром Орловым, все-таки удалось взобраться на вал, как вдруг отворились Бендерские крепостные ворота и турки, выйдя из крепости, ударили в крыло штурмующей колонны, разрезав ее пополам. Казаки смешались. Янычары бурным натиском опрокинули их в ров. Если бы не вытребованный кавалерийский и пехотный резерв, дело здесь могло окончиться плохо. Сабельными ударами гусары, штыками пехотинцы прогнали турок обратно в крепость. Ободренные помощью, пришедшей вовремя, казаки повторили штурм и стали на валу твердой ногой.

Пятой штурмовой колонне бригадира Платова пришлось переходить крепостной ров по грудь в воде, а затем взбираться на крутой вал, одетый камнем. Втыкая пики в расщелины меж камней, казаки Платова упорно карабкались на вал под ружейным огнем турок. Дурной оборот дела в четвертой колонне, крики смятения оттуда, возгласы «Алла!» вне крепости при вылазке турок смутили и напугали казаков: они отхлынули. Посланный им на помощь батальон пехоты повернул дело. Колонна возобновила штурм и, прочно завладев валом, вошла в связь с четвертой колонной.

За рекой дело шло очень удачно. Прикрывшись завесой артиллерийского огня с батарей острова Чатала, все три колонны де Рибаса на судах речной флотилии подошли к берегу и высадились. Флотилия тоже гремела по городу из своих медных фальконетов. Под грозный говор пушек колонны пошли в атаку и овла-

[1] Около 13 метров.

дели пушками южных крепостных батарей.

Стальной обруч неудержимо стягивался вокруг Измаила. Сомкнуть его концы в венец победы предстояло шестой штурмовой колонне генерал-майора Кутузова. В этой колонне находился и батальон барона Остен-Сакена, пришедший из Бырлада. Памятуя урок, полученный от Суворова в день Александра Невского на вахтпараде, батальон по второй ракете двинулся на место, ему назначенное, так стремительно, что оказался впереди других, а ему следовало, по диспозиции, быть в резерве. Остен-Сакен выстроил батальон по передовым, не осаживая его назад.

Из-за этого батальон суздальцев оказался позади, а, по диспозиции, ему следовало быть в первой линии. В кромешной тьме произошла небольшая суматоха. Явился Кутузов.

— Я не отойду ни на шаг назад! — заявил Кутузову батальонный.

— Значит, такова ваша судьба, барон! — ответил Кутузов.— Вы пойдете в атаку первым.

По третьей ракете батальон кинулся на штурм с беззаветной отвагой под перекрестным огнем с валов, образующих здесь три исходящих [1] угла.

Раскаты «Ура!» и ответные вопли «Алла!» с вершины вала говорили о том, что там идет беспощадная рукопашная схватка.

Суздальцы в резерве роптали. Ваня Гусек с обмотанной по поясу под мундиром новокупленной уздечкой прилепился неотступно к Никифору Кукушкину и сдавленным голосом спрашивал его:

— Дядя Кукушкин! Как же мы без дела остались?!

— Делов на всех хватит! Без нас не обойдется, — спокойно ответил капрал.

Отпор янычар равнялся безудержному натиску гренадеров. Батальон потерял почти три четверти людей. Командир с рассеченной ударом ятагана головой упал, но под руку его попала брошенная сабля, он схватил ее, вскочил и ринулся в бой; кровь, вытекая из раны, застилала ему глаза.

Положение на участке шестой штурмовой колонны сделалось критическим. Суворову сообщил об этом прискакавший от Кутузова казак.

[1] Выступающих.

— Скачи назад. Скажи генералу: «Приказ подписан!»

Казак замялся.

— А боле ничего?

— Не перепутай: «Приказ подписан!» — повторил Суворов.

Казак поскакал обратно и наскаку кричал, чтобы не забыть загадки: «Приказ подписан! Приказ подписан!» — и с этим криком подлетел к Кутузову.

Уже брезжил туманный рассвет. Кутузов сам с суздальцами пошел в атаку. Они бросились через ров с криками: «Приказ! Приказ!» — хотя никто не знал и не мог знать, что за приказ подписан. Суздальцы знали, что у Суворова один приказ: вперед!

Гусек не отставал от Кукушкина. Втыкая штык в землю, он карабкался рядом с дядькой на скользкий от потоков крови вал и кричал, поощряя себя:

— Гусек! От старых гусей не отставай!

Ставя ногу на ровный гребень вала, после крутизны Гусек оступился. Он упал бы, если бы его не подхватил Кукушкин.

Что́ было потом, Гусек плохо помнил. У него зашлось восторгом сердце. Он куда-то бежал вместе с другими, держа ружье наперевес и крича: «Прика-аз!» Вдруг он почувствовал на штыке своем непод'емную тяжесть. В голову ударило. Завертелись в глазах колеса. Гусек упал.

Когда он очнулся, уже рассветало. Прислоненный к брустверу, Гусек сидел, держа в руках ружье. Кукушкин снял с головы убитого турка белоснежную чалму и принялся длинным полотном обматывать голову Гуська. Сквозь полотно сочилась кровь.

— Дядя Никифор, ты чего это делаешь? — спросил Гусек в недоумении.

— Турка из тебя, дурака, делаю!

— Дядюшка, а Измаил наш?

— Твой наполовину. А мою половину надо еще взять.

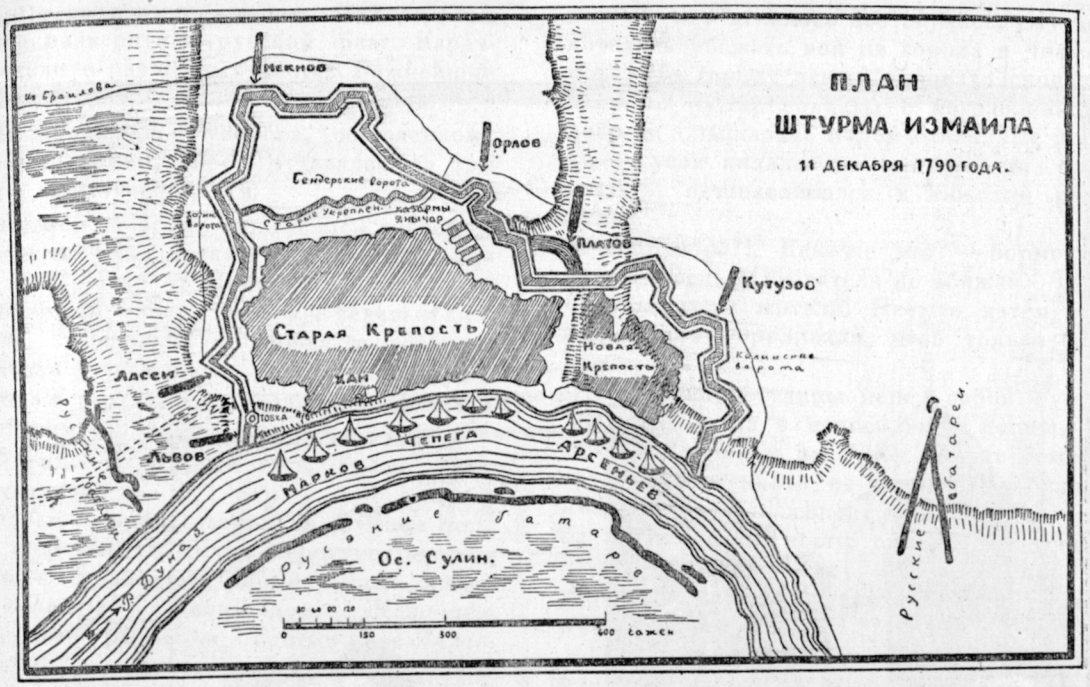
— А скоро в город на добычу пустят?

— Пустят? В город войти надо...

— Ура! Суворов платит! — закричал Гусек, встав на ноги...

— Молчи, коровье ботало! — строго прикрикнул Кукушкин...

Озираясь, Гусек удивился тишине. Пушки замолчали. Прекратилась и ружейная трескотня. Над рекою стоял туман. И город плавал над зыбким парусом тумана. Казалось, что дома, минареты и башни оторвались от земли и поднимаются ввысь. Бесчисленные стаи голубей



всполошенных штурмом, носились в безоблачном, фарфорово-синем небе, их крылья вспыхивали порой алой кровью: там, в высоте, уже светило солнце.

По валам, насколько хватал взор, ходили русские солдаты, склоняясь над убитыми, поднимая раненых, обыскивая турок.

— Дядя Никифор! Когда же твою половину Измаила брать? — спросил Гусек.

— Коль скоро Суворов велит, тогда и возьмем.

Вторая половина штурма оказалась трудней во много раз чем первая.

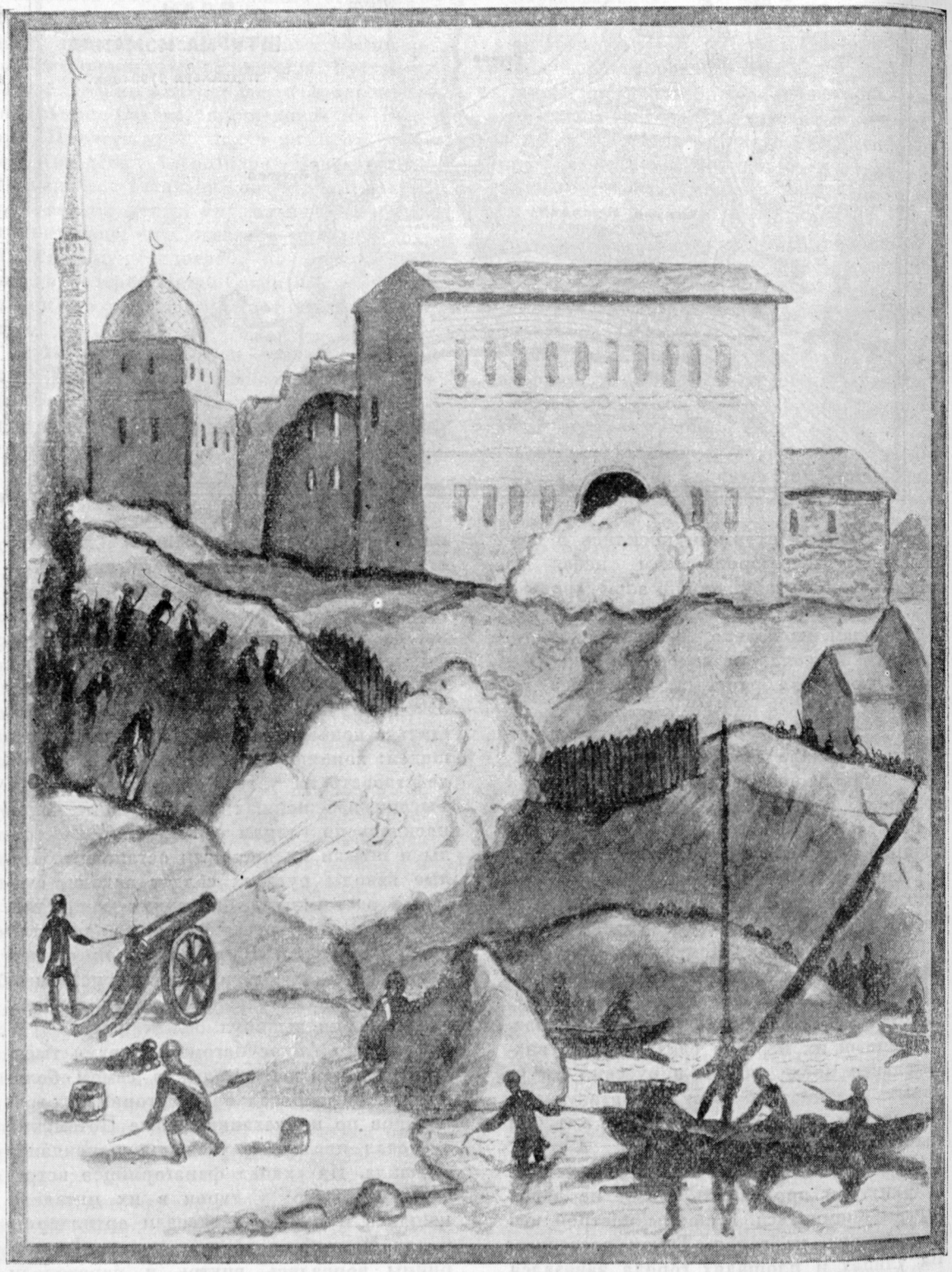
Овладев к солнцу всем поясом измаильских укреплений, русские войска сильно расстроились, потеряв очень много убитыми и ранеными. Почти все офицеры получили раны, в большинстве тяжелые. Турки, занимая центральное положение, собирались на тесных улицах Измаила. Численный их перевес сделался еще значительнее после убыли в русских штурмовых колоннах, к тому же атакующие образовали растянутую линию, а турки сплотились.

Суворов приказал войскам передохнуть и продолжать атаку, не давая туркам опомниться. Колонны построились и двинулись на город. Туман рассеялся. На улицах и площадях города завязался снова бой, вернее, сотни кровавых боев. Затихая в одном месте, выстрелы и боевые крики вспыхивали в другом. Все дома в Измаиле — или каменные или с толстыми стенами из сырцового кирпича — превратились в блокгаузы. Из окон домов, из-за стен летели пули. Большие дома, казармы янычар, высокие «ханы» — гостиницы — приходилось штурмовать, как цитадели, применяя артиллерию. Вдобавок ко всему сераскир приказал спустить с коновязей всех кавалерийских лошадей: конница турецкая не могла теперь действовать на узких и кривых улицах. Тысячи взбешенных разнузданных коней носились по улицам и площадям. Выстрелы и штыки их не могли остановить. Целые взводы русских солдат падали, смятые и растоптанные конскими копытами.

К часу дня русские войска достигли средины города. В руках турок оставались только две мечети и неприступный редут Табия. Из мечетей турок выбили. Редут Табия выкинул белый флаг.

Сераскир Айдос-Магомет с двумя тысячами янычар затворился в самом большом «хане». Батальон фанагорийских гренадеров по приказанию Павла Потемкина атаковал последнее убежище коменданта Измаила. Из «хана» фанагорийцев встретили картечью: у турок в их цитадели нашлись и пушки. Подвезли артиллерию и ядрами выбили ворота «хана». Фанагорийцы ворвались внутрь и перекололи всех защитников.

Назначенный комендантом Измаила, генерал-майор Кутузов принял город и кре-



Подвезли артиллерию и ядрами выбили ворота «хана»

ность в свое распоряжение. Над редутом Табия развернулся русский флаг. Караулы стали в различных местах. Важнейшие караулы занял Фанагорийский полк.

По обещанию Суворова, об'явленному перед штурмом, город отдавался на три дня в добычу солдатам.

Наравне со всеми занимались грабежом и солдаты Суздальского полка. И тут Гусек не отставал от Никифора Кукушкина. Опоясанный поверх мундира зеленым знаменем, сорванным с древка, с головой, окутанной чалмой, с незаряженным пистолетом в руке, Гусек повсюду следовал за старым капралом.

— Учись у старого гуся, Гусек. Дело немудреное!

Старый капрал, сторонясь шумной толпы, свертывал в тихие переулки, входил смело в незапертые двери и шел прямо на женскую половину дома. Женщины с малыми ребятами, одетые как будто в дальнюю дорогу, сидели в сумрачных комнатах на связанных узлах и увязанных сундуках; они встречали Кукушкина и Гуська тихим плачем. Старый капрал что-то ласково говорил им по-турецки — и одна из женщин, старуха, поспешно доставала из сундука или из-за пазухи несколько золотых монет, а то кольцо, серьги, браслет с цветными, оправленными в золото камнями. Ничего, кроме золота и камней, капрал не брал. Выйдя из дома, а то и тут же Кукушкин, прикинув на глаз ценность вещей, выделял Ване Гуську его долю добычи, примерно четверть.

Гусек сначала застыдился:

— Ай-яй, дядя Кукушкин, как это в чужом дому?!

— Тут все наше. Чужого нет!

— Куда же мне деть-то? Карманов-то нет!

— Куда? За подкладку! Подпори полу, дурак!

В уголках мундирных пол у капрала и Гуська начало на ходу позвякивать.

— Ходим мы с тобой, дядя Кукушкин, вроде попа с дьяконом на престольный праздник собираем...

— Эка сравнял! Мы с тобой кровь проливали... Дань собираем.

— Скушно, дядя Никифор.

— Скушно, иди погуляй...

Гусек потихоньку отстал от капрала у входа в следующий дом и пустился слоняться без дела по кривым улочкам Измаила. Гуську делалось все скучнее, ему захотелось убежать вон из города в чистое поле. По городу всюду воровато сновали какие-то чужие солдаты с награбленным добром. Слышались порой отчаянные крики — Гусек кидался на помощь, но, спохватясь, останавливался в тяжелом раздумье.

— Братцы?!. Как же это? — бормотал Гусек.—Ведь «Обывателя не обижай». Тут, братцы, тоже жители! Неужто затем бились, кровь проливали, чтоб только пограбить?!.

На повороте улицы перед собой Гусек увидел солдата с непосильной ношей. С тяжелым мешком на горбу солдат бежал, хотя за ним никто не гнался. Пробежав несколько шагов, солдат сбрасывал с горба непосильную ношу, отирал пот, взваливал снова на спину мешок и, пробежав еще несколько шагов, опять ронял добычу.

Гусек узнал солдата: его звали Топорком. В день перед штурмом Топорок маялся животом, стонал и охал, катаясь по лавке в землянке. На штурме Гусек его не видел. И Топорок узнал Гуська.

— Ваня, подсоби! — крикнул Топорок, роняя добычу.

Гусек захохотал и злобно спросил Топорка:

— Брюхо не болит ноне?

— Прошло, слава те, господи! Подсоби, камрад.

— Какой ты мне «камрад»!

Гусек плюнул, выругался и побежал прочь. Тоска его одолевала. Он очутился в улочке, тихой и пустой, и увидел: у каменной стены стоит вольный конь. Статный, червонно-золотой масти жеребец, забежав в тихий переулок, мирно выщипывал из расщелин каменной ограды порыжелую траву. У Гуська радостно стукнуло сердце. Он упрекнул себя:

— Эх, Гусек! Самое-то самое дело и забыл!

Достав из-под мундира уздечку, Гусек тихо подошел к червонно-золотому жеребцу и сказал ему:

— Тпру! Тпру! Не бойся, Смирный!..

Коню, видно, прискучила одинокая воля — он храпнул, раздув ноздри. Запах Гуська коню понравился — конь дался ему спокойно...

— Вот так у нас дело пойдет! — обратав коня новою уздечкой, приговаривал Гусек и выбрал из гривы коня репьи.

Разобрав поводья, Гусек вскочил на

ГОС. Публичная б-ка в

коня и шагом выехал из узкой улочки на площадь. Через площадь казаки гнали табунок коней.

— Эй, служба! — крикнул Гуську казачий урядник.— Слезай с коня долой!

— Как бы не так! Коня-то я сам добыл!

— Конь — не добыча! Слезай!

— Да, ведь, коня-то мы хотим от Суздальского полка Суворову в подарок!

— А, это — дело десятое! Хороший конь! — похвалил урядник.— Пожалуй, не самого ли сераскира носил! Это вы ладно, служба, удумали! Надо старичка уважить! Он коней любит!

Казаки погнали табунок коней дальше. А Гусек на Смирном выехал на Измаильский майдан.

Майдан кипел народом. Русские терялись в разношерстной толпе. Уже началась торговля награбленным добром. Солдаты сидели на корточках перед ворохами награбленной одежды, обуви, кучами медной, оловянной и серебряной посуды. Раскинулись палатки с восточными сластями. Манили, чадя угаром, шашлычники. Толпился народ у огромной винной бочки на возу. Отругиваясь от напирающих людей, виноторговец цедил вино в жестяные кружки.

Тут кто-то взял коня за узду. Конь остановился. Гусек хотел рассердиться, но, взглянув, узнал того смуглого человека, у которого купил уздечку. Держа одной рукой коня, Смуглый молча протянул другой рукой Гуську развернутую бумажку. Гусек догадался, что это выданная им расписка: «Суворов платит три рубля!» Гусек засунул руку поглубже за подкладку, достал целую горсть золота и высыпал ее в протянутую смуглую ладонь. Смуглый не удивился щедрой плате, выпустил уздечку, поклонился и пропал в толпе, оставив в руке Гуська расписку.

Суздальцы расположились в казарме янычар. Во дворе казармы дуванили[1] добычу. Офицеры находились тут же. Им не было нужды самим ходить на добычу: они были с солдатами в доле. Батальонный Золотухин, покуривая трубочку, сидел среди двора на барабане. Свалив добычу, солдаты подходили к батальонному и становились перед ним, расставив руки. Батальонный ощупывал у солдат за пазухой и в полах мундиров. У старых солдат нащупывал пустяки. Молодых заставлял горстями выгребать из-за подкладки золото, жемчуга, самоцветные камни и ссыпал в конское ведро, поставленное перед ним на земле. Гремели о железо золотые монеты; лились из дрожащей руки батальонного самоцветной струей бриллианты; крупным градом стучали разнизанные жемчуга.

Гусек в'ехал во двор веселый и закричал:

— А вот он и — я! Ура! Победа! Слава! Слава! Слава!

Увидев Золотухина, Гусек осекся. Батальонный крикнул:

— Гренадер! С коня долой! Сюда!

Гусек скатился с коня и подвел его к батальонному. Золотухин ощупал Гуська, выгреб у него добычу, ссыпал в ведро и спросил:

— Чей конь?

— Конь мой. Добыча!

— Конь — не добыча! Отведи и сдай коня на двор старой крепости. Там примут.

— Так, ведь, я не себе. Камрады! — закричал Гусек солдатам.— Подарим Суворову коня! Срам смотреть, на чем он ездит!

— Ай да Гусек — что выдумал! Вот пройда! Молодец! — кричали солдаты.

Смеясь, они окружили Гуська с конем. Подошли и офицеры. Все любовались червонно-золотым конем.

— Ты, малый, не дурак! — сказал батальонный.— Конь хорош. Подбери-ка, братцы, из добычи убор для коня. Да побогаче! Показистее!

Солдаты принялись набирать коню драгоценную сбрую.

Суворов день 11 декабря провел в своей ставке за городом, никого к себе не допуская. Он не любил об'езжать поля сражений после боя, как это делают почти все полководцы. Не груды мертвых тел его ужасали: тягостно было другое — превращение после победы стройного войска в дикую орду. Горько и обидно было подумать, что у солдат и командиров рядом с доблестью, геройством и жаждой славы отечества уживается низкая жадность к добыче. Суворов не торопился с триумфом и только 12 декабря торжественно в'ехал в Измаил.

На глассисе старой крепости у Бендерских ворот выстроилась почетная стража от Фанагорийского и Суздальского полков, несших в этот день караулы. Собирать на плац полки Суворов не велел: «Оставьте их заниматься делом!» Суворов, во всех орденах, русских и иностранных, с орден-

[1] Делили.

ской черной с желтым лентой через плечо, стоял «стрелкой», слушая строевой рапорт коменданта Измаила — Кутузова.

Приняв рапорт, Суворов поздоровался с гренадерами, прошел вдоль фронта, форменно повернулся, отошел и, став перед срединой караула, начал говорить. Он говорил, покашливая, хриплым голосом, не стараясь, чтобы слышали все, как он говаривал много раз, разбирая обыденный вахтпарад. И штурм Измаила в его словах представлялся как будто бы делом обычным, рядовым. Он хвалил солдат и командиров за точное исполнение приказов, за правильное, согласное диспозиции занятие мест, назначенных штурмовым колоннам, за то, что все колонны по третьей ракете двинулись на эскаладу одновременно. Никому Суворов не произнес хулы. И кончил речь обычными на вахтпараде словами громогласно:

— Субординация! Экзерциция! Дисциплина, чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смелость, храбрость! Победа, слава, слава, слава!

Отслужили молебен. Под орудийный салют возгласили вечную память павшим и многая лета живым. Суворову подали его донского жеребца. Генералы и офицеры окружили Суворова толпой, и Кутузов пригласил его к длинному столу, поставленному в стороне и накрытому одной огромной пестрой шалью. Офицеры подняли и сдернули покров. Сверкнули золотые кубки и серебряные чаши, богатые кинжалы, ятаганы, старинные дамасские клинки, тюрбаны, сплошь затканные бриллиантами. Отдельно на золотой тарелочке лежала грудка отборных бриллиантов, вынутых из оправ.

Кутузов об'яснил, что все, что на столе, гарнизон Измаила подносит Суворову и просит принять в подарок. Суворов с минуту смотрел и тихо сказал:

— Какое великолепие! Что за художество! Что за мастера! Чего не может только сделать рука человека! Миша! — обратился Суворов к Кутузову. — Пожалуй, этого на одной телеге не увезешь?

— Поплотнее уложить!

— Во! Поплотнее уложить, увязать покрепче и отправить сегодня же фельдмаршалу в Яссы. Пускай и он порадуется... От гарнизона Измаила!

Кутузов молча поклонился. Офицеры расступились, и тогда Гусек подвел к Суворову червонно-золотого смирного коня. Убрали «Смирного» солдаты наславу, богато, как сами хотели. Чепрак, шитый золотом. Турецкое седло с высокой лукой, украшенное горящими камнями. Между ушей коня колыхался пышный султан из белых страусовых перьев, схваченный бриллиантовым аграфом.

Суворов залюбовался конем.

— Ваше сиятельство! Прими солдатский подарок! — громко провозгласил Гусек и тише, для одного Суворова, прибавил:— Моя добыча—конь-то, и уздечку я купил! Помнишь: «Гусек! Не отставай от старых гусей!»

Суворов блеснул взором, подошел к Гуську, обнял его, поцеловал и похвалил коня:

— Хороший конь! Видно, что привык к парадам. Скажи товарищам от Суворова спасибо. Только принять подарка не могу: донской конь принес меня сюда, донской конь унесет и отсюда!

Гусек с печальным восторгом воскликнул:

— Батюшки! Матушки! От коня отказался?!

— Расседлай коня!—приказал Суворов.

Гусек поспешно исполнил приказание, расседлал «Смирного», свалив чепрак, седло и остальной убор на стол с отвергнутыми Суворовым дарами. Осталась на коне одна уздечка.

— Сними уздечку! Дай коню волю.

Гусек прищелкнул языком и неохотно исполнил, что велел Суворов. Освобожденный конь тряхнул головой, заржал и помчался, распустив хвост трубой. Люди шарахнулись от него в стороны.

Поникнув, постоял Гусек с уздечкою в руке, поднял голову и робко предложил:

— Може, хоть уздечку возьмешь от меня самолично?

— Взять не возьму, а куплю, пожалуй,— ответил Суворов,— коли недорого спросишь...

— Да по своей цене отдам! Три рубля сам дал...

Суворов взял из рук Гуська уздечку и приказал казаку ею взнуздать своего донского жеребца, а Мандрыкину велел заплатить Гуську три рубля.

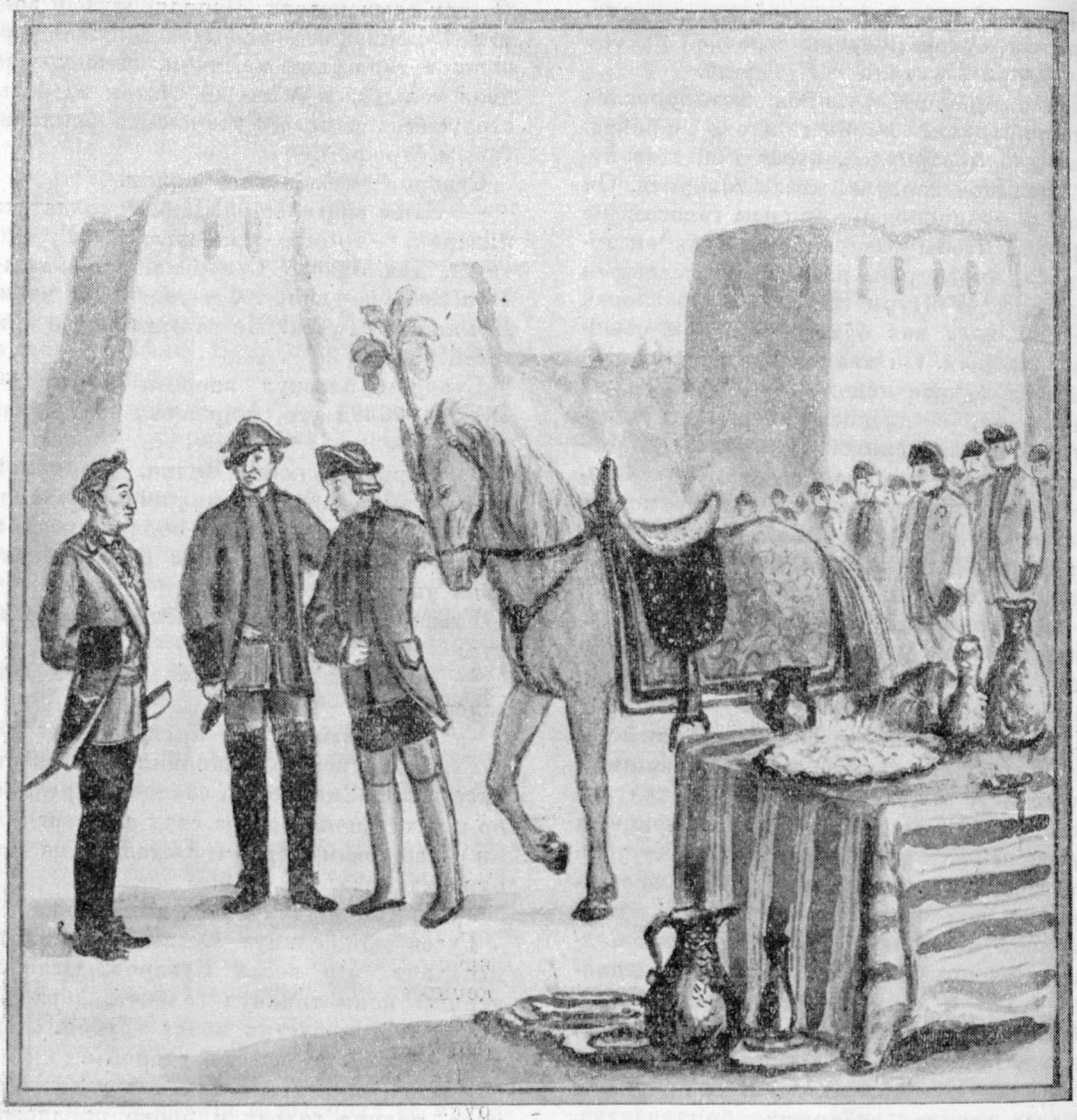
Суворов вскочил на коня и шагом направился к Бендерским воротам.

Получив деньги, Гусек закричал:

— Ура! «Суворов платит!»— и кинулся к суздальцам.

Они его окружили:

— Вот, братцы, штука! От коня отказал-



— Ваше сиятельство! Прими солдатский подарок! — громко провозгласил Гусек.

ся! А уздечку купил у меня. Вот они, три рублика. Да где же дядя Никифор?

— Эка хватился! Дядя Никифор в лазарете лежит...

— Да как же так?

— А так, поди в большую чайхану, он там. Да, пожалуй, уж и кончился! Беги, може, и застанешь живого...

Испуганный, побежал Гусек на майдан, нашел чайхану и вошел под ее сумрачный свод. Тяжелый, смрадный воздух захватил Гуську дыхание. На устланном соломой полу чайханы лежали вповалку и стонали раненые. Гусек нашел Кукушкина. Старый капрал лежал в сторонке у стены навзничь с закрытами глазами, накрытый плащом. Гусек тихо позвал его. Капрал открыл глаза:

— А, Гусек. Пришел? Ну что?

— Да, ведь, какое дело, дядя Кукушкин,— он от коня-то отказался!

— От какого коня?

Гусек рассказал, как было дело. Лицо у Кукушкина просветлело. Он усмехнулся:

— Эх ты, дура, вахлак, вздумал его конем соблазнить!..

— А хотел он взять, коня-то! Даже зарделся! Уж и хорош конь-то! Так он на коня жарко глядел, а постыдился. Уздечку мою за три рубля у меня купил...

— Дешево отдал.

— Как же это ты-то, дядя Кукушкин?

— Да так вот. Хорошо, что ты от меня

отстал. Вошел я в дом честь-честью, а баба мне кривым ножиком в живот и пырнула. Кишки кой-как собрал да сюда принес. Вправили лекаря кишки. Поротое место зашили.

— Ты не помри, дядя Кукушкин!

— Помру, похоронят. Вот что, Гусек. Возьми у меня из-под головы узелочек. Там все. Отдай батальонному Золотухину на дуван. Мою долю пускай в деревню отправят. Он знает...

Гусек достал из-под головы капрала тяжелый маленький узелок.

— Ну, ступай! Кланяйся товарищам.

— Прощай, дядя Кукушкин!

Гусек вышел из чайханы. Уже темнело. Но майдан гудел. Кое-где зажигались фонари. Отовсюду неслись песни, пьяные крики, слышался женский смех.

Туман повил шумный город печальной пеленой.

★

Суворова после штурма замучила лихорадка. Он стремился душой на север, тоскуя по белым снегам, крепкому морозу: там, в России, малярия всегда у него ослабевала или оставляла совсем.

Пробыв под Измаилом еще несколько дней, Суворов об'явил, что едет в Петербург. Дорога лежала через Яссы, где жил, изнемогая в роскоши и лени, Григорий Потемкин. Суворову предстояла с ним встреча.

В день от'езда, когда Суворов простился уже с войсками, к нему явился Шамбрович и попросил свидания с глазу на глаз.

— Сиятельный граф! Мои должники теперь все богатые и хотят выкупить свои расписки. Что я им скажу: «Идите к Суворову, расписки у него».

Суворов велел позвать Куриса.

— Иван Онуфриевич,— сказал Суворов,— составь-ка списочек по этим бумажкам.

Курис составил список и всех, кто в нем числился, экстренно потребовал к Суворову. Он не пощадил и генерала де Рибаса.

Повозка для Суворова, запряженная тройкой, и вторая для Дубасова — парой, стояли у крыльца, когда то самое зальце, где в день приезда Суворову представлялись командиры, наполнилось офицерами всех рангов. Явился и де Рибас, очутившись в ряду с армейской молодежью. Все недоумевали, зачем их позвали. Присутствие Шамбровича помогло догадаться. Суворов вышел к командирам, одетый в дорогу.

— А, господа картежники! Ну, сударь, теперь платите долги,— сказал Суворов.— Мальчики! Бросьте карты. Я в жизни один раз крупно выиграл, другой раз крупно проигрался и больше не брал в руки карт. Солдату непристойна эта забава... До свиданья, господа...

Суворов сел в свою повозку. Дубасов — в свою. Возничий хлестнул коней. Тройка поскакала, за ней — пара. Повозки прыгали по кочкам замерзшей дороги. В повозке Дубасова гремела и дребезжала посуда.

Унылая, бесснежная и в декабре, молдаванская степь, похожая на застывшее в ленивой мертвой зыби море, развертывалась перед тройкой.

От фельдмаршала Потемкина Суворов получил в Измаиле очень любезное поздравительное письмо, но в нем из-за дружеских любезностей сквозили и досада и неприязнь: Потемкин завидовал и не умел скрыть зависти и в дружеских излияниях письма. А может быть, и не хотел скрыть. Встреча с Потемкиным не обещала доброго, хотя Суворов знал, что фельдмаршал готовит ему торжественную встречу.

Ближе к Яссам местность сделалась веселее: холмы круче, появились леса. Последнюю станцию перед Яссами Суворов ехал с утра в мрачном полузабытьи. По расчету времени выходило, что Яссы будут в середине дня.

На колдобине тряхнуло. Суворов очнулся от забытья и крикнул ямщику:

— Стой! Колесо сломалось!

Ямщик осадил коней. Суворов выпрыгнул из повозки. И ямщик слез с козел. Под'ехал на паре Дубасов.

— Ах ты, бездельник! — встретил подошедшего Дубасова Суворов, указывая на правое заднее колесо своей повозки.—Говорил я тебе, что надо починить тележку,— видишь, колесо развалилось!

Ямщик смотрел то на колесо, то на Суворова в тупом недоуменье: колесо было целехонько...

— Экое диво какое,—ведь, было совсем здоровое колесо и в черенья разлетелось! — сказал Дубасов, ничуть не удивляясь. — И ехать-то осталось двадцать верст! Есть ли у тебя, друг, топор?

— Как топору не быть,— ответил ямщик.

— Поди-ка, друг, в лесок, выбери дубок вершка на два да сруби,— распорядился

Суворов через три ступеньки взбежал на лестницу.

Дубасов,— придется на место колеса слегу подвязать...

— Да колесо-то, ведь, цело!

— А ты, друг, тверез ли? — спросил ямщика сам Суворов.— Ступай и делай, что велят...

Ямщик достал из передка топор, пошел в лес, срубил дубок. Принес его. Колесо сняли, и вместо него к оси подвязали слегу.

— Вот морока! — удивился ямщик. Подняв колесо, он крепко им постукал по земле: — Колесо-то, ведь, цело!

Дубасов отнял колесо у ямщика и положил в свою тележку. Суворов молча забрался в повозку и велел ехать тише. Поехали. Слега чертила по земле. Сзади шажком тащилась тележка Дубасова. Суворов заснул...

В Яссы в'ехали ночью. На заставе Суворова не узнали. Он велел ехать не во дворец Потемкина, а к старому своему приятелю майору Непейсыну, у которого всегда останавливался, приезжая в Яссы. Непейсын служил в Яссах полицеймейстером. Он встретил Суворова радушно и рассказал ему, что днем все готовились встречать измаильского героя. Потемкин заблаговременно послал к заставе свою золотую карету. От заставы до дворца стояли махальные, чтобы в тот же момент, как Суворов под'едет к заставе, просигналить По-

темкину. По ракете грянули бы пушки и зазвонили бы на всех церквах колокола.

— Ах, ах! — жалел Суворов.— Помилуй бог, какие почести! И как на грех надо было колесу сломаться! Да на чем же я завтра к фельдмаршалу поеду? Скажи, камрад, сделай милость, цела ли у тебя твоя колымага?

— А что ей делается? — ответил майор Непейсын.— Стояла и стоит в каретнике. С той поры, как брал ее у меня архиерей для визита к его светлости, ее и не запрягали. Сам я не иначе, как на дрожках езжу.

— Окажи, друг, услугу: одолжи мне на завтра твою карету.

Непейсын усмехнулся и ответил:

— Да бери, Александр Васильевич: не на трех же колесах тебе к фельдмаршалу ехать!

Утром по улицам столицы молдавских господарей ко дворцу, где до вторжения русской армии жил паша, наместник султана, катила, дребезжа и ковыляя, старинная облупленная колымага, запряженная парой тощих кляч. На козлах сидел в плаще с широким капюшоном и в широкой черной шляпе кучер с длинным бичом в руке. На запятках, держась за ремни, стоял, одетый архиерейским служкой Дубасов в жупане с широкими рукавами. Суворов притаился в глубине колымаги.

Потемкин поднялся с постели раньше обычного, и от этого дурное настроение его усилилось. Повторять вчерашнюю церемонию встречи Потемкин не хотел: не ждать же подряд несколько дней, не ставить же у дворца опять на целый день почетный караул, не держать же бомбардирам горящие фитили круглые сутки для пушечного салюта! Все-таки Потемкин изменил привычному бухарскому халату и сразу оделся в мундир.

Увидев у окна колымагу майора Непейсына, ад'ютант доложил Потемкину:

— Ваша светлость! К вам, кажется, опять архиерей с визитом!

Лицо Потемкина изобразило брюзгливую досаду:

— Как это некстати!

Однако же он вышел в сени встречать преосвященного владыку и остановился наверху лестницы.

Колымага остановилась. Суворов из нее выскочил со смехом и с резвостью мальчика, через три ступеньки, взбежал на лестницу. Фельдмаршал и Суворов обнялись и расцеловались, для чего Потемкину пришлось нагнуться.

— Чем я могу наградить ваши заслуги, граф Александр Васильевич? — сказал Потемкин, надменно выпрямляясь.

Суворов вспыхнул:

— Ничем, князь. Я не купец и не торговаться приехал. Кроме бога и государыни меня никто наградить не может!

Потемкин побледнел и молча двинулся в зал. Суворов последовал за ним и подал строевой рапорт. Потемкин принял рапорт небрежно. Ни тот, ни другой не произнесли более ни слова. Молча походили взад и вперед по залу. Суворов откланялся. Потемкин едва ответил на его поклон. Они разошлись. Суворов вернулся в дом майора Непейсына, велел надеть на ось своей повозки четвертое колесо и отправился дальше, в Петербург.

Перед от'ездом Прохор Иванович осторожно выспрашивал Суворова:

— Ну, как, ваше сиятельство? В каком духе светлейший князь?

— В отличном.

— Спрашивал, чего ты хочешь, Саша?

— Спрашивал.

— А ты что?

— «Униженно кланяюсь, мысленно целую колени вашей светлости! Дайте мне чин фельдмаршала!»

— Хорошо, Саша, сказал. Надо и его уважить! Ведь Катерина его обязательно спросит, чем тебя наградить. Ну, что же, обещал?

— Обещал.

— Ах! Вот теперь армия будет довольна! «Фельдмаршал Суворов!» Ура! А не рассердился он на тебя, что ты архиереем прикинулся?

— Ничуть. Посмеялся. Рюмку водки велел поднести.

Успокоив Дубасова, и сам Суворов ехал в Петербург, вполне уверенный, что получит фельдмаршальский жезл.

Штурм Измаила сделал огромное впечатление. Перед русской армией лежал открытым путь к Балканам. Из придунайских городов турки начали разбегаться. В потрясенном Стамбуле вспыхнуло народное восстание. Падение Измаила обеспечило России почетный мир. Зарубежные враги притихли.

В Петербурге ликовали. Екатерина в письме Потемкину, рискуя задеть его самолюбие, говорила, что «почитает изма-

пльскую эскаладу[1] города и крепости за дело, едва ли где в истории находящееся...» И Дубасов не ошибся: царица спрашивала у Потемкина совета, как и чем наградить Суворова. Курьер с ответом Потемкина обскакал Суворова.

Екатерина приняла Суворова, когда он к ней явился, с холодной лаской и об'явила ему за взятие Измаила чин подполковника Преображенского полка: награду эту за подвиг, «беспримерный в истории», можно было счесть издевкой. Хотя полковником Преображенского полка числилась сама императрица, но подполковников преображенских считался уже целый десяток, в том числе и фельдмаршал Григорий Потемкин.

Вслед за Суворовым в столицу явился и фельдмаршал Потемкин, оставив армию на попечение князя Репнина. Потемкин тоже мог рассчитывать на высокую награду за взятие Измаила: ведь он был главнокомандующий, а Суворов — только исполнитель его повелений. Если Суворов рассчитывал получить жезл фельдмаршала, то Потемкин мог думать о высочайшем в армии чине «генераллисимуса российских войск»... Все ждали, какова же будет награда Потемкину.

Готовился в честь его как победителя Измаила великолепный праздник. Суворов незадолго до торжества получил от Потемкина повеление Екатерины отправиться на границу Финляндии для осмотра крепостей.

Суворов, получив повеление, сел в почтовую кибитку и покинул Петербург.

В Таврическом дворце, купленном Екатериной у Потемкина за полмиллиона, а теперь вновь ему подаренном, праздновали победу Измаила. Великолепием и пышностью праздник затмил все, что видели в столице раньше.

Потемкина чествовали как победителя. Екатерина подарила ему фельдмаршальский мундир, затканный бриллиантами, и двести тысяч рублей, но и только. Чина генераллисимуса, о котором, быть может, мечтал Потемкин, он не получил. Ненасытность и жадность Потемкина, видно, прискучили и Екатерине: она охладела к своему баловню и любимцу.

Праздники сменились буднями. Потемкин погрузился в хандру, но не ехал к армии, куда его старалась сбыть Екатерина. Тем временем Репнин разбил турок за Дунаем и подписал с Турцией мир, вырвав у Потемкина славу окончания войны.

Звезда Потемкина склонилась к закату. Он вернулся к армии. Долго здесь томился в безделье, заболел и в предсмертной тоске решил покинуть Яссы. В дороге ему сделалось дурно. Его вынесли из кареты. Он умер в степи, под открытым небом.

Узнав о смерти Потемкина, Суворов написал:

«Се человек, се образ мирских сует,— беги от них, мудрый!»

[1] Штурм.

(Окончание в следующем номере)

★ ★ ★

Привет славным героиням!

На этой фотографии моя мама вместе с Валентиной Гризодубовой и Полиной Осипенко. Они стоят на крыше самолета «Родина». Все они в кожаных штанах, шерстяных фуфайках, на ногах у них меховые сапоги, шапки на них тоже меховые. А Осипенко еще и в кожаном пальто. Они одеты так тепло потому, что знают: лететь им придется на высоте 6—7 тысяч метров, а на такой высоте очень холодно.

Справа на фотографии мотор с пропеллером, а слева—окно маминой кабины.

Перед отлетом мама повезла нас с бабушкой на аэродром, чтобы показать нам самолет «Родина». Аэродром весь зеленый, и самолетов на нем очень много. Среди других самолетов стоит красный самолет Коккинаки. А самолет «Родина» весь серебристо-белый, и красными буквами на нем написано «Родина».

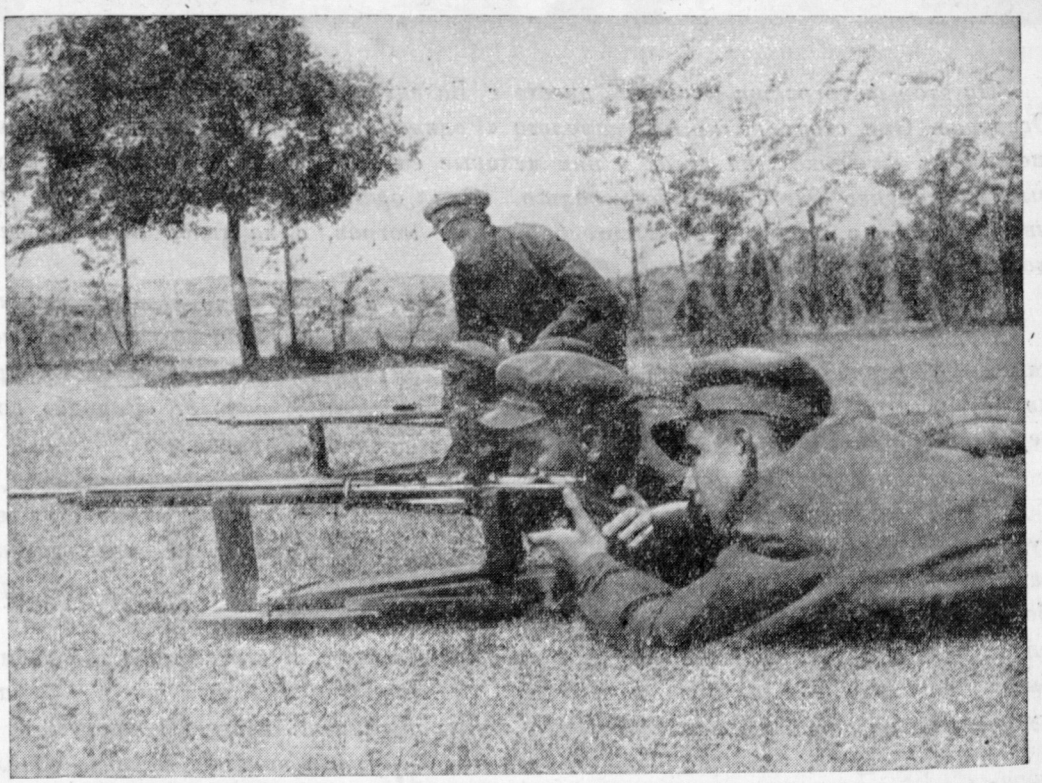
Он очень большой, почти как двухэтажный дом.

Когда мы поднялись по лесенке в мамину кабину и я села на мамин стул-вертушку, я увидела, что хотя самолет стоит на земле, видно из него очень далеко: такой он высокий. Мамина кабина маленькая, и в ней очень светло. Все, даже приборы, такого же серебристо-белого цвета, как и самолет. Мама взяла бумажку и опустила ее в трубочку, которая вела в соседнюю кабину. В это время в той кабине были Валентина Гризодубова и Полина Осипенко. Они прислали нам эту бумажку обратно, на ней было написано: «Что же ты посылаешь пустую бумажку?»

Мама обещала, что когда мне исполнится 9 лет, она покатает меня на самолете. А когда я вырасту, я буду летчицей, как моя мама.

Таня Раскова

Пулеметчик и снайпер у танка.



Начинающие стрелки сначала обучаются прицеливанию на станках.

Снайпинг

Евг. Симонов

Когда
война-метелица
придет опять,—
должны уметь мы целиться,
уметь стрелять.
Вл. Маяковский.

Первые снайперы

Осенью тысяча девятьсот пятнадцатого года английское командование на западном фронте было встревожено. Британские стрелки несли большие потери. В окопах царило смятение. Не то, что приподнять над окопом голову: нельзя было открыть на полсекунды глазок бойницы, чтобы не получить пулю в глаз. Казалось, какая-то невидимая рука указывала немцам самые чувствительные мишени: они били по офицерам и пулеметчикам.

Тогда был отдан приказ: атаковать немецкое расположение, во что бы то ни стало доставить германские винтовки и самих стрелков.

Атака была удачной. Пленных допрашивал майор Хескет-Притчард, специалист по шпионажу и контрразведке, прославленный африканский охотник на диких слонов и хищников. Он хотел выпытать секреты фантастической меткости немецких стрелков.

И один из пленных показал, что он действительно бьет только командиров. Как же он отличает их от солдат? Немец рассказал. Это очень просто. В свой телескопический прицел он, даже с большого расстояния, узнает офицеров по более длинным шинелям, погонам или «паучьим ножкам» (английские офицеры носят особого фасона бриджи, плотно обтягивающие ноги). До войны этот солдат был ярым охотником, но теперь он вооружен не охотничьей двустволкой, а винтовкой с телескопическим прицелом и бронебойными пулями.

Солдата со специальным оружием и особой техникой стрельбы англичане назвали «снайпер».

С этого дня Хескет-Притчард целиком отдается изучению снайпинга. Через два месяца в окопах британских стрелков появились первые английские снайперы, бывшие канадские охотники и ловатскауты (разведчики). Хескет-Притчард начал борьбу с немецкими снайперами. В один из первых дней британцы испытали в окопе снайпероскоп — прибор, указывающий место, где укрывается невидимый вражеский снайпер.

Над бруствером английских окопов, за которыми напряженно наблюдали замаскированные немецкие снайперы, неожиданно показывалась каска, а между прикрытиями слегка виднелось лицо самого стрелка, мирно попыхивающего трубкой. Раздавался выстрел, и в английском окопе осторожно опускали простреленную немцем голову. Но на этот раз немецкий снайпер поразил всего-навсего деревянную болванку в солдатской каске. Наблюдатель вынимал из деревянной головы резиновую кишку, через которую вдували в трубку дымок. Затем такую же голову выставляли в 25—50 метрах от первой. Офицер брал линейку, по направлению пулевых отверстий он делал засечки и вычислял место расположения немецкого снайпера:

— Ага, он лежит вон за тем трупом! Видимо, этот труп — только щит, только стальная копия убитого солдата. Огонь на точку пересечения Н. 16 — С. 45,5!

В мировую империалистическую войну войска, как кроты, зарывались в землю. Солдаты обеих сторон почти не видали друг друга и стреляли чаще всего не целясь. Тогда-то снайперы и показали себя. Удачно замаскированный, зарывшийся в землю снайпер мог заменить собой роту обычных стрелков. Мишенями снайперу служили погоны офицеров и огневые точки неприятеля. Снайпер бил прежде всего комсостав, лишая врага руководителей, обезглавливая воинские части. Нащупав пулеметное гнездо, снайпер разбивал бронебойной пулей замок пулемета: это было важнее чем уничтожение пулеметной прислуги. Свое «гнездышко» снайпер обычно свивал впереди своего окопа, около расположения противника. Отсюда он сам или сидевший с ним наблюдатель выбирали свои цели.

Снайпер не только хорошо видел: он кроме того отлично разбирался в том, что воспринимали его глаза. Ложась на рассвете в свое гнездо и оглядевшись кру-

гом, снайпер сейчас же отмечал: «Эге, вчера не было этой лошадиной туши, а пни около того холма были метров на 20 левее. Ясно, что лошадиной тушей замаскировали вражеского снайпера. Для чего же отодвинули пни? Скорее всего, чтобы прикрыть дымок от выстрелов!»

Снайперский пост в макете лошади.

«Длинный глаз» снайпера видел на расстояние до 3 километров. Снайпера приучали стрелять при любом освещении: в сумерках и против солнца, в газовом тумане и ночью. В своих дневниках Хескет-Притчард вспоминает, как некий снайпер три дня подряд наблюдал кошку на одном и том же месте, примерно в километре от себя. Снайпер сообразил, что если на фронте завели кошку, то, следовательно, кого-то одолели крысы, а крыс приманила хорошая пища, более обильная чем простой солдатский паек. Снайпер доложил, что в той точке, где он видел кошку, вероятно, находится офицерский блиндаж, а может быть, и штаб. Вечером шестидюймовые гаубицы открыли огонь по «киске», и после первого же попадания в воздух взлетели тела офицеров, радиоаппараты и штабной инвентарь. Кошка помогла наблюдательному снайперу открыть расположение неприятельского штаба.

Меткий огонь — основа боя

Поучительный урок получили от снайперов японцы, когда они шесть лет назад нагло высадили в Шанхае свой десант.

Японский капераиг (капитан первого ранга) Арима в своих записках вспоминает, какой отпор дали китайские снайперы непрошенным гостям. Когда первый десант японской морской пехоты с винтовками наперевес ворвался в мирные улицы портового города, с чердаков и с балконов послышались первые выстрелы. Хорошо укрытые китайские снайперы методично выбивали японских офицеров, пулеметчиков и вынудили первый десант убраться не солоно хлебавши.

На утро тишину улицы Сангили нарушил грохот броневиков, открывших наступление второго десанта. Покрикивая на озиравшихся солдат, мичман Уцияма вел свой взвод. Первым же выстрелом китайские снайперы «сняли» мичмана, а вслед за ним поочередно выбивали всех, кто принимал на себя командование. Взвод растерялся... Он без толку метался по улице, ища прикрытия... На помощь примчался броневик № 5.

Снайперы всадили в броневик 500 пуль, они ухитрялись целиться в щели машины. Две пули, попавшие внутрь тесной коробки автомобиля, ранили командира, мичмана, водителя машины, артиллериста. Оба пулемета на броневике были выведены из строя.

В школе снайпинга

Глаза новичка в школе снайпинга обычно еще не умеют «думать». Они воспринимают местность механически, из 20 кустов не умеют выбрать тот фальшивый, которого не было вчера и который сделан за ночь маскировщиками и прикрывает теперь снайпера.

...Новичок стоит на валу; на поле перед ним выскакивают мишени.

— Вижу,— возбужденно кричит стрелок,— слева голова офицера!

Маскировочный пень.

— Это не голова, а «липа»,— охлаждает его инструктор, вы видели голову, но не разобрали, что ее двигали макушкой вниз. А настоящая голова в это время ползла с того края.

Но вот прошли месяцы работы. Стрелок ложится на вал, но теперь он не просто «глазеет». Нет, он уже фотографиру-

ет своими зрачками местность и разбирается, что к чему.

Вот в 400 метрах от стрелка появляется на шесть—семь секунд голова, потом она скрывается. Через два месяца она будет появляться уже только на секунду и в самых неожиданных местах. Дальше мишень начнет двигаться, станет мельче, а к концу учебы число мишеней размножится; на линии огня будет возникать уже три, пять, десять мелких мишеней — надо будет выбирать главные и успевать поразить их, пока они не скрылись.

Если зритель, побывавший в школе снайперов, скажет, что снайперы должны обладать глазами настоящих орлов, это не будет большой похвалой снайперу. Быть орлом легче чем снайпером, потому что, как говорил Энгельс, «орлиный глаз видит значительно дальше человека, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла».

Ночная стрельба

На стрельбище ночь. Идет дождь. Накинув капюшон и хлюпая ногами по глине, начальник школы снайпинга пробирается к огневому рубежу.

— Товарищ начшколы,— тихо говорит дежурный по валу,— слушатели построены, разрешите начинать.

Стрелки готовятся открыть огонь. Снайпер направляет свою винтовку в темноту. Он ничего не видит. И, как губка, впитывает в себя звуки, запахи, шумы, доносящиеся с линии обстрела. Рожок горниста играет сигнал: зачет начинается.

Ухо стрелка напряженно ловит ускользающий звук... Вот, кажется, поймал:

— Гудок машины: видимо, подвозят подкрепление либо снаряды.

Но инструктор говорит:

— Ошибка: это гудок полевого телефона, а не грузовика. Слушайте лучше!

Опять все тихо, только дождь чуть слышно барабанит по сучьям. От долгого ожидания в напряженных глазах снайпера начинают мелькать какие-то искорки. Стрелок спохватывается: ведь и в самом деле метрах в трехстах мелькнули сейчас искры и вспышки, никак там закуривают?.. Слышен резкий звук открываемого затвора... Спичку видно за семьсот метров, а стук затвора слышен до шестисот метров. Надо бить туда!

Как на зло тучи расступаются, и луна заливает об'ектив телескопического прицела тем «молоком», которое не сотрешь

Снайпер Мария Розова. Обратите внимание на телескопический прицел.

со стекла никакой тряпкой. «Все равно,— решает стрелок,— надо бить. Иначе мишени уйдут» — и палец снайпера осторожно нажимает на спусковой крючок.

Всю ночь проводит стрелок на валу. В этой стрельбе одними глазами не возьмешь: мобилизуется все тело; стрелок ощущает мишени не только зрением, но тем «мышечным чувством», которое воспитано долгой тренировкой.

Запомните эти правила

Нередко мы видим, как Петя или Миша берут ружье и наставляют его на товарищей. Почему-то такие шутники воображают себя в этот момент невозможными храбрецами: ведь некоторые девочки, увидев перед собой дуло винтовки, пугаются, начинают визжать. Да и мудрено не испугаться: в руках такого дурака винтовка может принести непоправимый вред.

Поэтому для начала запомним два правила:

«Не брать оружия без разрешения инструктора».

«Никогда не наводить в шутку оружие на людей или на животных».

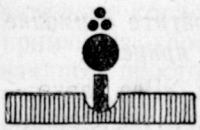
— Ты думал, что эта винтовка не заряжена, а в твое отсутствие ее зарядили. Ты считал, что винтовка сломана, а ее исправили. Ты балуешься, а винтовка выстрелит по-настоящему.

Перед вами белый лист бумаги, покрытый черными кругами: это мишень. Ваша задача очень проста: надо попасть как можно ближе к центру мишени. Но это не так легко, как кажется с первого взгляда. Только упорной тренировкой стрелок добивается успеха.

Что же составляет азбуку стрелкового спорта? Правильное держание винтовки, точное прицеливание, плавный спуск курка и отметка выстрела.

Прежде всего надо научиться стрелять лежа. Это — самое простое положение, но и здесь стрелок должен контролировать самого себя. Вы легли, но чувствуете себя как-то неловко — надо исправить положение тела. Проверьте, не близко ли лежат ноги одна к другой. Может быть, вы уперлись в землю носками ног, и тогда тело не имеет устойчивости, а мышцы живота будут напряжены. А может быть, вы просто-напросто не надели на руку ремень от винтовки, и у вас опять-таки нет нужной устойчивости.

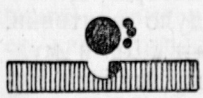
Правильная мушка.



Крупная мушка: пули пойдут вверх.

Мелкая мушка: пули пойдут вниз.

Мушка придержана влево: пули пойдут влево



Мушка придержана вправо: пули пойдут вправо

Различные положения мушки.

Тело должно чувствовать себя непринужденно, все мышцы должны быть свободны. Стрелок не должен замечать своего тела, все его внимание устремлено на мушку, на прицел. Чтобы не нарушить правильного положения мушки, надо лежать неподвижно, но без излишнего напряжения.

На меткости стрельбы может сказаться каждая мелочь. Один стрелок держит винтовку не на ладони, а только на пальцах, и винтовка колеблется, так как пальцы — зыбкая подставка. Другой — в положении «стоя» — согнул колени и этим как бы подставил сам себе подножку, нарушил устойчивость. Третий стрелок оставил болтаться ремень винтовки. Это, казалось бы, сущий пустяк, но ремень болтается по воздуху и колеблет винтовку. Вот почему акуратность и внимание — обязательные качества каждого стрелка.

Как прицеливаться.

А когда вы научились правильно занимать положение, надо овладеть прицеливанием. В середине мишени находится черный круг. Его называют яблоком. Задача стрелка — попасть в яблоко. Для этого он целится под середину нижнего края яблока. Американцы говорят: «Целиться в 6 часов». Они представляют себе, что яблоко — это циферблат часов, и для прицеливания устанавливают вершину мушки под тем местом круга, где на часах находится цифра «6».

Казалось бы, нехитрое дело — прищуриться и навести маленькую мушку, ровно установленную в прорези прицела, на большую мишень. Но как только стрелок захочет воспроизвести это на деле, у него начинаются разные неприятности. Оказывается, что очень трудно совместить перед своим глазом три предмета: прорезь прицела, мушку, яблоко — на одной линии. То одно, то другое вдруг начинает плавать по воздуху.

Свое внимание стрелок должен сосредоточить на прицельных приспособлениях винтовки: на прорези прицела и мушке. Если же мишень кажется ему немного расплывчатой, — это не имеет большого значения.

Но бывает и так: стрелок долго тренировался, все шло хорошо, но вдруг яблоко заволакивается туманом, а мушка становится прозрачной. Иногда и самая прорезь раздваивается и начинает колыхаться. Причина этих миражей очень проста: стрелок устал. Надо перевести глаза на более спокойный фон, надо отдохнуть.

Наши глаза очень тесно связаны между собой, и когда мы зажмуриваем один

из них, то этим немного затуманиваем и открытый глаз. Есть стрелки, которые прицеливаются и стреляют, вовсе не зажмуриваясь: они как бы выключают на время один глаз, и в момент выстрела он не видит. Интересно, что и специалисты тех профессий, где приходится работать одним глазом, обычно не закрывают второй глаз. Так легче для обоих глаз. Когда астроном смотрит одним глазом в трубу, ученый — в микроскоп, а часовщик — в свою лупу, они обычно не зажмуривают свободного глаза. Большинство же стрелков целится, зажмурив один глаз, а наиболее «старательные» (и... трусоватые) зажмуривают оба.

Но предположим, что вы прицелились очень метко. Надо спустить курок. Но в этот миг винтовка почему-то вздрагивает, а капризная пуля улетает тем путем, который вы отнюдь ей не предназначали. В чем дело? А в том, что одни молодые стрелки боятся выстрела, другие — слишком торопятся «подловить» момент, когда яблоко окажется над мушкой. И те и другие резко дергают за спуск, и чувствительная винтовка отклоняется в сторону.

Маленький курок — тоже большая вещь в искусстве меткой стрельбы. Курок надо спускать легко и плавно, не ловя момента для выстрела. В начале полезно попрактиковаться с незаряженной винтовкой. С ней стрелок чувствует себя гораздо уверенней, так как он знает, что не может загубить лишнего патрона. Если вы плавно спускаете курок, продолжая удерживать ровную мушку в прорези прицела, можно не беспокоиться о том, что каждая ваша пуля ляжет в самое яблоко.

Лучшие наши стрелки обязательно проделывают по утрам такую стрельбу без выстрела из незаряженной винтовки. Это упражнение — утренняя зарядка стрелка. Но проделывайте эти 10 — 15 тренировочных выстрелов серьезно.

Неопытный стрелок ложится, прикладывает к плечу винтовку и сразу же задерживает дыхание. Потом он начинает целиться, но, пока прицелится и начнет спускать курок, запас воздуха истощится, стрелок невольно вздохнет, винтовка дрогнет — и выстрел будет промазан.

Иначе ведет себя опытный стрелок. Прицеливание, затаивание дыхания, спуск курка сливаются у него в одно движение. Пока стрелок прицеливается и подтягивает мушку к точке прицеливания, он дышит полной грудью. Когда мушка подошла «к 6 часам»: уперлась под яблочко, — стрелок осторожно делает выдох. Теперь стрелок замер... Если же ему не хватит воздуха, он на миг перестанет усиливать нажим на спуск и тихонечко, «шепотком», вдохнет. Но пока он нажимает на спуск, дыхание обязательно затаивается. Тогда выстрел произойдет спокойно, без дерганья.

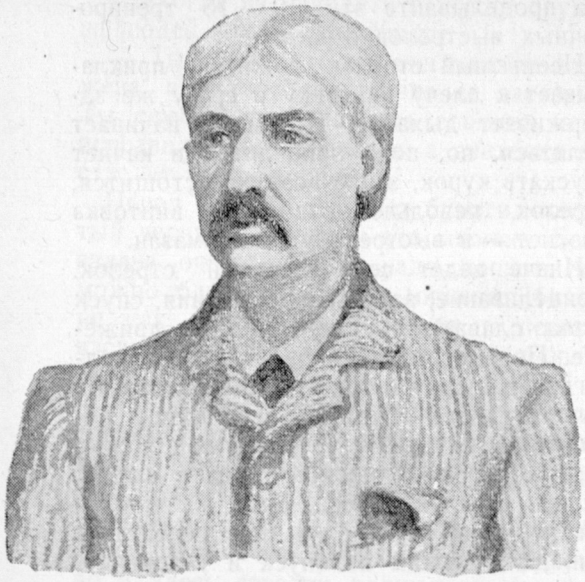
Стрелку надо поучиться «отмечать» свой выстрел: так изучить свое оружие, чтобы после каждой выпущенной пули сказать, не подходя к мишени, куда попала пуля.

Мы весело играем в волейбол и ходим в кино. Но враг в это время готовится: его шпионы пытаются, как змеи, переползти через наши границы; фашисты маршируют на плацах; их снайперы лежат вокруг наших границ с винтовками наготове...

Многие ребята хотят стать летчиками или танкистами, мечтают быть полезными на охране границ. Но часто они забывают, что без меткого огня нет армии, что зоркий глаз и твердая рука нужны бойцу и командиру любого рода оружия.

Стрелок должен быть человеком с зоркими глазами, крепкими мускулами и несгибаемой волей.

□ □ □



Ученик и учитель

М. Гершензон

На далеком Западе

В кабинет издателя американского журнала «Оверленд монтли», не постучавшись, вбежала корректорша.

— Я отказываюсь читать эту гадость! — крикнула она и швырнула на стол несколько гранок корректуры.

— Успокойтесь, мисс,— остановил ее издатель.— Об'ясните толком, в чем дело.

Корректорша заявила, что рассказ мистера Брет Гарта «Счастье Ревущего стана» безнравственен и неприличен, что только от'явленный безбожник мог написать такой рассказ. И лучше она потеряет службу, пойдет мыть полы и стирать белье, но ни за что не будет читать такие ужасные вещи!

Издатель, как мог, старался ее успокоить.

— Конечно,— говорил он,— рассказ не совсем обычный. В литературе не принято писать о жизни подонков человеческого общества. Но мистер Брет Гарт изображает жизнь бродяг и золотоискателей правдиво: он ведь сам жил среди них! И если жизнь этих людей действительно может показаться читателю ужасной, то в этом автор не виноват: он постарался показать, что в душе этих отверженных есть благородные человеческие черты...

Однако успокоить корректоршу не удалось. Она покинула кабинет, громко хлопнув дверью. Издатель снова прочитал рассказ «Счастье Ревущего стана». Ему нравилась эта вещь. Но разговор с корректоршей смутил его. Пожалуй, точно так же примет рассказ и читающая публика. Вот хотя бы это место, где бродяги и воры крестят новорожденного ребенка без помощи церкви. Сколько эти строки наделают шуму! Журнал начал выходить недавно, может статься, публика вовсе перестанет его покупать.

Поразмыслив об этом, издатель зашел в соседнюю комнату, где работал автор и редактор его журнала — Брет Гарт.

Он был еще молод. Тонкое бледное лицо его стало еще бледней, когда он услышал о разговоре с корректоршей. Но он ответил издателю спокойно и твердо:

— Ни одного слова в рассказе я не изменю. Я не считаю нужным потакать вкусу всяких ханжей и лицемеров. Рассказ написан так, как нужно, и вы напечатаете его без всяких поправок.

— Но, мистер Брет Гарт...— нерешительно начал издатель.

Брет Гарт перебил его:

— Редактор журнала — я. Если вы несогласны с моим мнением, значит, мне нечего делать в «Оверленд монтли».

Издатель дорожил своим редактором: он понимал, что во всей Америке нет человека, который мог бы его заменить. И в глубине души он согласен был с Брет Гартом, что журнал должен изображать жизнь правдиво, без всяких прикрас.

— Ну, что же,— сказал он.— Попробуем напечатать «Счастье Ревущего стана».

В старой Англии

Маленькое швейцарское шалэ стояло в стороне от дома, и ничто не нарушало тут тишины, разве что щебетанье птиц, которые влетали в раскрытые окна, обманутые отражением ветвей в зеркалах. Пять огромных зеркал установил здесь Диккенс, и каждая ветка, рвущаяся в окно, отражалась снова и снова, так что вся комната казалась полной листвы и яркого солнца.

На столе, рядом с бронзовыми лягушками, дерущимися на рапирах, и фигуркой продавца собак, у которого из всех карманов, из-за отворотов сюртука, из подмышек выглядывали уморительные щенки, лежали страницы, исписанные мелким почерком. Это были первые главы «Тайны Эдвина Друда».

Но писатель в этот день не принимался за свою рукопись: в руках у него была свежая книжка журнала, присланная из-за океана, с далекого Запада.

Стоило поднять глаза — и нежная зелень Кентских холмов уводила вдаль, к Чэтэму, к Рочестеру, к местам, которые дороги были Диккенсу с детства. Но перед глазами писателя стоял другой пейзаж — маленький поселок золотоискателей, затерянный в горах Сьерры-Невады, отрезанный от всего мира. Вокруг жалкой лачуги на голой земле сидели беглые каторжники, воры, картежные игроки. С глубоким волнением прислушивались они к тому, что происходит в хижине. У Салли, единственной женщины в поселке, должен был родиться ребенок. Никогда еще не было такого события в Ревущем стане.

«...И вот, среди тихого поскрипывания качавшихся сосен, при звуке журчанья быстроводной реки и треске разгоравшегося костра, раздался тонкий и жалобный крик, непохожий ни на один из звуков, дотоле слышанных в поселке. Сосны перестали скрипеть, река затихла, и костер больше не трещал: все в природе как будто смолкло и тоже прислушивалось».

Диккенс откинулся в кресле и долго смотрел в окно, в ту сторону, где далеко за холмами синела река. Он понял уже, что несчастная Салли умрет и ребенок останется на руках у этих грубых, испорченных жизнью людей. Что будет с ним? Как будут воспитывать его жители Ревущего стана?

Диккенс всегда верил в то, что отщепенцы человеческого общества — только несчастные жертвы наживы и каждый каторжник, каждый бродяга хранит в душе неистощимый источник нежности и любви. Мысленно он продолжал рассказ. Они должны беречь этого ребенка. Это он станет счастьем Ревущего стана.

Оторвав глаза от далекой реки, Диккенс снова погрузился в чтение.

Он прочитал о том, как рядом с ящиком из-под свечей, в котором лежал ребенок, кто-то положил шапку и золотоискатели, проходя поочереди мимо, клали в нее пожертвования в пользу сироты. Тут были серебряная табакерка, испанский червонец, матросский револьвер, выложенный серебром, образчик самородного золота, золотая шпора, серебряная ложка...

Он прочитал о том, как бродяга Кентук склонился над ящиком и младенец схватил его за палец:

«...Кентук ужасно сконфузился, и на его загрубелых щеках показалось нечто вроде румянца.

— Вишь, уцепился, постреленок! — молвил он, стараясь освободить свой палец так осторожно и нежно, как даже трудно было от него ожидать.

Уходя из лачуги, он все еще держал этот палец отставленным от остальных и рассматривал его с некоторым любопытством. Он показал свой палец Типтону и ему сказал то же:

— Уцепился вот за это место да и держит, постреленок проклятый!»

Слезы навернулись у Диккенса на глаза. Да, именно так и надо было сказать: «постреленок проклятый!» В этом грубом слове было больше нежности и тоски по счастью чем в любом ласкательном имени. И этот палец, отставленный в сторону, был чудесный штрих. Вот такой точности изображения добивался и он в своих романах. Он понял, что молодой американский писатель — его ученик. А какой материал был у него! Как глубоко он знал этих людей!

Старый Стумпи выкормил ребенка молоком ослицы. Золотоискатели назвали мальчика «Счастьем», и незаметно переменилась жизнь в поселке. Лачугу, в которой жил Томми-Счастье, выбелили известкой. За восемьдесят миль ему привезли на муле колыбель из розового дерева. Стумпи никому не позволял брать малютку на руки, если руки были грязны, и даже Кентук — тот самый, которого в первый же день малыш ухватил за палец,— завел привычку умываться и носить чистую рубаху. В окрестностях хижины смолкли крики и брань. Этот ребенок действительно принес счастье Ревущему стану.

Диккенс был благодарен Брет Гарту за рассказ. Таким учеником мог гордиться учитель. И больше всего его радовало, что молодой писатель идет по одной с ним дороге, к одной цели: он пишет о людях, искалеченных жестоким общественным строем, и умеет найти в их душе самые лучшие, самые высокие чувства.

Старик взял листок почтовой бумаги и написал письмо Брет Гарту. Это было дружеское рукопожатие. Он написал, что давно не читал ничего правдивей, ничего лучше чем «Счастье Ревущего стана». Он звал молодого писателя в Лондон, к себе, в свой журнал «Круглый год». Во время дневной прогулки он сам отнес это письмо на почту, в Рочестер.

Диккенс в лагере

Как всегда, ранним утром Диккенс прошел подземным ходом из старинного дома в свое солнечное шалэ, и работа шла хорошо у

него в этот день. К обеду он вернулся домой с посеревшим, утомленным лицом.

— Лягте на софу,— сказала ему невестка.

— Нет, на землю...— пролепетал он и свалился на пол.

Это были последние его слова.

В открытые окна шалэ ломились зеленые ветки, и теплый июльский ветерок ласково перебирал страницы недописанной «Тайны Эдвина Друда». Попрежнему неподвижно фехтовали на столе бронзовые лягушки, и бабочки, похлопывая крыльями, садились на тонкую рапиру.

Телеграмма опередила письмо. Ток пробежал по дну Атлантического океана, и Америка услышала горькую весть: великого мастера не стало. Брет Гарт плакал, как ребенок. Умер мастер, который знал все уголки человеческого сердца. Только ему Брет Гарт доверил бы свою руку. Одно словечко, одно пожатие руки — у него бы удвоились силы! Но он никогда уже не услышит этого слова. Умер учитель, умер волшебник, чье мудрое искусство врывалось в сердца людей, как очищающий ливень. Брет Гарту казалось, будто с Диккенсом умерли и его созданья, с которыми теплее и лучше была жизнь: Оливер Твист, Флоренс и крошка Нэлль... Крошка Нэлль! В тот год, когда юношей, почти мальчиком, он бродил с толпой старателей среди отрогов Сьерры-Невады и спал у лагерных костров, самым дорогим сокровищем в его тощей походной котомке был истрепанный томик — «Лавка древностей». Верный спутник, повсюду бродила с ним слабенькая и сильная, несчастная и счастливая крошка Нэлль.

И теперь крошка Нэлль снова положила свою нежную ручку на плечо Брет Гарту. Он написал стихотворение:

Диккенс в лагере

Над соснами луна едва скользила,
И шум реки был тих.
В туманной дымке Сьерра возносила
Строй башен снеговых.
Костер пылал и отсветы румянца
Как бы с насмешкой злой
Бросал на лица бледных оборванцев,
Измученных судьбой.
Вдруг встал один и взял мешок заплечный,
Затертый том достал,
И карты выпали из рук беспечных...
Притих ночной привал.
Упали карты и смешались масти;
При меркнувшем огне
Он книгу им читал, в которой Мастер
Писал о Крошке Нэлль.
Мальчишеская, странная затея,
Но Мастер ворожил,
И даже сосны наклонились, сея
Безмолвие с вершин.
И пихты сдвинулись теснее, дружно
Внимая тем словам;
Весь лагерь брел за Крошкой Нэлль послушно
По английским лугам.
Как будто силы колдовства застигли
Старателей привал.
Заботы с них слетели, словно иглы
С сосны в жестокий шквал.
Где лагерь тот? Раздули пепел ветры.
А он, создавший Нэлль?..
О нем грустят и великаны кедры,
И нежный кентский хмель.

Венки из лавра и английского дуба лежали на свежей могиле. Сурово, как воин, приносящий обет, протянул Брет Гарт и свою ветку — ветку сосны далекого Запада.

А в это время пакетбот дымил в Атлантическом океане, подминая колесами волны. Он вез почту из Старого Света в Новый. И среди многих вестников радости и горя было одно письмо, написанное создателем Крошки Нэлль. Это было горячее слово привета, живая улыбка учителя ученику.

□ □ □

Мать пятерых

Брет Гарт *Перевод с английского М. Гершензона* *Рис. В. Цельмера*

Она была примерной матерью пятерых детей, хотя самой ей едва сравнялось девять. Двое из этих детей были близнецами, и она обычно называла их «детьми мистера Эмплеха», упоминая имя в высшей степени почтенного джентльмена из соседнего поселка, который—я уверен в этом — никогда в глаза не видал ни ее, ни их. Близнецы, естественно, очень походили друг на друга, так как в предшествующей стадии своего существования были двумя кеглями; это угадывалось и сейчас по их узким плечам и странным фигурам, скрытым под длинными платьями; зато у них были твердые шарообразные головы, и многие находили в этом несомненное сходство с человеком, который слыл их отцом. Другие дети были куклами разного возраста, пола и состояния; только близнецов она превратила в кукол сама. Однако любовь ее и материнская беспристрастность были так велики, что она никогда не делала никакого различия между своими детьми. И если она называла близнецов «детьми мистера Эмплеха», то делала это лишь для того, чтобы ясно было, о ком идет речь, а никак не затем, чтобы выделить их среди прочих.

У нее самой не было матери; она была дочерью Роберта Фоулкса, трудолюбивого, но немного беспечного кондуктора дилижанса на линии Биг Бенд—Рено. Вследствие особого характера своей работы Фоулкс нередко рассеивал и дочь и ее потомство по придорожным станциям между этими двумя пунктами, а то и прямо на пути. Однако обычно грубые, но ласковые руки, привыкшие уже иметь дело с ее детьми, собирали воедино все семейство. Я очень живо вспоминаю, как, проделав пять миль в лютую метель, вошел в салун [1] Джим Картер с одним из близнецов Эмплеха в кармане.

— Как бы научить Мыри, — проворчал он, — повнимательней обращаться с эм-

[1] Салун — трактир, постоялый двор.

плеховыми ребятами; я подобрал одного прямо в снегу в миле за Биг Бендом.

— Господи, прости! — воскликнул случайный пассажир, поспешно вскинув глаза. — Я и не знал, что мистер Эмплех женат.

Джим дьявольски подмигнул нам из-за своего стакана.

— Не знал и я,—угрюмо ответил он.— Но где уж нам знать, как живут эти псалмопевцы, достопочтенные сойки.

Так окрестил он мистера Эмплеха; а позже, наедине с Мэри, или Мыри, как произносил он ее имя, парень постарался подействовать на ее чувства. Он так описывал страдания эмплехова младенца посреди метели, его замирающий шопот «Мыри! Мыри!», что горячие слезы навернулись на голубые глаза девочки.

— Пусть это будет тебе уроком, — закончил он, ловко извлекая кеглю из кармана, — потому что потребовалась чуть не кварта лучшего сорокаградусного виски, чтобы привести этого ребенка в чувство.

Мэри твердо поверила ему; мало того, в течение нескольких недель после этого «Джулиан Эмплех» — злосчастный близнец — вынужден был лежать в фургоне в позе спящего, и мать его была уверена в том, что он и после такого решительного лечения все еще не вполне оправился.

Эту многочисленную семью обрела она в течение всего лишь двух лет, вслед за первым ребенком, которого привез из Сакраменто, не щадя расходов, мистер Уильям Додд, также кондуктор, к ее седьмому дню рождения. С удивительной меткостью, свойственной одному только детскому языку, она сразу назвала ее — Мизери [1], повидимому, составив это слово из двух: из «мисси», как прежде звали ее самое незнакомые люди, и из «Миссури» — имени родного ее штата. Вначале это была чересчур большая кукла — мистер Додд хотел, чтобы деньги его истрачены были не зря, — но время и избыток материнской ласки исправили этот недостаток: очень скоро Мизери избавилась от лишней полноты. Впоследствии толщина ее убавилась еще потому, что она попала под колеса фургона, и грузный дилижанс проехал по ней; но, как ни странно, быстрее всего худели у нее голова и плечи: их облицовка облупливалась плотными слоями, а там исчезли и последние признаки этого удивительного состава. Так продолжалось, пока голова и плечи не стали непомерно малы даже для отощавшего туловища, и все ухищрения маленькой портнихи: шаль, накрепко приколоченная гвоздиками, и шляпа, которая вечно с'езжала то вперед, то назад, всякий раз под каким-нибудь новым углом,— ничто не могло восстановить симметрию. И вот в одно ужасное утро после неразумного купанья вся облицовка сползла окончательно, обнажив два отвратительных железных шпенька, которые торчали прямо из позвоночного столба. Даже ребенок с таким богатым воображением, как Мэри, не мог принять эту штуку за голову. Немного позже, в тот же день, Джек Ропер, кузнец с перекрестка, озадачен был появлением перед кузницей маленькой девочки в яркоголубом переднике, таком же голубом, как ее глаза; она держала на руках свое чудовищное дитя. Джек узнал ее и мгновенно угадал, в чем дело.

— Другой головы нет у тебя дома?— ласково спросил он.— Какой ни на есть?

Мэри только грустно покачала головой.

— И ничего похожего на голову? — участливо спрашивал кузнец.

Любящие глаза Мэри наполнились слезами:

— Нет, ничего.

— А нельзя держать ее другим концом кверху?—продолжал кузнец в раздумье.— У нас получились бы отличные ноги из этих железок, — добавил он, трогая два шпенька. — Вот посмотри!..

Он готов был перевернуть куклу вверх ногами, но восклицание, полное материнского отчаяния, и быстрое движение маленькой ручки остановили его.

— Я вижу, — сказал он серьезно. — Ладно, приходи сюда завтра, и мы сообразим, как починить ее.

Джек был задумчив весь остаток дня и с бóльшим нетерпением чем обычно обращался с упрямыми мулами, которых нужно было подковывать; он даже часом раньше бросил работу, чтобы отправиться в Биг Бенд, в кузню своего конкурента. Зато на следующее утро, когда доверчивая и озабоченная мать появилась у кузницы, она взвизгнула от восторга. Джек старательно припаял к двум шпенькам полый железный шар, снятый с прута какой-то старой лестничной решотки, и покрыл его слоем красной огнеупорной краски. Правда, шар сидел чересчур высоко, и голова все норовила перевесить —

[1] Мизери — по английски нужда, беда.

впоследствии прочие куклы немало терпели от вынужденного соседства с этой неподатливой и неумолимой головой,— но это нисколько не умалило радости Мэри по поводу спасения ее первенца.

В течение некоторого времени, думается мне, Мэри даже предпочитала ее другим своим детям. Во всяком случае, это было чудесное зрелище, когда она сидела со всем потомством летним вечером на пеньке у дороги. Разложив вокруг в надлежащем порядке прочих своих детей и крепко прижав к своему любящему сердечку твердую, бесчувственную голову Мизери, Мэри покачивалась из стороны в сторону и напевала жалостливую колыбельную песенку. Не диво, что пчелы подхватывали эту песню и аккомпанировали ей усыпительным гуденьем. Высоко над головой девочки огромные сосны, до самых глубин разволнованные мягким воздухом Сьерры— или бог знает чем еще,—роняли зыбкие тени, они играли на литом, железном лице куклы, и Мэри, смотревшей на это лицо любящими глазами, казалось, что оно улыбается.

Правда, шар сидел чересчур высоко, но это не умалило радости Мэри.

Остальные двое членов семьи были менее примечательны. Глори-Анна — создание рук ее отца, который и дал этому детищу имя — была попросту цилиндрическим свертком брезента от покрышки фургона, перехваченным так, чтобы наметились шея и талия, с лицом, грубо нарисованным чернилами, до крайности слабое, жалкое творение, на какое способен только мужчина; и Милый Джонни, который считался представителем Джона Доримуса, молодого лавочника, снабжавшего порой Мэри даровыми сластями. Впрочем, Мэри никогда не признавалась в этом, и мы, обитатели поселка, как истые джентльмены делали вид, что не знаем, откуда взялось это имя. Милый Джонни первоначально был маленькой гипсовой фигуркой — головкой и бюстом; тело, очевидно, Мэри соорудила сама. Она всегда одевала эту куклу мальчиком, и среди всего ее потомства Милый Джонни выделялся наибольшим сходством с человеком. В самом деле, несмотря на то что все таланты его отчетливо были оттиснуты на его гладкой белой безволосой голове, он казался поразительно живым. Когда порой Мэри случалось, посадив Милого Джонни верхом на ветку придорожного дерева, забыть его там, всадники поспешно спрыгивали с седла и разглядывали его, затем, озадаченные, улыбаясь, ехали дальше; а Юба Билль однажды, по просьбе любопытствующих, умоляющих пассажиров, остановил дилижанс, угрюмо водрузил Милого Джонни на облучок подле себя и при всем народе передал его Мэри в Биг Бенде, и она широко раскрыла глаза в своем смущении, и в первый раз мы увидели, как зарделись румянцем ее круглые полные загорелые щеки. Может показаться странным, что ей не дарили в избытке лучших, более совершенных кукол, ведь все любили ее и знали, как силен в ней материнский инстинкт; но всем давно было известно, что она не питает к ним привязанности, она оставляла их восковые личики, закатывающиеся глаза и пышные волосы в

Юба Билль при всем народе передал его Мэри в Биг Бенде...

канавах или сдирала с них платья, чтобы обрядить причудливые создания собственной фантазии. Вот почему строгий, классический профиль Милого Джонни выглядывал из-под модной соломенной шляпки, которая совершенно скрывала от глаз его выдающиеся умственные способности, а кегельные головки «эмплеховых» близнецов были украшены чепцами; Мэри сделала даже попытку приладить льняной скальп на железную голову Мизери. Куклы всегда были собственным ее творением, и чем больше в них приходилось дополнять воображению, тем горячей была ее любовь к ним. Это может показаться несовместимым с тем, что она постоянно оставляла их в лесу и в канавах. Но она питала безграничное доверие к материнской доброте природы и вверяла своих детей лону Великой Матери так же смело, как вверялась ей сама, — она ведь тоже росла без матери. И редко доверие это бывало обмануто. Крысы, мыши, улитки, дикие кошки, пантеры и медведи никогда не трогали ее потерянных малюток. Даже стихии были милосердны к ним; один из «эмплеховых» близнецов, заметенный пургой, появился весной вновь, сияя, в полной сохранности дерева и краски. Если чего и следовало опасаться Мэри, так это более мягких сил цивилизации. Однако даже и тут, когда козел Пэтси О'Коннора рискнул однажды «попробовать» потерянную Мизери, он отступил, не досчитавшись трех передних зубов, а томпсонов мул вышел из стычки

с этим железоглавым чудищем с вывихнутой задней ногой.

Но то были простые, аркадийские дни для дороги между Биг Бендом и Рено. Прогресс и процветание — увы! — несли с собой перемены. Уже прошел шепоток, что Мэри должна ходить в школу, и мистер Эмплех — попрежнему в счастливом неведении того, какие вольности допущены с его именем, — мистер Эмплех как попечитель народной школы в Дэквиле намекнул, что цыганские странствия Мэри — срам для всей округи. Она росла в неведении, в ужасном неведении всего, кроме рыцарской, глубокой нежности, деликатности и бескорыстия грубых людей, окружавших ее; она не знала другой веры, кроме веры в бесконечную благость природы к ней и ее детям. Конечно, по этому вопросу вспыхнул яростный спор между «парнями» с дороги и немногими семейными людьми поселка, но, разумеется, прогресс и «сопливизация», как называли ее парни, победили. В эту пору был принят проект прокладки железнодорожной линии, и это решило спор; Роберт Фоулкс был назначен старшим на участке пути, и ему дали понять, что дочь его должна получить воспитание.

Но ужасный вопрос о семействе Мэри оставался открытым. Ни одна школа не впустила бы в свои двери такую разношерстную коллекцию, а сердечко Мэри разбилось бы, если б ей нужно было безжалостно бросить или геройски сжечь своих детей. Изобретательный Джек Ропер нашел выход из положения: ей разрешили выбрать одного ребенка из всех и взять его с собой в школу; остальные были у с ы н о в л е н ы ее друзьями, и она могла навещать их по вечерам каждую субботу. Выбрать одного — это было жестокое испытание, столь жестокое, что, зная несомненное ее предпочтение к первенцу, к Мизери, мы не решились бы вмешаться в это дело ни за что на свете; но когда она неожиданно выбрала Милого Джонни, самые неотесанные из нас поняли, что это первый проблеск женского такта, первое ее подчинение миру собственности, в который она должна была вступить. Милый Джонни, несомненно, был самым приличным. Ряд долгих лет кузнец держал железоглавую Мизери словно святыню на грубой полке подле своей койки; никто, кроме него и Мэри, не знал о тайных, тихих горячих беседах, которые происходили тут в первые дни разлуки. Некоторые факты, ставшие явными, говорят о том, что Мэри так же верно любила и прочих своих детей. Говорят, что в один субботний вечер, когда начальник новой железнодорожной линии сидел у себя в конторе, в Рено, на деловом совещании с двумя управляющими, вдруг послышался тихий стук в дверь. Дверь открыли, чтобы впустить разгоряченное личико, пару голубых глаз и голубой передник. К изумлению управляющих, лицо начальника вдруг изменилось. Нежно взяв ребенка за руку, он прошел к своей конторке, на которой навалены были чертежи новой линии, выдвинул ящик и достал из него большую кеглю, наряженную куклой. Изумление двух джентльменов возросло, когда они услышали следующий странный разговор между начальником и ребенком.

— Она чувствует себя прекрасно несмотря на плохую погоду, но мне пришлось держать ее в постели, — сказал начальник, окинув кеглю критическим взглядом.

— Ну да, — быстро ответила Мэри. — То же самое с Милым Джонни, он ужасно кашляет по ночам. Зато Мизери совсем здорова. Я только что была у нее.

— Кругом очень много скарлатины, — продолжал начальник серьезно, — нужно быть очень осторожным. Но я все-таки завтра повезу, прокачу ее немножко в поезде.

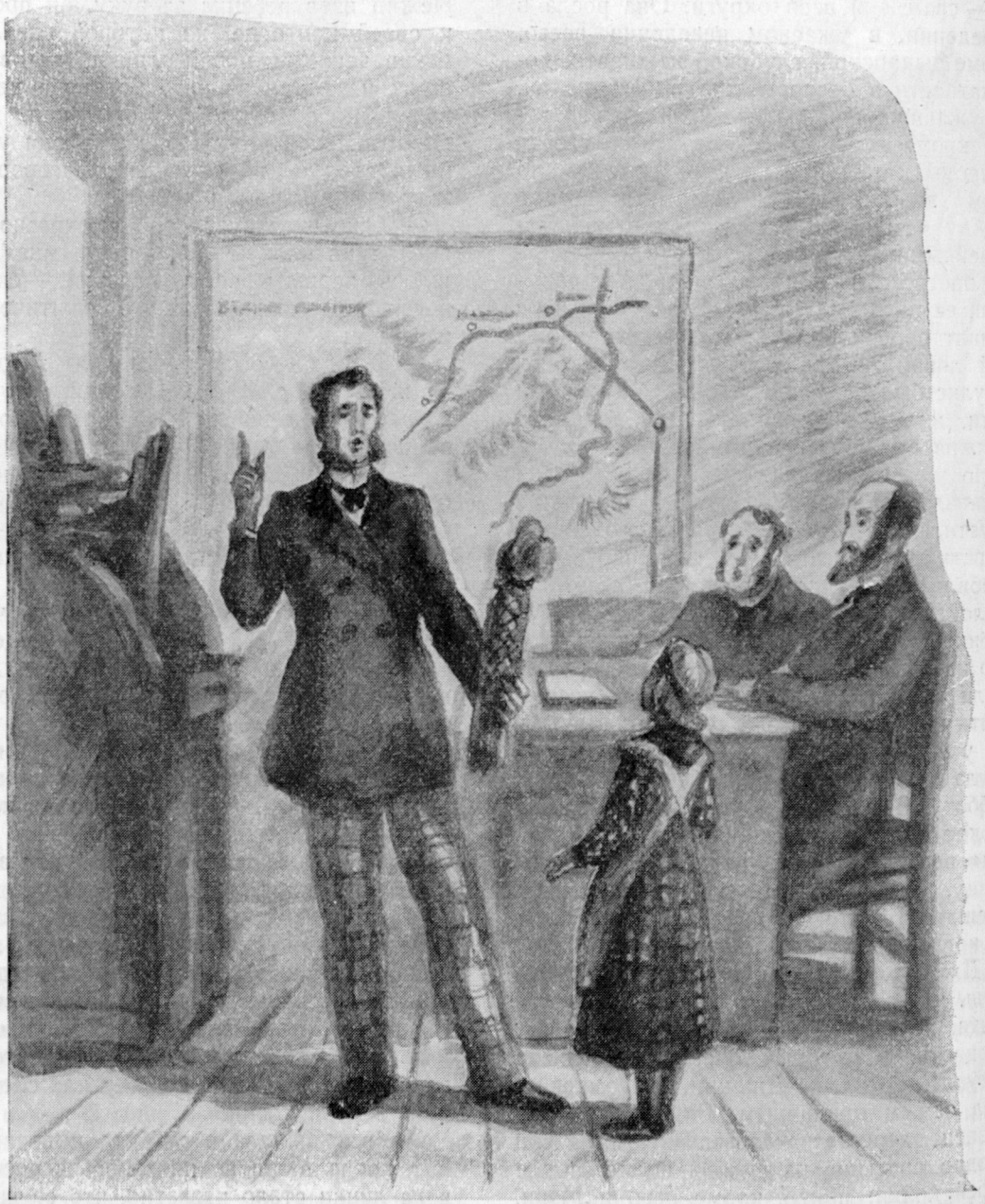
Глаза Мэри блеснули и хлынули через край, как голубая вода. Потом поцелуй, смешок, робкий взгляд на двух чудных незнакомцев, голубой передник упорхнул прочь, и беседа была кончена.

Она была так же внимательна, так же заботлива и к другим, но брезентовое дитя—Глори-Анна, нашедшее кров в хижине Джима Картера, на Хребте, — это дитя жило так далеко, что она не могла его навещать; поэтому Джим регулярно каждый субботний вечер доставлял Глори-Анну к мэриному дому или «спящей», уложив в седельный подсумок, или усадив в бравой позе впереди себя на луку седла. В воскресенье происходил костюмированный бал с участием всех кукол, и это давало сердечку Мэри зарядку для следующей недели тоски.

Но вот пришла и суббота и воскресенье, когда Мэри не появилась в поселке, и на линии стало известно, что ее вызвали в Сан-Франциско, где она должна была встретить тетку, только что прибыв-

шую из «штатов»[1]. Это было пустое воскресенье для парней, скучное, не праздничное какое-то воскресенье, без этой маленькой фигурки. А следующее воскресенье и следующее были еще хуже, а потом известно стало, что эта ужасная тетка взялась за Мэри всерьез и посылает ее в большую школу, в институт в Санта Клара, где, слыхать, девочек делали таким совершенством, что даже родители не узнавали их. Но мы знали, что это невозможно с нашей Мэри; и письмо, которое пришло от нее в конце месяца, прежде чем двери института захлопнулись за голубым передничком, обрадовало нас и было бальзамом для наших тоскующих сердец. Оно было характерно для Мэри; оно не предназначалось никому в частности и было бы доверено почте открытым, без адреса, если бы не наставление тетки. Это был один единственный листок, который молча вручил нам ее отец; но когда мы

[1] То есть из других штатов Америки.



— Она чувствует себя прекрасно, несмотря на плохую погоду...

передавали его из рук в руки, нам оно было так же понятно, как если б мы услышали голос нашей пропавшей подружки.

«Тут во Фриско домов столько, даже не сосчитаешь, и женщин — даже в глазах рябит, а мулов и ослов — тех нет нисколько, и кузниц—хоть бы поглядеть. Водопадов и порогов или там медведей и пантер даже никто не знает, потому что везде улицы и воскресные школы. Джек Ропер, ты смотри хорошо за Мизери, потому что меня там нет, и не ругайся, что у нее тяжелая голова, это неправда, совсем не тяжелая, всегда вы что-нибудь выдумаете. У меня есть канарейка, которая прелесть как поет,— только это совсем не синичка,—я знаю, вы думаете, это синичка. Дорогой мистер Монтгомери, не держи Джулиана Эмплеха слишком долго в ящике в конторке: это ему вредно для легких и для груди. Смотри, не запачкай ему голову чернилами, я вас знаю, все вы такие. Милый Джонни, слушайся своего приемного отца, а ты, Глори-Анна, крепко должна любить Джимми Картера потому, что он часто катает тебя верхом. Я тут каталась с одним офицером, который дрался с настоящими индейцами. Я скоро приеду, очень люблю вас, так смотрите, помните все».

— Надеюсь, ты не был так глуп, чтобы притащить с собой Мизери?..

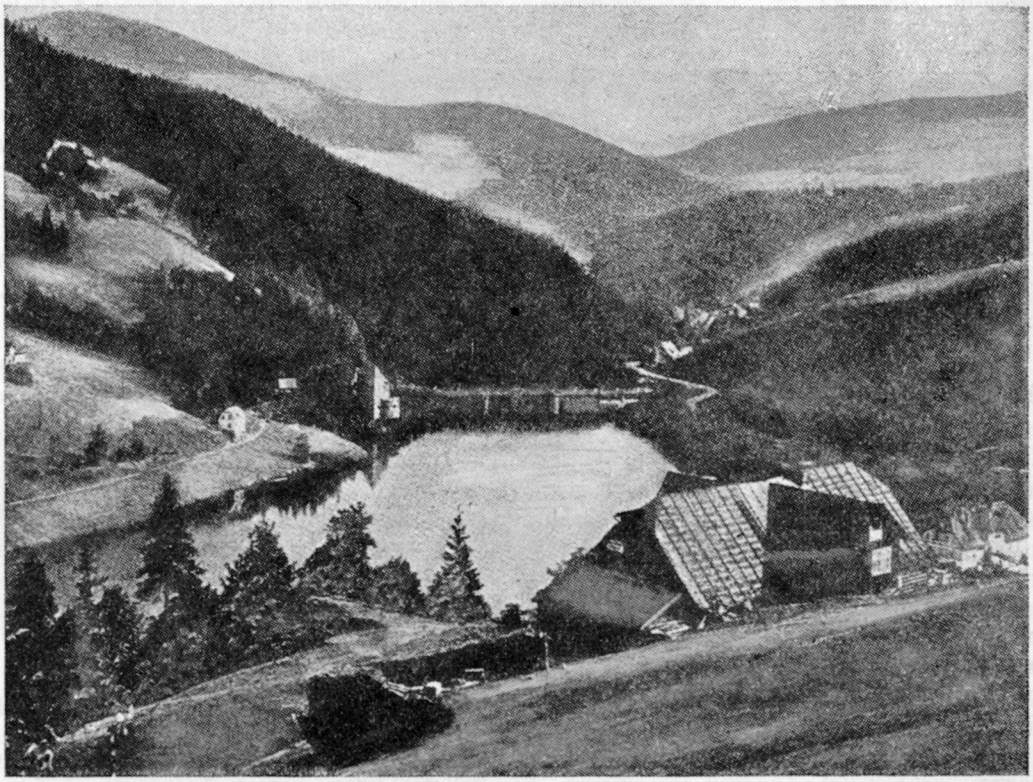
Но прошли три года, прежде чем она вернулась, и это было ее последнее и единственное письмо. «Приемные отцы» ее детей все же не забыли своих обещаний, и когда открылась новая линия и прошел слух, что она будет со своим отцом на торжестве, они пришли на станцию, чтобы встретить свою старую подружку. Они выстроились в ряд вдоль платформы, причем бедняга Джек Ропер пригнулся немного под тяжестью свертка, который он нес на левой руке. И вот молодая девушка, во всей свежести шестнадцати лет, в безупречной белизне муслинового платья, несколько короткого, но прекрасного по фасону, в безукоризненных туфлях и перчатках, выпрыгнула из поезда и предложила изящную ручку по очереди каждому из своих старых друзей. Ничто не могло быть прелестней чем улыбка на этих щечках, с которых давно сошел загар; ничто не могло быть чище чем синие глаза, которые она вскинула на своих друзей. И все же, когда она легкой походкой направилась за своим отцом, лица четырех приемных родителей выглядели красными и смущенными, в точности, как ее собственное личико в тот день, когда Юба Билль под'ехал к ней при всем народе с Милым Джонни на облучке.

— Надеюсь, ты не был так глуп, чтобы притащить с собой Мизери? — спросил Джек Монтгомери Ропера.

— Вот именно был, — сказал Ропер, усмехаясь через силу. — А ты?

Он как раз заметил головку кегли, которая выглядывала у начальника из кармана. Тот засмеялся, потом все четверо молча пошли прочь.

Мэри действительно вернулась к ним, но это была уже не «Мать пятерых».



Горная долина в Богемском лесу.

Как была предана Чехословакия

С. Гарбузов

В центре Европы

Покрытые лесом невысокие цепи гор. Многоводные реки, стекающие в долины. У подножия гор рудничные поселки. Высоко вверх подымаются вышки под'емников, плывут по подвесным дорогам вагонетки с рудой, полыхают пламенем доменные печи, а еще ниже, в долинах, живописные деревушки, стада на лугах, тщательно возделанные поля. И опять промышленные города и поселки. Машиностроительные заводы, текстильные фабрики, химические и стекольные заводы, лесные разработки...

Так совсем недавно описывали Чехословакию путешественники.

Эта маленькая, но богатая страна легла узким клином в самом центре Европы. Состояла она из четырех областей: Чехии, Моравии, Словакии и Закарпатской Украины. Две первые области на западе страны, две вторые на востоке.

Старые границы Чехословакии со всех сторон ограждены были горами. На севере Судетские горы, на северозападе Крушные (Рудные), на югозападе Шумава и Чешский лес, на востоке Карпаты.

Чехословацкая земля богата. В ее недрах много каменного угля и железной руды. Есть в Чехословакии и золото, и серебро, и бокситы, из которых выплавляются алюминий, и даже редчайший металл — радий. Поля Чехословакии плодородны, на склонах гор прекрасный строевой лес.

Чехословакию называли арсеналом Евро-

пы. И действительно, на огромных заводах фирмы Шкода в Пльзене сорок тысяч рабочих делают усовершенствованнейшие автоматические ружья и пулеметы, мощные орудия, танки и броневики. Большие военные заводы построены в Брно, Братиславе, Устье над Лабем. Восемь автомобильных заводов Чехословакии выпускали в год сто тысяч автомобилей. На авиационных заводах строятся первоклассные военные самолеты.

Чехословакия славилась не только военными заводами: всему миру известны богемский фарфор, чехословацкие сукна. Вся Европа носит ботинки, сделанные на чехословацких фабриках.

Подвиги таборитов

Чехословакия — молодая страна. В этом году ей исполнилось двадцать лет. Но у народов, населяющих Чехословакию, богатая и славная история, которая уходит в глубь веков.

Когда историки стали изучать раскопки древних чешских селений, они узнали, что еще в V веке здесь появились славянские племена, из которых самое сильное — чехи — заняло центр страны.

Рядом с чехами жили германские племена. Германский император Карл Великий в начале VIII века завоевал Чехию и Моравию. Прошло несколько десятилетий, славянские племена об'единились, сбросили с себя немецкое иго. Но недолго они были свободными. Вскоре Словакию, Закарпатскую Украину и Чехию завоевали венгры. Словаки оставались под властью венгров до XVIII века, а чехи вскоре освободились. Чешские князья об'единились и создали свое королевство с главным городом Прагой.

Чешское королевство входило тогда в состав Германской империи. В Чехию стали проникать немецкие колонисты. Их привлекала богатая чешская земля. Особенно много колонистов устремилось в Чехию в XIV веке. Им удалось подкупить чешских королей, и очень скоро немцы стали распоряжаться в Чехии как у себя дома. Немецкие князья и священники, немецкие купцы и горнопромышленники жестоко эксплоатировали чешских крестьян и ремесленников. Они мечтали совсем уничтожить чешскую национальность, стремились заменить чешский язык немецким.

Народ снова поднялся на борьбу с немцами. Возглавлял эту борьбу чешский проповедник Ян Гус. За то что он призывал народ бороться с немцами и с их помощниками — католическими монахами,— его сожгли на костре. Было это в 1415 году. До сих пор каждый год, в ночь с 5 на 6 июля, по всем городам и селам Чехословакии люди собираются на больших полянах и жгут костры в память о Яне Гусе.

Расправа над Яном Гусом подняла и возмутила весь чешский народ. Начались жестокие войны, которые в истории называются гуситскими. Восставший народ выдвинул замечательных полководцев. Самым искусным из них был Ян Жижка.

Человек крепкого телосложения, с широкой грудью и широкими плечами, с огромной головой, кривой, с одним глазом (впоследствии в бою он потерял и второй глаз, но слепота не помешала ему водить свою армию в бой), он отличался замечательными способностями.

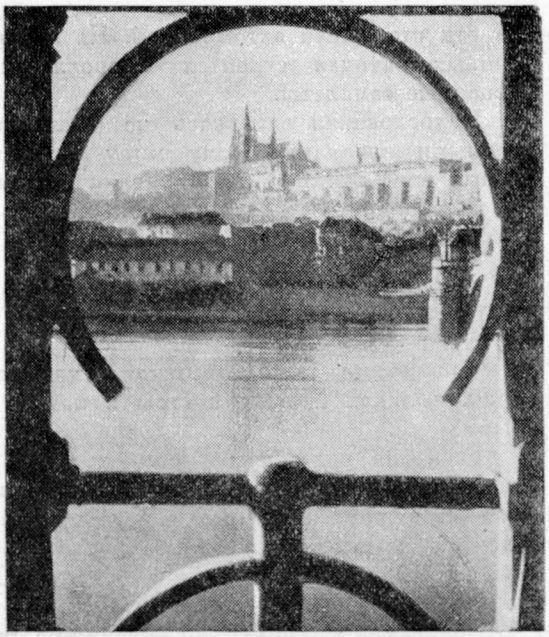
Ян Жижка придумал новый способ ведения войны, так называемый вагенбург,— подвижную крепость, которая строилась из телег.

Все войско Жижки передвигалось на телегах и располагалось лагерем вне городов и сел. Поэтому их прозвали таборитами (табор — по-чешски лагерь).

Когда табориты шли в бой, они строили свои повозки в два ряда, между рядами двигалась пехота. Ворвавшись в расположение вражеских войск, табориты связывали повозки цепями, ограждали их досками. За этой стеной из повозок выстраивались лучники и специально обученные молотильщики. В руках у них были цепы, окованные железом. Их современники рассказывают, что они, как живые мельницы, взмахивали цепами по двадцать пять, а то и по тридцать раз в минуту.

Даже закованным в железо немецким рыцарям не удавалось взять приступом вагенбург. Их разили стрелы и сбивали с ног цепы молотильщиков. Отбив атаку, табориты сами переходили в наступление: возы раздвигались, и на поле битвы вырывались пехота и кавалерия.

Часто табориты поступали так. Они врывались в расположение вражеских войск и выстраивали свои телеги по заранее



Прага. Вид на крепость через решотку набережной имени Массарика.

условленному плану, в форме какой-либо буквы, например буквы «Ш». Немецкие войска разрезались на несколько частей. Они терялись в лабиринте из повозок. Когда враги были отрезаны друг от друга и разрознены, пехота мечами и цепами без труда завершала разгром. «Войско Жижки походило на четверорукое чудовище, которое неожиданно и быстро схватывает свою добычу, душит ее и по кускам проглатывает. Если кому и удавалось выбраться из лабиринта повозок, то он попадал в руки всадников, расположенных вне вагенбурга, и здесь погибал»,— пишет итальянец Пикколомини, очевидец гуситских войн.

Слава о подвигах таборитов прогремела на всю Европу. Немцы их страшно боялись. В 1431 году немецкий император двинул на чехов огромное полчище, насчитывавшее десятки тысяч всадников и пехотинцев. Все это полчище в панике разбежалось, как только услышало ночью скрип телег приближавшейся армии таборитов.

Ян Жижка говорил, что он сражается с немцами «за славу чешского народа и всего славянства». Когда он умер, у чехов появились другие предводители, из которых особенно прославились Прокоп Большой и Прокоп Малый. Но правящая верхушка чешского народа сговорилась с немцами, чешские князья и бароны в решительную минуту предали свой народ, и гуситское движение было раздавлено.

В XVI веке австрийские императоры Габсбурги прибрали Чехию к рукам. Чехи восстали, но безуспешно.

До конца мировой войны чешские и словацкие земли входили в состав Австро-Венгрии. Австро-Венгрию называли лоскутной империей, потому что она как из лоскутков была составлена из разных земель, населенных разными народами. Во время войны Австро-Венгрия воевала на стороне Германии. Вместе с Германией потерпела она поражение и распалась. На месте Австро-Венгрии возникли самостоятельные государства: Австрия, Венгрия и Чехословакия.

Чехи и словаки, которых много веков угнетали немецкие князья и венгерские бароны, добились, наконец, самостоятельности.

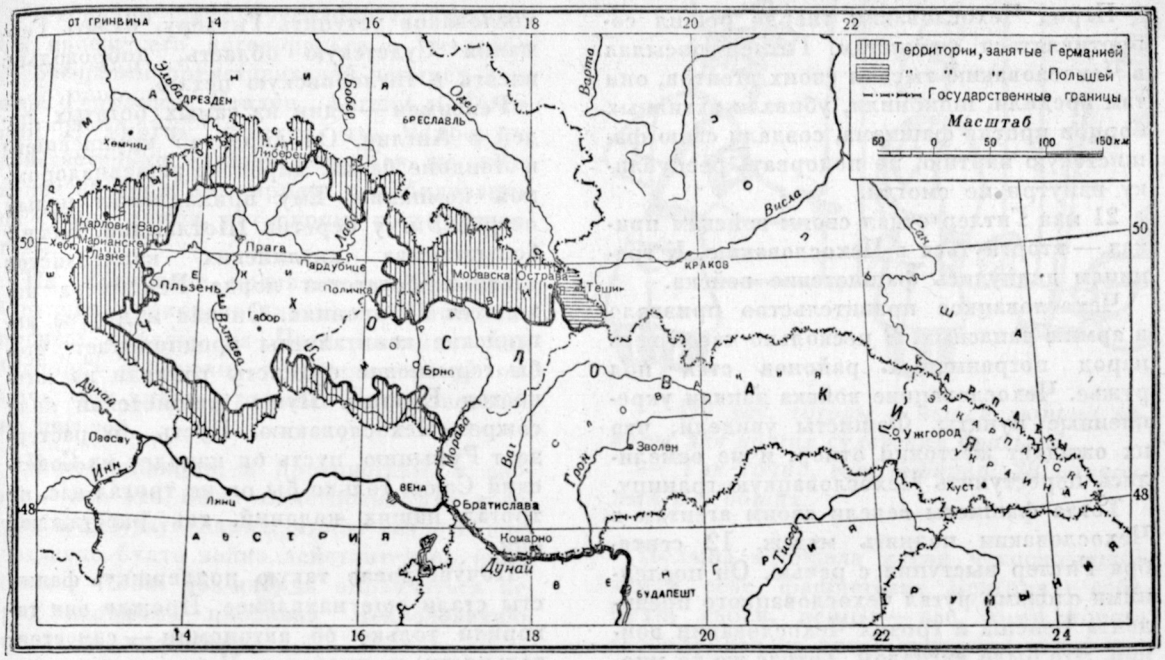
Удар на юговосток

К Чехословакии отошла только четвертая часть территории бывшей Австро-Венгерской империи. Но на этой четверти было две трети всей промышленности Австро-Венгрии и много природных богатств. Чехословакия имела все возможности развиваться, расти и крепнуть как самостоятельное государство.

За двадцать лет своей жизни Чехословацкая республика стала крепким государством, с сильной промышленностью и мощной армией. Маленькая Чехословакия хотела жить в мире со своими соседями. Но она готовилась ко всяким неожиданностям и при помощи своей союзницы Франции укрепляла границы республики, построила вдоль них сильные укрепления.

Чехословакия заключила договоры о взаимной помощи с Францией и СССР. Франция обещала Чехословакии помочь ей, если на Чехословакию нападут. СССР тоже обязался придти на помощь Чехословакии, если ей поможет и Франция.

Для Франции Чехословакия была особенно ценным союзником. Ведь германские фашисты и не скрывали своего намерения напасть на Францию. Имея в тылу у Германии такого мощного союзника, как



Старые и новые границы Чехословакии.

Чехословакия, Франция могла не бояться германского нападения.

Когда в Германии к власти пришли фашисты, над Чехословакией, над ее городами и селами, над ее мирным трудолюбивым народом — нависла кровавая угроза.

Ведь все германские пушечные, химические, автомобильные и авиационные короли, которые поставили фашистов у власти, только и думали, что о новой войне, о новых захватах.

Выполняя их волю, Гитлер превратил всю Германию в огромный военный лагерь, создал миллионную армию, строит огромный морской и воздушный флоты.

Когда в 1914 году Германия раздувала мировую войну, императору Вильгельму трудно было скрывать свои захватнические планы. Гитлер же готовит войну под маской борьбы с большевизмом. Он поднимает мятеж в Испании и говорит, что это борьба с большевизмом; он занимает Австрию, которой управляли тоже фашисты, только австрийские, и говорит, что и это борьба с большевизмом. Германия, Италия и Япония заключили между собой военный союз и союз этот назвали антикоммунистическим.

Гитлер знает, что для английских лордов и парижских фабрикантов нет слова страшнее и ненавистнее слова «большевик», и выставляя себя борцом с большевизмом, он всегда найдет у них поддержку.

Советский Союз могуч и силен. Напасть на него Гитлер еще боится, и поэтому под крики о большевистской опасности он пока захватывает страны совсем не большевистские.

В Берлине, в витринах книжных магазинов, выставлена карта «Срединной Европы». Это земли, над которыми собираются властвовать германские фашисты. Простирается «Срединная Европа» от Вогезов до Черного моря и от Северного моря до Адриатического. Фашисты мечтают захватить не только Чехословакию, но и Румынию, и Венгрию, и часть Польши, и Французскую Эльзас-Лотарингию, и, конечно, Советскую Украину.

Свой первый удар фашисты направляют на юговосток Европы. Чтобы вести большую войну, чтобы воевать с Францией или с Советским Союзом, надо иметь много железа, нефти, зерна. Всех этих продуктов в Германии не хватает. Но нефть есть в Румынии, железо в Чехословакии, хлеб в Болгарии и Венгрии.

Надо прорваться на юговосток, решил Гитлер. Но на пути в юговосточную Европу лежала Чехословацкая республика.

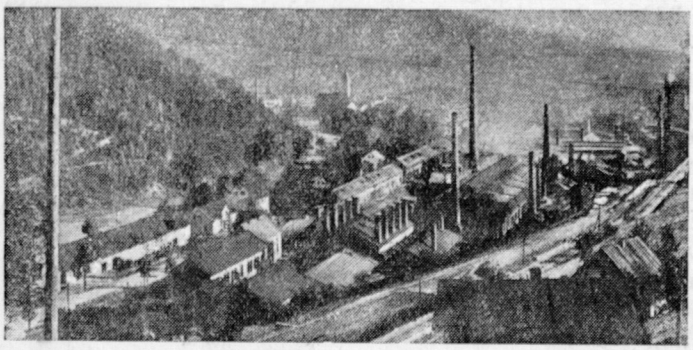
Сговор в Мюнхене

Народ Чехословакии твердо решил сопротивляться фашистам. Гитлер посылал в Чехословакию тысячи своих агентов, они там вредили, шпионили, убивали активных борцов против фашизма, создали свою фашистскую партию, но подорвать республику изнутри не смогли.

21 мая Гитлер отдал своим войскам приказ — вторгнуться в Чехословакию. К границам двинулись фашистские войска.

Чехословацкое правительство призвало в армию запасных. В несколько часов весь народ пограничных районов стал под ружье. Чехословацкие войска заняли укрепленные пункты. Фашисты увидели, что их ожидает жестокий отпор, и не осмелились переступить Чехословацкую границу.

Тогда фашисты велели своим агентам в Чехословакии поднять мятеж. 12 сентября Гитлер выступил с речью. Он последними словами ругал чехословацкого президента Бенеша и грозил Чехословакии войной. Это было сигналом. Тотчас же во многих городах Чехословакии фашистские бандиты напали на полицейские участки, стали громить помещения рабочих организаций. Население не поддержало мятежников. В Хебе, Нейдеке и других местах рабочие, вооружившись палками и камнями, сами расправлялись с погромщиками. Подоспевшие отряды жандармерии быстро навели порядок.



Либерец. Этот чехословацкий город с его фабриками и заводами, как и многие другие чехословацкие города захвачен Германией.

Но у Гитлера нашлись добровольные помощники по удушению Чехословакии — английские лорды. Английское правительство послало в Прагу лорда Ренсимена специально для того, чтобы уговорить чехословаков уступить Гитлеру, отдать Германии Судетскую область, добровольно влезть в гитлеровскую петлю.

Ренсимен — один из самых богатых людей в Англии. Он директор крупнейшего в Лондоне банка, директор железнодорожной компании. Ему принадлежит целый остров Эйг у берегов Шотландии. Как и у большинства английских капиталистов главные богатства лорда Ренсимена находятся в колониях. Он как и другие английские капиталисты предпочитает, чтобы германские фашисты глядели на юго-восток Европы. Пусть фашистский волк сожрет Чехословакию. Пусть он растерзает Румынию, пусть он нападет на Советский Союз, только бы он не трогал нас, не трогал наших колоний, так рассуждают они.

Почувствовав такую поддержку, фашисты стали еще нахальнее. Прежде они говорили только об автономии — самостоятельности в пределах Чехословакии для Судетской области, где живет много немцев, теперь они прямо стали требовать отделения Судетской области и присоединения ее к Германии. Они потребовали, чтобы Чехословакия разорвала свои договоры с Францией и Советским Союзом.

Англия и Франция предали Чехословакию. Вместо того чтобы остановить фашистских захватчиков, правители этих стран пошли на сговор с Гитлером и Муссолини. Чемберлен два раза летал в Германию сговариваться с Гитлером и все уступал ему. После каждой уступки фашисты становились все наглее. Наконец, Гитлер, совсем распоясавшись, 27 сентября потребовал, чтобы в одни сутки Чехословакия очистила Судетскую область, иначе он об'являет мобилизацию и идет на Чехословакию войной.

Европу трясло как в лихорадке. «Через 24 часа война»,— вопили газеты. В Лондоне населению раздавали противогазы. Во Франции мобилизовали запасных. Мобилизуется английский флот, в Париже в садах и скверах строятся убежища от воздушных бомбардировок. Правительство намекает, что людям, не связанным делами, лучше покинуть Париж. Вокзалы наводняются от'езжающими. «Париж

будет разрушен на другой день войны»,— в панике подхватывают газеты.

Чемберлен шлет Муссолини телеграмму. Он просит его договориться с Гитлером о совещании представителей четырех держав: Германии, Италии, Англии и Франции. И многим кажется, что Чемберлен действительно спасает мир. Как же, ведь война на носу! Вот приказ о мобилизации на стенах домов, вот окопы, вот противогазы.

На самом деле, правительства Англии и Франции прекрасно знали, что Гитлер не посмеет напасть на Чехословакию, если Франция и Англия не откажутся ей помочь. Они знали, что тогда Гитлер воевать не посмеет.

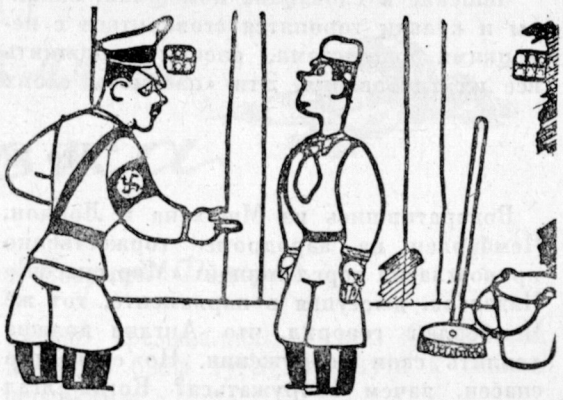
И мобилизация, и противогазы, и окопы — все это было подстроено для того, чтобы запугать народ, чтобы создать впечатление, будто война, действительно, неизбежна, чтобы как-нибудь оправдаться перед народом, продавая Чехословакию, предавая дело мира.

29 сентября Гитлер, Муссолини, Чемберлен и Даладье встретились в Мюнхене. Встречать Муссолини Гитлер выехал сам. Встречать Чемберлена и Даладье он послал второстепенных чиновников. Шел дождь, но Чемберлен ехал с аэродрома в открытой машине, приветствуя фашистов по-фашистски, поднятой вверх рукой. Журналисты потом спорили о том, что он хотел сказать этим жестом: «Ура!» или «Сдаюсь!»

Без четверти двенадцать началось совещание, длившееся девять часов. А на рассвете 30 сентября германский посол в Праге приехал в чехословацкое министерство иностранных дел и положил на стол карту Чехословакии. Простым карандашом на ней были очерчены те чехословацкие земли, которые, по мюнхенскому сговору, были отданы Германии.

Когда пишется эта статья, германские войска уже заняли не только те районы, которые были указаны на этой карте. В Мюнхене договорились, чтобы там, где немецкое население в меньшинстве, был проведен плебисцит — всенародный опрос: хочет ли население оставаться в составе Чехословакии или перейти к Германии? Растоптав соглашение, германские войска без всякого плебисцита заняли и эти районы, заняли много других городов и сел, о которых речи не было в Мюнхене.

„Заботливые братья“



— Ну как, готовы в нашей тюрьме камеры для наших судетских братьев?

— Так точно, герр офицер! 28 одиночных и 8 общих!

Польша оторвала кусок чехословацкой земли себе, фашистская Венгрия — себе. Чехи, евреи, немцы — все, кому дорога свобода, кто не хотел жить под пятой фашистских завоевателей, в панике бежали из родных мест. Началась кровавая расправа. В Судетскую область прибыли специальные отряды охранников, так называемые «отряды смерти». Сотнями арестовывают и бросают в тюрьмы рабочих, крестьян, ремесленников.

Еще недавно богатая и мощная, Чехословакия искромсана и обескровлена. Она лишилась шестидесяти процентов своих угольных копей, половины металлургических заводов, семидесяти процентов текстильных фабрик. Химические заводы в Ауссиге, арсенал в Устье над Лабем, почти все лесные богатства страны — все это досталось фашистам. Германская граница проходит по предместьям Пльзена — города, где находятся знаменитые военные заводы Шкода. Другой промышленный город, Моравска Острава, зажат с двух сторон между землями, захваченными Германией и Польшей. Даже электростанция, снабжающая Прагу, и та оказалась на германской территории. Перерезаны все пути сообщения: чтобы проехать из Праги в Пльзен, надо два раза пересечь германскую границу, а чтобы проехать из Пльзена в Братиславу — три раза.

Чехословакия теперь полностью зависит от фашистской Германии. И фашисты хозяйничают в ней как дома.

Чешские и словацкие помещики, банкиры и кулаки торопятся сговориться с немецкими фашистами, спешат выполнить все их требования. Эти «патриоты своих поместий», как их зовут в народе, готовы продать фашистам честь и независимость своей страны, только бы они не трогали их имений, их кошельков.

Что же дальше?

Возвратившись из Мюнхена в Лондон, Чемберлен на аэродроме торжественно провозгласил перед толпой: «Мир спасен!» Назавтра, выступая в парламенте, тот же Чемберлен говорил, что Англия должна усилить свои вооружения. Но если мир спасен, зачем вооружаться? Когда лгал мистер Чемберлен: на аэродроме или в парламенте? Очевидно, на аэродроме, перед народом.

Предав Чехословакию, правительства Англии и Франции вместе с тем предали интересы своих народов. Ведь каждому ясно, что, переварив Чехословакию, открыв себе дорогу к румынской нефти, к венгерской и болгарской пшенице, фашистская Германия окрепнет, осмелеет и потребует большего.

Накануне захвата чехословацких земель Гитлер клялся, что не нападет на Францию. Теперь же по всей Германии проходит сбор подписей под требованием о присоединении к Германии французской провинции Эльзас-Лотарингии. А Гитлер, выступая в Саарбрюкене, сказал, что укрепления на французской границе будут строиться еще энергичней. Дальнобойные германские пушки, направленные на Эльзас-Лотарингию,— вот оно настоящее подтверждение миролюбия Гитлера.

На улицах захваченных германскими фашистами чехословацких городов продают открытки с картой Африки. На ней красной краской отмечены те колонии, которые, по мнению фашистов, должны быть отданы Германии.

Не мир, а новую войну несет народам мюнхенский сговор. У каждого возникает вопрос: почему Чемберлен и Даладье сознательно пошли на то, чтобы усилить Гитлера и ослабить свои страны? Ответ на этот вопрос может быть только один: чтобы воевать с Гитлером, надо вооружить народ, надо вооружить трудящихся. А все эти господа Чемберлены, Даладье и прочие боятся своих народов больше чем Гитлер. Они боятся, как бы их рабочие и крестьяне не последовали примеру русских рабочих и крестьян, не повернули оружия против господ.

Наиболее откровенные буржуа во Франции — те прямо заявляют: «Лучше Гитлер, чем народный фронт». Они как и чехословацкие «патриоты своих поместий» лучше предадут свою родину, чем поступятся своими богатствами.

Гитлер нужен им как всемирный жандарм, которым можно пугать свой народ, пугать рабочих, когда они пред'являют свои требования. Вот почему, изменяя интересам родины, уступают они Гитлеру.

Единственная страна, до конца преданная делу мира,— это Советский Союз. В час наибольшей опасности, когда Чемберлен летел на поклон к Гитлеру, когда в кабинетах английских и французских министров разрабатывались грязные планы удушения Чехословакии, в Женеве выступил товарищ Литвинов. Он громко сказал, что Советский Союз готов выполнить свои обязательства и помочь Чехословакии. Он призвал все правительства, желающие мира, об'единиться и коллективно дать отпор захватчикам.

«Во всем мире нет народа, который хотел бы войны»,—говорил товарищ Сталин. Чемберлен и Даладье, отдав Чехословакию на растерзание фашистам, приблизили час войны. Тогда последнее слово будет принадлежать не Чемберленам и Даладье, а народам. И тогда непоздоровится ни фашистам, ни их помощникам.

□ □ □

Первая зимовка

Герой Советского Союза Евгений Федоров

В 1932 году я в первый раз попал в Арктику — поехал зимовать на Землю Франца-Иосифа. Кроме работы на самой станции мне и некоторым другим научным работникам нужно было совершить несколько экспедиций по архипелагу Земли Франца-Иосифа. Почти все в нашем коллективе первый раз работали на севере, и поэтому, перед тем как отправляться в большие, серьезные походы, намеченные на весну и лето 1933 года, мы решили еще осенью 1932 года пойти на один из соседних островов, чтобы испытать экспедиционное снаряжение, испытать свои силы и посмотреть, какие изменения нужно будет сделать в научных приборах, в палатках и в спальных мешках для того, чтобы они потом, весной и летом, работали безотказно.

Мы пошли в середине ноября. В это время на Земле Франца-Иосифа стоит полярная ночь. Как только наступило очередное полнолуние, мы и двинулись в поход. Пошли Иван Дмитриевич Папанин, начальник зимовки, Володя Кунашев, каюр; он имел больший полярный опыт, чем кто-либо из нас, и я. Хотя на зимовке было много собак, но товарищи, зимовавшие до нас, мало ходили в экспедиции, и собаки разучились возить. Когда Кунашев в первый раз запряг их, получилась страшная путаница: псы вырывались из упряжи, дико носились во все стороны и никакого порядка установить не удалось. Поэтому в эту первую экспедицию мы шли без собак, а нарту с приборами, палаткой и всем снаряжением тащили сами. Правда, мы взяли с собой двух псов, но только для того, чтобы они помогли нам в охоте, если встретится медведь, и предупредили нас своим лаем о его появлении.

14 ноября мы вышли.

★

Мы столпились вокруг тяжело нагруженной нарты. Ее слишком узкие полозья сильно врезывались в снег. Об'емистая поклажа была туго притянута к санкам веревками.

В 150—200 метрах от нас тянулся берег острова Гукера. Каменный обрыв высоко и круто поднимался прямо от поверхности льда. Освещенные яркой, полной луной, блестели базальтовыми гранями выступавшие из обрыва скалы. Черными пятнами обозначались впадины и ущелья. Впереди, на севере, берег заканчивался высоким и обрывистым мысом Маркхама. Сзади полого опускалась к морю каменистая россыпь мыса Седова.

Ивану Дмитриевичу, Володе и мне было холодно. Мы оделись легко в расчете на тяжелую работу, но пока ее делали за нас товарищи. Восемь человек провожали нас в путь. Теперь они, часто сменяясь, быстро тянули нарту, а мы шли налегке до того места, где нужно было проститься.

— Значит, возвращаетесь через десять дней. Если не придете, то через сутки выходим к вам навстречу.

— Вернемся, — сказал Иван Дмитриевич.

Все выпили по глотку коньяка. Затем мы разобрали лямки.

— Я коренником.

Иван Дмитриевич натянул на себя среднюю петлю.

Мы с Володей впряглись пристяжными.

Привязали с обеих сторон нарты на коротких сворках лохматую «Тумбу» и короткошерстого, ежащегося от холода «Вайгача».

— Ну, все в порядке.

Попрощались и пошли.

Ухватив рукой веревки лямок, резким рывком сдернули мы пристывшую к снегу нарту и, налегая плечом, ходко потянули ее, провожаемые взглядами товарищей. Минут пять следили они

за нами, а потом кучкой пошли обратно вдоль берега.

Первое время мы шли быстро, чтобы согреться. С глухим стуком, дергая нас за плечи, переваливала нарта невысокие торосистые гряды. Лед лишь недавно встал в проливах, и на нем не успел образоваться толстый слой снега, поэтому все неровности обозначались очень резко. Иногда мы выходили на площадки, откуда весь снег был сдут ветром. Полозья легко скользили по гладкой темной поверхности льда. Временами же с трудом перетаскивали тяжелую нарту через пространства, покрытые рыхлым, еще не слежавшимся снегом, в котором глубоко вязли полозья. Скоро мы убедились, что по плохой дороге невыгодно было всем тянуть нарту спереди. Много сил уходило зря на беспрерывное дергание. Тогда мы с Володей стали толкать нарту сзади, упираясь руками в плотно уложенную поклажу. Так пошло легче, хотя нам и приходилось идти согнувшись.

С правой стороны очень медленно отодвигались назад приметные скалы берега. Иногда мы останавливались, присаживались на переднюю часть нарты, отдыхали.

— Что, «Вайгач», тоже стараешься? — Володя потрепал рукой свернувшегося у его ног пса.

— Как старается?

— Тянет. Я посмотрел, как попадем на плохое место, так оба, и «Вайгач» и «Тумба», натягивают сворки, упираются, помогают нам тащить.

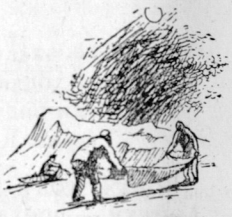
— Ишь, молодцы. Зря мы им алычков не захватили. Может, к весне будет из них толк.

— Толк из всех будет, Иван Дмитриевич. Сейчас собаки не везут, потому что раньше с ними никто не занимался, не учил. За зиму выучим.

— Обязательно, Володя, организуй это дело. Ребята тебе помогут. К весне нам собаки нужны: на себе далеко не увезешь. Приборы-то Женя больно тяжелые заставляет таскать,—Иван Дмитриевич, смеясь, постучал рукавицей по увесистым ящикам с магнитным теодолитом.

— Легче у нас нет, Дмитрич. Вот следующий раз поедем зимовать — что-нибудь другое достанем, поудобнее.

Снова налегаю на тяжелую нарту. Шуршат полозья. Впереди Иван Дмитриевич, упираясь в снег лыжной палкой, крепко натягивает свою постромку. Собаки тоже работают. Мне видно, как пыхтит и высовывает язык кудлатая «Тумба». Как честно старается вытянуть свою веревочку.



Часа через четыре поровнялись с мысом Маркхама. Теперь нам виден северный берег острова Гукера, а впереди чуть маячат острова, к которым мы идем: остров Кетлица и остров Нансена. До них еще более 20 километров.

Мы сильно устали и решили остановиться.

Пока мы с Кунашевым развязывали поклажу, Иван Дмитриевич короткой лопаткой выравнивал площадку для палатки. У нас еще не было сноровки. Мы долго подбирали палки и путались в веревках. Погода нам не мешала. Было тихо, ярко светила луна. Местами на звездном небе зеленели расплывчатые пятна полярного сияния.

На снегу мы устроили «пол» — постлали кусок полотна, на него положили оленьи шкуры, а сверху — спальные мешки. В передней части палатки поставили ящик с провизией и примус. Иван Дмитриевич разжег примус и разобрал провизию, а мы с Володей укладывали на нарту все вещи, которые не поместились в палатке, чтобы их не замело пургой.

Собаки уже поужинали и рыли себе ямки в снегу у стенок палатки.

Мы начинали мерзнуть.

— Как у тебя, Дмитрич? Можно лезть?

— Погоди, ребята. Вот чайник набейте снегом,— и он просунул через вход палатки пустой чайник.

В палатке тесно, но уютно и тепло. Тщательно отряхнув ноги, пролезаем вглубь на спальные мешки. Над чайником уже клубится легкий парок.

— Кашу, ребята, не варю: долго будет. Ешьте грудинку, сало, масло. Вот чай, а завтра утром кашу сделаем.

Мы все сильно устали, и нам больше хотелось спать, чем есть. Откусываем

куски мерзлого масла, жуем грудинку, грызем хлеб. Запиваем обжигающим чаем и, наконец, лезем в мешки. Лезем как есть: в меховой одежде, в торбасах, шапках.

Замечательно приятно вытянуться в теплом, сухом мешке. Чуть шипит угасающий примус. Привернутый фитиль фонаря слабым огоньком светит в палатке. Мы засыпаем.

За ночь палатка покрылась изнутри мохнатым белым слоем инея. Это наше дыхание осело на полотне. Когда головой задеваешь за стенку, иней валится на лицо и за шиворот.

— Женя, подкрути фитиль, пожалуйста, пусть веселей светит.

Даю ярче свет. Было уже утро. Промерзший примус сначала обжигает руки, но скоро громко гудит покрасневшая от пламени горелка, и сразу веселей, уютней и даже как будто теплей становится в нашей тесной конуре.

Через час, поев и сложив опять на нарту все хозяйство, мы шагаем дальше. Как и вчера, тихо. Но кругом встала пелена густого тумана. Пропали из виду далекие еще острова, к которым мы идем, да и берегов острова Гукера совсем не видно. Временами просвечивала сквозь мглу расплывчатым пятном луна. Ее лучи отражались в тумане и на снегу, и казалось, будто светится весь воздух: светло, но ничего не видно в этой белесой искрящейся мгле.

Все чаще и чаще спотыкается Иван Дмитриевич. Он идет впереди. И как ни напрягает он зрение, совершенно невозможно различить неровности льда. Иногда мы натыкаемся на метровые торосы. Их не видно даже за пять—шесть шагов, и вдруг они сразу вырастают перед нами. Обливаясь потом, мы дергаем нарту назад, переваливаем через торосистые гряды, а через несколько шагов опять запутываемся среди ледяных обломков.

— Стой, ребята, отдохнуть надо! Придется одному вперед пойти путь смотреть. Медленней пойдем, зато меньше надрываться будем,— говорит Иван Дмитриевич.

Я откинулся спиной на нарту. Лежу, разбросав руки, упираясь в снег пятками вытянутых ног. На разгоряченное лицо медленно опускаются маленькие снежинки.

Луна уже не просвечивает. Небо затянули плотные облака.

Около нас мелькнуло какое-то серое пятно.

Рявкнув, вскочил «Вайгач», оборвал веревку и бросился вслед. Отчаянно лаяла и прыгала, дергая свою веревку, «Тумба». «Медведь? Песец? А может быть, чайка?» Иван Дмитриевич быстро вскочил и в нескольких шагах от нарты нашел следы песца.

— И что он только тут делает зимой?

Мы встретили здесь зимой несколько песцов, и присутствие их было нам непонятно. Тут нет леммингов, обычной пищи песца на материке. Летом он может грабить птичьи базары, давить птенцов, таскать яйца. Но зимой острова пустуют. Наш биолог Леонид Иванович должен был выяснить, чем в это время кормится песец.

Мы отдохнули и снова зашагали, путаясь среди торосов. Мы уже втянулись в работу, и нам казалось, что мы долго можем так идти, согнувшись и упираясь руками в нарту. Дорога улучшилась. Реже и реже встречались торосы, и быстрее бежала по ровному месту нарта. Я частенько поглядывал на компас. В тумане не видно какого-нибудь тороса, острова, по которым мы могли бы выдерживать раз взятое направление, и поэтому почти все время приходилось смотреть на маленькую стрелку. Мы всматривались еще и еще раз, надеясь различить впереди темную массу острова Кетлица, но видели лишь смутные, едва уловимые серые пятна, о которых нельзя было даже сказать, что это: далекий айсберг или небольшой торос в 20 метрах? Я проверял в уме расчет курса. Должно быть, все правильно. Из осторожности мы взяли немножко правее острова Кетлица. Вправо близко есть другие острова, а влево широко расстилалась гладь Британского канала.

Уже около десяти часов прошло с тех пор, как мы покинули стоянку. Потеряв надежду на то, что туман в ближайшее время рассеется, мы решили остановиться. Нашли подходящий торос, поставили палатку. Поели, покормили собак и легли спать.

Утром тумана как не бывало. Мы увидели, что наша палатка стоит около небольшого айсберга. К северу расстилалась широкая полоса ровного льда; примерно в двух километрах от нас, к северо-западу, виднелись скалы острова Кетлица. На востоке обрисовывался ледяной купол острова Нансена. Кое-где на гладкой поверхности льда высились большие айсберги. Мы пришли совершенно точно. Если бы мы прошли еще полтора — два километра, то уперлись бы в берег острова Кетлица.

Мы быстро собрали лагерь и через час достигли берега. У самого берега нам нужно было перейти через трещину между льдом пролива и припаем. Эти трещины получаются от того, что лед в проливах подымается и опускается во время приливов и отливов, а припай — узкая полоска льда, непосредственно примыкающего к береговой полосе,— остается неподвижным.

Мы перетащили нарту через торосы у этой трещины, подтянули ее к берегу и у большой скалы поставили палатку. Здесь мы собирались провести, по крайней мере, сутки. Нужно было сделать магнитные наблюдения на острове. Эти наблюдения должны показать, годятся ли наши приборы для экспедиционной работы. Магнитная сила здесь может быть другая чем на острове Гукера, где стоит наша зимовка. Я ожидал встретить на Земле Франца-Иосифа большие магнитные аномалии. Надо было выяснить, не нужно ли сделать в приборе каких-нибудь изменений для того, чтобы он мог работать при любом состоянии магнитного поля, которое мы можем встретить на островах.

Мы крепко забили колья палатки в плотный снежный сугроб у скалы, туго натянули веревки, разместили поудобнее спальные мешки и щедро покормили собак.

— Ну, здесь, ребята, я сварю вам отличный обед, — сказал Иван Дмитриевич. — Пока ты, Женя, будешь наблюдения делать, времени у меня хватит. Накормлю вас на славу.

Товарищи помогли мне перетащить тяжелые ящики с инструментами на берег острова и установить треногу, потом они ушли вниз к палатке, а я остался налаживать приборы. Трудно возиться с теодолитом на морозе. Его маленькие медные винтики обжигают голые пальцы, стекла в отсчетных трубках индевеют от дыхания, мерзнут руки. Проходит много времени, пока я делаю обычные измерения. Под берегом, в палатке, шумит примус, слышен разговор товарищей, поскуливают собаки, укладываясь спать. По-прежнему тихо. Для последнего измерения мне необходима помощь Ивана Дмитриевича. Нужно работать сразу с двумя приборами. Он приходит, одетый поверх меховой рубашки в широкую и теплую кухлянку из оленьего меха, подходит и Володя для компании. Я налаживаю прибор, установив его на ящике, пристраиваю освещение от электрической батарейки. Иван Дмитриевич ложится на живот, приникает глазом к трубке и выкрикивает мне отсчеты.

— Быстрей, быстрей шевелись, Женя, — весело понукает он. — Там обед уже поспел.

После работы мы весело сбежали вниз, оставив прибор стоять на берегу, и в теплой палатке принялись за обед. Нас ждала молочная рисовая каша, на сковородке шипела колбаса, а в чайнике, поставленном на деревянный ящик и накрытом куском меха,— горячий кофе.

Мы быстро с'ели вкусный обед, выпили по чашке горячего кофе. Иван Дмитриевич прилег у задней стенки палатки. Володя достал из сумки большую иглу с крепкой ниткой и принялся починять себе меховые сапоги, а я пошел посмотреть прибор и закрыть его на ночь чехлом. Утром я предполагал еще раз сделать магнитные наблюдения.

— Что это там скребется сзади? — спросил Иван Дмитриевич.

— Да это «Тумба», наверное, спать укладывается, — спокойно заметил Володя.

Я вылез из палатки, и нос к носу столкнулся с белым медведем. Зверь глядел на меня из-за задней стенки палатки. Я быстро сунул голову внутрь.

— Медведь, товарищи!

— Где?

— Да тут, в двух метрах.

Володя быстро натянул сапоги на ноги и вытащил наган. Вскочил и Иван Дмит-

риевич. Мы с медведем смотрели друг на друга. Это был не старый медведь, среднего размера. Он поводил из стороны в сторону длинной шеей, втягивал воздух ноздрями и, вероятно, с удивлением рассматривал стоявшую перед ним фигуру. Через несколько секунд выскочил Володя с наганом и выстрелил в зверя. Тот рявкнул, подскочил, быстро вскарабкался на крутой склон берега и пустился наутек. Мы втроем побежали за ним. От выстрела проснулись собаки. Они тоже вскочили и с громким лаем понеслись вслед.

Но медведь быстро скрылся из виду. Уже затих отдаленный лай наших псов, а мы все еще бежали по гладкой ровной поверхности плотного снега, возбужденные преследованием, как будто бы можно было догнать быстрое животное.

— Вот дьявол! Как же он подобрался к нам неслышно? А собаки-то, главное, спят, как ни в чем не бывало. Ну да накормили мы их слишком сильно, они и спали крепко, в снег зарылись, не слышали.

— Так это он, значит, там и скребся около меня?

— Да, Дмитрич, не иначе, тебя хотел попробовать.

Мы медленно возвращались в палатку. Часа через три вернулись и усталые собаки.

Ложась спать, мы увидели, что наши спальные мешки уже не были такими гостеприимными, как в первый раз. Они заскорузли, сделались жесткими — их трудно было расправить. С усилием залезали мы внутрь. Нам с Володей это было еще сравнительно просто сделать, но Иван Дмитриевич долго не мог натянуть на себя сморщившийся мешок.

Мы с Володей полезли к нему и вдвоем — раз два, взяли! — запихнули начальника в мешок.

— Спасибо, ребята. Вот чортово брюхо, жить мешает. Но отчего же мешки-то мерзнут? Ведь этак через три—четыре дня мы в них совсем не влезем.

— А потому, что плохо сделаны, — сказал Володя.

Он был знаток по этой части. Долго пробыв в пограничных войсках на Чукотском полуострове, он в совершенстве знал всю экспедиционную технику.

— Настоящий мешок должен быть сделан из оленьей или волчьей шкуры. А это,—Володя ткнул в красный бобрик,— это разве мешок?

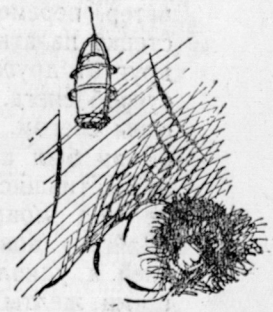
Наши мешки были двойными: овчину покрывал снаружи толстый бобрик. Овечья шерсть быстро слеживалась, смерзалась; толстая материя, увлажняясь от нашего дыхания и от испарения тела во время сна, за дневной переход замерзала, делалась твердой, ее трудно было расправить, чтобы залезть в мешок. Сегодня пришлось уже долго разогревать его своим телом, прежде чем он стал мягким.

Утром мы проснулись от хлопанья палатки. Поднялся ветер. Когда я высунул лицо через вход, стремительный снежный вихрь ударил в глаза. Бушевала метель. Хорошо еще, что мы под берегом были защищены от ветра, и поэтому наша палатка, не очень-то удачно сконструированная, оставалась целой.

— Что ж будем делать?

— Спать нужно, — спокойно заметил Володя. — Пока не утихнет, все равно делать нечего.

Палатка, защищенная от напора ветра склоном берега и большими сугробами, все же сильно дрожала под его порывами. Боковая стенка огромным пузырем вдавилась внутрь. Через крохотные дырочки в нее проникала тонкая снежная пыль. Фонарь качался, и его пламя то замирало, то вытягивалось длинным коптящим языком.



— Так и порваться может, если ветер усилится,— Иван Дмитриевич ткнул кулаком в трепещущее, напряженно вдавливаемое внутрь полотно. — Видно, нужно третью оттяжку сбоку делать.

— Да, обязательно. Вот еще вход у нас скверно защищен. Если ветер спереди зайдет, то плохо будет,—заметил Володя.

— Как у тебя прибор, Женя, надежно стоит?

— Да, Дмитрич, я его на всякий случай в ящик сложил. Ничего не сделается.

— Ну хорошо, тогда будем спать, ребята. Делать нечего. Только часы все заведем, а то потом время спутаем.

Мы плотно завернулись в мешки, теснее привалились друг к другу и задремали, слушая вой шторма.

Через несколько часов я проснулся. По-прежнему шелестел снег. Керосин в фо-

наре выгорел, и в палатке было темно. Какая-то тяжесть стесняла ноги. Надо бы посмотреть, что это такое, да лень было вылезать. Лежу еще час—другой, стараюсь поменьше двигаться, чтобы не мешать товарищам. Может быть, они спят. Вдруг с удивлением слышу, что кто-то перебирает посуду. Неужели, думаю, Иван Дмитриевич возится с кастрюльками?

Нет, он лежит рядом со мной и, кажется, спит.

— Володя, это ты возишься?

— Нет, я сам слушаю. Надо посмотреть.

Мы поднимаемся. Володя достает из кармана спички, ощупью находит фонарь. От нашей возни просыпается Иван Дмитриевич.

— Вы что, ребята?

— Да вот надо посмотреть, что тут делается.

Когда загорелся желтым огоньком фонарь, мы увидели неприглядную картину: ветер переменился и дул в переднюю стенку палатки. Половинки входа отошли друг от друга, и внутри намело большой сугроб снега. Наши мешки по пояс занесены снегом. Это он и давил на ноги. Засыпан был и ящик с провизией. Уютно разместившись в выкопанной в снегу ямке над моими ногами, спала «Тумба». «Вайгач» повернулся от ящика с провизией и удивленно глядел на нас блестящими желтыми глазами. Это он гремел, вылизывая кастрюльки.

— Эге, таких гостей гнать надо,— приподнялся Иван Дмитриевич и, замахнувшись на собак, выгнал их наружу.— Пускай там устраиваются. В снегу им одинаково тепло, а здесь все наше сало съедят, если дорвутся.

Мы стягиваем руками половинки двери и завязываем полотно веревкой. Откидываем снег с мешков к передней стенке. Теперь она хорошо замурована большим сугробом, но снег уже успел нам напортить: мешки отсырели. Теперь их бобриковые покрышки обмерзли, и лежать в них становится все холоднее и холоднее. Мы ежимся, подбираем ноги. Спать уже невмоготу. Больше суток мы лежим в мешках. Стараемся развлекать друг друга. Рассказываем различные истории. Интереснее всего слушать Ивана Дмитриевича. Он очень много пережил на своем веку. Под хлопанье напряженной парусины, под шелест проносящегося за палаткой снежного потока он делится с нами своими воспоминаниями о гражданской войне.

— ...Вот в такую же штормовую ночь к скалам Крымского берега осторожно подходил маленький катер,—рассказывал Иван Дмитриевич. — Врангель с помощью интервентов, не жалея средств, укреплял Перекоп. Казалось, что никакая сила не прорвется по этой узкой дорожке под обстрелом мощных батарей. Войска барона чувствовали себя в Крыму хозяевами. Грабили население и карали за малейшее проявление недовольства. Крестьяне бежали из аулов в горные ущелья. А из городов в горы бежали рабочие.

Командование Красной Армии решило об'единить эти разрозненные партизанские группы. И вот Иван Дмитриевич во главе маленькой группы смелых бойцов был отправлен в тыл к Врангелю.

На катере были пулеметы, винтовки и мешок царских денег. Береговая охрана не ожидала, что кто-нибудь отважится в такой шторм подойти к берегу. Бойцы прыгали в воду с пулеметами на плечах и выносили их на скалистый берег. Когда катер был разгружен, в дне его проделали дырку и затопили.

Через несколько дней Папанин уже связался с партизанскими группами, организовал хорошо вооруженные отряды. Оружие добывали в бою.

— Вот и маузер этот тогда добыл,— Иван Дмитриевич похлопал рукой по потертой, лоснящейся от времени деревянной кобуре, лежащей около него. — В разведке, в лесу, столкнулись мы вплотную с передовым пунктом противника. Почти одновременно заметили друг друга: белогвардейский офицер и я. Он успел выстрелить раньше из этого маузера, но пистолет дал осечку. Зато мой наган не подвел. Вот с тех пор везде таскаю с собой этот трофей. Пока что осечки не было.

— А когда же ты, Женя, в комсомол поступать думаешь? — спросил вдруг Иван Дмитриевич.

— Поздно уже, Дмитрич. Раньше както не поступил, а теперь уже двадцать два года.

— Мне под сорок, а я еще хоть в пионеры пойду, — смеялся Папанин. — Вот сейчас и поступай. Года три—четыре по-

работаешь в комсомоле, подготовишь себя к партии...

Хлоп! Нас накрыла парусиновая стенка. Сломалась палка, служившая коньком крыши. Фонарь упал и потух. Теперь вся палатка, не сдерживаемая каркасом, хлопала как огромный флаг на ветру. Наступая друг на друга, мы вылезли из мешков. Мы с Дмитричем спинами удерживали полотно, сопротивлялись ветру, а Володя связывал сломанную палку. Поскольку уже пришлось вылезть из мешков, решили поесть.

Наладив палатку, снова отгребли снег, развели примус. На этот раз я стал варить кашу. Взял котелок. Он был чисто вылизан «Вайгачом», слегка я ополоснул его и, снова набив снегом, поставил на огонь.

Ветер понемногу стихал, и часа через четыре можно было собираться в путь.

Сорок часов провели мы в палатке, отсиживаясь от шторма.

Обратный путь был труднее. В середине пролива нас опять накрыл шторм. Снова пришлось просидеть в палатке сутки. Мешки совсем отсырели и покрылись ледяной корой.

На десятые сутки мы подошли к острову Гукера. Измученные, тянули мы нарту. Луна убавилась больше чем наполовину. Часть суток она была под горизонтом. Мы шли при слабом свете звезд и едва различали торосы и смутную громаду острова.

— Вот если бы ребята догадались выйти навстречу!

— Едва ли. Условлено, чтобы выходить завтра. А мы завтра как раз и подойдем. Осталось километров пятнадцать.

Снова спотыкались на торосах, выбирая удобный проезд для саней; снова, согнувшись, толкали тяжелую нарту.

— А ну-ка, посмотрите, ребята, — Иван Дмитриевич показал на горизонт. — Что это? Встречают?

За зубчатой линией торосов горела искорка огня.

— Факел. Ура! Надо им сигнал дать. Володя вскарабкался на ближайший торос и, засветив электрический фонарик, принялся им махать в воздухе. Огонек не отвечал.

Решили бежать навстречу, боялись, что они не увидят и пройдут мимо.

От радости мы помчались врассыпную, прыгая через торосы. Мне встретилось высокое нагромождение ледяных обломков. Я быстро взобрался туда, чтобы лучше рассмотреть.

— Да это луна!

Багровая горбушка луны понемногу вылезала из-за горизонта. Причудливая рефракция искажала ее форму. Казалось, что языки пламени поднимаются вверх от диска.

— Стойте, товарищи. Это луна!

Долго ругали мы неладную планету: и светит плохо и обманывает.

На следующий день подошли к зимовке и как раз вовремя. Начинался новый шторм, который мог бы причинить нам серьезные неприятности, если бы пришлось переживать его на льду. Палатка была окончательно растрепана, и мешки уже не согревали.

Когда мы вымылись, доктор повел нас в свою чистенькую, выкрашенную белой краской комнату и заставил свешаться. За девять суток мы все вместе потеряли тринадцать килограммов. Но они не были потеряны даром. Мы узнали на собственном опыте, какое нужно снаряжение для экспедиции, как лучше устроить палатку, какие приспособления нужно сделать к прибору, чтобы было удобно работать. А весной и летом мы без труда уже ходили на сотни километров, жили по месяцу в палатке. Хорошая одежда, теплые, из оленьего меха спальные мешки, которые мы сами сшили за зиму, позволили нам успешно работать в любых условиях. Каждый из нашей молодежи выучил по две—три собаки, и к весне у нас было четыре хороших упряжки.

Зимовка на Земле Франца-Иосифа навсегда останется у меня в памяти. Там я получил первый полярный опыт, приобрел прекрасных друзей и начал работать в ленинском комсомоле.

□ □ □

Высокие горы. Обрывистые скалы. Как в таких условиях воевать? На скалу танк не взберется. Да и пушку тула трудно втащить. Специальные части Красной Армии — горнострелковые дивизии — учатся вести военные действия в горах. Вот одно из подразделений Н-ской горнострелковой дивизии на учениях штурмует скалу.

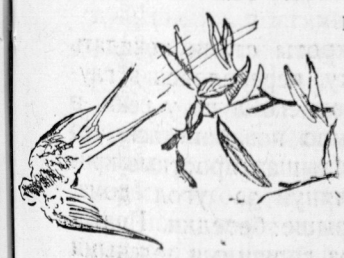
Роз-Мари

Брэдфорд Даниэльс *Рис. Б. Синявского*

Перевод с английского П. Охрименко

Я назвал ее Роз-Мари, когда в первый раз увидел блеск солнца на ее оперении. Она вылетела из маленького отверстия под крышей, и в эту минуту солнце окрасило розоватым светом ее белую грудку. И странно, — хотя она возвращалась в старое гнездо несколько лет подряд, я никогда больше не видел такой игры света на ее перьях.

Будь я хорошим плотником, мне не пришлось бы испытать той радости, какую я испытал, наблюдая Роз-Мари. При постройке дома я так настлал потолок, что между ним и крышей осталось небольшое пространство, куда никогда не проникал свет. Позднее я пристроил к дому веранду, где и спал с тех пор, но в том месте, где крыша веранды соприкасалась с крышей дома, я случайно оставил небольшое отверстие. Его сразу заметила остроглазая Роз-Мари, когда, вернувшись с юга в начале апреля, подыскивала место для гнезда.



Роз-Мари, как стрела, проносилась в воздухе, взмывала вверх, грациозной черной точкой мелькала в чистом апрельском небе и падала вниз так быстро и изящно, как могут только белогрудые ласточки.

Когда я видел, как она влетает в маленькое отверстие под крышей, я едва верил своим глазам: такая ловкость и точность мне казались почти невозможными. Отверстие было до того мало, что ласточка, казалось, с трудом могла пролезть в него, и перед ним не было ничего, на что она могла бы опереться. Но Роз-Мари проносилась над садом, как крылатая радость, и, приближаясь к отверстию, устремлялась в него с такой быстротой, что, ошибись она на один миллиметр, — она бесформенной массой перьев свалилась бы на землю. Однако всегда в последнюю секунду она плотно прижимала крылья

к бокам и, как пуля, влетала в отверстие. Это был самый изумительный образец точности и быстроты движений у живого существа, какой мне приходилось наблюдать. Хоть я и видел Роз-Мари каждый день с утра до вечера, пока делалось гнездо, всякий раз при ее приближении я следил за ней, затаив дыхание, так велика была для нее опасность разбиться.

Я не видел гнезда, которое Роз-Мари и ее самец сделали в темном уголке под крышей, но изо дня в день наблюдал, как они таскали прутики и перья, рискуя жизнью при каждом влете в отверстие. Моя кровать стояла на веранде, и я утром и вечером слушал тихое щебетанье ласточек — белогрудая ласточка — единственная ласточка с мелодичным голосом — или следил за топотом их ножек по сосновым доскам потолка.

Эти доски усохли, и между ними образовались щели. Над одной из щелей ласточки и свили гнездо, вероятно, потому, что здесь было за что зацепиться. Веточки и несколько перьев, подобранных на птичьем дворе, просовывались в щель, но я помалкивал о гнезде Роз-Мари, зная, что хозяйка дома не особенно любезно отнеслась бы к такому нововведению.

Рядом с домом, прямо под отверстием, куда влетали ласточки, стояла беседка, увитая диким виноградом. Широкая решотка, образующая ее кровлю, примыкала к дому, а под беседкой в мягкой почве копались кроты, выбрасывая на поверхность холмики жирной глинистой земли. Эти холмики вырастали прямо у меня на глазах, когда я иной раз наблюдал за каким-нибудь усердным кротом.

В доме жила кошка. Мы назвали ее «Молния», и это имя как нельзя лучше подходило к ней: такого быстрого четвероногого создания я никогда еще не встречал. Маленькая, белошерстая, худая, как тень, с длинной шеей, мускулистыми боками и вечно шевелящимся хвостом, кошка эта отличалась необыкновенной быстротой. Птиц она уничтожала немилосердно. Трясогузки, воробьи, реполовы, перепелки становились жертвой ловкого белого хищника, устилавшего землю их перьями, и моя сосновая роща, одно время наполненная птичьим щебетом, стала в середине мая такой же безмолвной, как в январе.

Я любил птиц и быстро покончил бы с «Молнией», если бы не считался со своей семьей. Ни одно европейское государство не находилось в большей безопасности, чем наш дом, благодаря равновесию сил, прекрасно регулируемому «Молнией» без всяких пактов и тайных союзов. Для хозяйки дома кошка была драгоценна тем, что уничтожала мышей, каждую осень набегавших к нам с соседних полей; сынишка не мог расстаться с ней, так как она играла со щенком, которого он «воспитывал», а дочурка часто возилась с «Молнией», украшая ее лентами и нося на руках.

Когда птицы почти исчезли, «Молния» нашла себе новое развлечение: она ложилась под увитой виноградом беседкой и наблюдала за холмиками земли, наваленной кротами. Когда холмик начинал шевелиться, она ударяла по нему лапой с такой быстротой, что трудно было даже заметить это движение, отбрасывала в сторону землю вместе с кротом и, подхватив ошеломленную, бьющуюся в ее зубах жертву, отправлялась с ней на открытую полянку, чтобы там вволю наиграться.

К середине мая кроты стали покидать виноградную беседку, переселяясь в глубокий чернозем соседнего луга у реки, и «Молнии» нечем было позабавиться. Но однажды утром я услышал яростные крики ласточек и, заглянув за угол дома, увидел кошку на крыше беседки. Притаившись в листве, она горящими зелеными глазами следила за ласточками, а те бешено кружились над ней. Один раз край-

не возбужденная Роз-Мари стрелой метнулась вниз на кошку, та высоко подпрыгнула, но ласточка увернулась от удара страшной лапы.

Прошло несколько дней, и ласточки поняли, что они могут безнаказанно влетать и вылетать, и совершенно перестали обращать внимание на караулившую их кошку. Но вот как-то после полудня я увидел «Молнию», притаившуюся уже на крыше веранды, прямо над тем местом, где вылетали ласточки. Небольшая дощечка шириной в два дюйма, прибитая вдоль крыши, — вот и все, что отделяло ласточек от кошки, когда они пролетали взад-вперед. Сейчас они обе, с клювами, полными мух, кружились над отверстием, боясь влететь.

Первым моим побуждением было нарушить равновесие сил и застрелить хищника на месте, но любопытство удержало мою руку. Ласточки понемногу смелели: они подлетали совсем близко к отверстию и затем быстро взвивались вверх, на расстоянии всего какого-нибудь фута от кошки, которая каждую минуту могла стать их убийцей. Но вот Роз-Мари метнулась к сараю, затем быстро повернула назад и с быстротой молнии скрылась в отверстии. Кошка взмахнула лапой, но осталась ни с чем.

II

Меня так захватило это состязание в ловкости между кошкой и ласточками, что всю следующую неделю я часто подолгу стоял на одном месте, наблюдая за ними и совершенно позабыв о своей малиновой плантации, где работал. Упорство кошки было ужасно. Только, бывало, начинает светать, а она уже на своем месте и, припав брюхом к крыше, помахивая хвостом, вытянув шею, держит наготове убийственную лапу. Ясно слышала она приближающуюся изнутри к отверстию птицу, вся напрягалась, как стальная пружина, наклонялась над краем крыши и судорожно поводила правой лапой с выпущенными когтями. Но ласточка всегда ускользала от смертоносного удара.

Я наблюдал за этой картиной с затаенным дыханием: вот он, быстрый, как стрела, вылет ласточек — и молниеносный взмах убийственной лапы! Снизу мне казалось, что они происходят одновременно: мое зрение и мозг не могли работать так быстро, чтобы уловить эти два движения отдельно.

Но известно, что ко всему привыкаешь, даже к смертельной опасности. Через несколько дней обе ласточки влетали в отверстие и вылетали из него так, как будто совсем не пересекала им путь когтистая лапа, всякий раз лишь на волосок не задевая их.

Современем в гнезде появились птенцы — я узнал о важном событии по яичной скорлупе, которая вывалилась однажды утром из щели, отмеченной перьями, — и родители занялись кормежкой голодных ртов. Так как Роз-Мари и ее самец свили гнездо гораздо раньше других ласточек, поселившихся в сарае, то у них была полная монополия на насекомых, круживших над садом и соседним лесом, и, судя по битком набитым клювам родителей, птенцы их превратились в настоящие комочки жира.

Как-то в праздничный день, когда я дольше обычного лежал в постели, я обратил внимание на отчаянную возню над потолком, крохотные ножки так и шаркали по доскам, и я решил, что началась подготовка к вылету птенцов из гнезда. День за днем шарканье становилось все громче, а ободряющий писк матери все чаще. Несомненно, детеныши пробовали там, под крышей, свои крылья. Возвращались ли они на ночь в гнездо под материнское крылышко, не знаю, но однажды ночью я услышал жалобный писк. за ним последовало длительное шуршанье перьев, и у меня родилось подозрение, что кто-то

из птенцов стал жертвой забравшейся на чердак крысы. Позднее из отверстия вылетело четверо птенцов, и если один погиб, то всех их, значит, было пять.

Эта возня — шарканье ножек и трепыханье крыльев под крышей — держали «Молнию» в напряжении, близком к безумию. Она больше не охотилась в соседних кустах и так исхудала, что казалась скелетом, обтянутым белой шкурой. Слыша суетливую возню счастливой семьи, кошка поворачивала к крыше то одно ухо, то другое, беспрестанно шевеля хвостом, напоминавшим змею, когда она крадется к своей жертве.

Как-то раз после полудня, когда бледное ясное небо широкой аркой раскинулось над сосновой рощей, Роз-Мари и ее самец внезапно подняли такой писк, что мне пришлось выйти во двор и узнать, в чем тут дело. Обе ласточки кружились над «Молнией», сидевшей на своем обычном месте над отверстием. Они то и дело бросались прямо на кошку, отгоняя ее от отверстия, а оттуда — в этом-то и было все дело — выглядывала молодая ласточка. Кошка чуяла ее и напряженно ждала, готовая каждую секунду цапнуть, когда та высунет голову. С резким писком бросалась на кошку Роз-Мари, подлетая так близко, что я мог только удивляться, как удавалось ей избежать удара когтистой лапы. Свирепость птицы пугала кошку, она отшатывалась назад при каждом налете ласточки и не успевала ударить ее.

Птенец не рискнул высунуться: быть может, мать сумела подать ему сигнал, во всяком случае, он отодвинулся от отверстия и скрылся в темноте; и тотчас родители взмыли ввысь и стали так грациозно кружиться над верхушками деревьев, что у меня нет слов для определения всей прелести этого полета. Даже выражение «поэзия движения» кажется мне недостаточным и избитым.

III

Все время, пока разыгрывалась драма между кошкой и ласточками, два огромных ястреба каждый день прилетали из соседней долины и около часа кружились на огромной высоте над моей фермой. Их, несомненно, привлекала стая белых кур леггорнов, бродивших в саду. Зная, что ястребы редко нападают на кур, хоть и очень любят наблюдать за ними с высоты, я не обращал внимания на этих хищников, опасных для зайцев и перепелов. Иногда я видел, как один ястреб выходил из плавного кружения и быстрой тенью скользил вниз, к ферме, но никогда я не связывал это с белой кошкой, сидящей на черной толевой крыше моей веранды.

На другой день после того, как Роз-Мари неудачно пыталась вывести своих детенышей на прогулку, я шел с гумна в дом, как вдруг в отверстии опять показалась голова молодой ласточки, и бой между ее родителями и кошкой загорелся с новой силой. «Молния» сидела над отверстием, прижавшись к черной крыше, занеся лапу, как смертоносную саблю. Внезапно что-то черное обрушилось на нее с неба с такой силой, что она оторопела. Крепкие когти глубоко вонзились ей в затылок — ястреб взмахнул крыльями и через секунду уже летел над верхушками гигантских сосен. Кошка безжизненным комком болталась у него под брюхом.

В тот же день Роз-Мари во всей пышной красоте счастливой матери вывела своих детенышей на крышу дома. Отсюда они с радостью смотрели на прекрасный новый мир, раскрывавшийся перед ними. Они поворачивали свои головки то в одну, то в другую сторону, изредка бросая взгляд в небо, а их мать щебетала так беззаботно, как будто во всем обширном мире никогда не было ни одной кошки.

★ ★ ★

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО „КОМПАС"

Известия Географического общества читателей журнала «Пионер» № 23

Дальний Восток

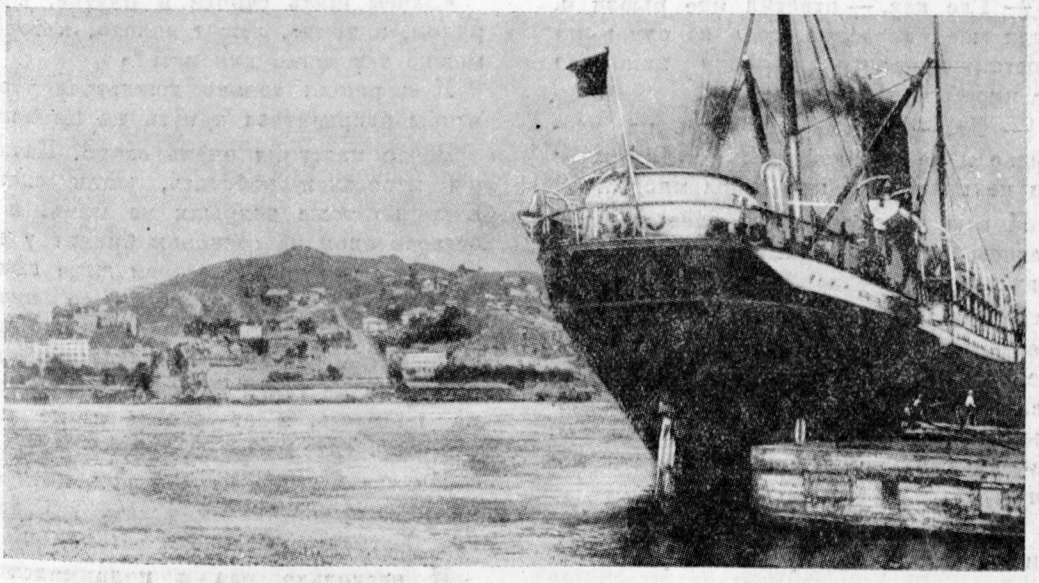
Р. Фраерман

Как долго держится в памяти и как далеко уносишь с собой запах елей и лиственниц, горький запах хвои. Уже давно покинешь Дальний Восток, уже едешь обратно, на запад, по сибирской безлесной равнине, а в сердце все еще звучит величавый шум приморской тайги, словно слышишь рядом ее ропот.

И в какие бы другие места потом ни забрасывала тебя судьба, но всегда хочется назад — к туманному Приморью, к волнистым от гор берегам широкой реки, беспрерывно бегущей на север.

Я возвращался на Дальний Восток несколько раз, и с каждым разом он все сильней привязывал к себе мое сердце.

В первый раз увидел я его давно, когда был совсем молодым, почти мальчиком. Железная дорога, свернув за Читой от Куэнги на север, начала извиваться как проселок, то кружа вокруг топких долин—марей,—то подни-



Во Владивостокский порт заходят сотни пароходов.

маясь вверх, на травянистые склоны круглых гор, то убегая в лес, тучей стоявший впереди.

Я с изумлением оглядывался вокруг. Глина на обрывах была такая же рыжая, как и у нас везде, песок бел, трава высока и густа, и в траве росли крупные серебристые ландыши. Да, все было именно так, как и везде, как и у нас на Днепре и на Волге. Меж тем я знал, что это край далекий, таинственный и богатый, и беспрерывно спрашивал своих случайных спутников:

— Где же его богатства? Покажите мне их...

Они смеялись надо мной:

— Сразу этих богатств не заметишь.

Затем через день на маленьком полустанке, сооруженном из толстых бревен кедра, я увидел рыбаков. Они продавали в ведрах красную икру. Она была крупная, прозрачная — та самая икра, какую я видел прежде только в стеклянных бочонках на прилавках дорогих магазинов. Я никогда еще ее не ел и не смел даже о ней мечтать. Но все же я спросил у рыбака, сколько она стоит.

Он предложил мне купить все ведро за рубль. Я в изумлении отступил назад.

— Ты шутишь? — сказал я. — Так дешево она не может стоить.

— Где как, — ответил мне рыбак и, видя мое удивление, взял из рук моих жестяную кружку, доверху наполнил ее икрой и протянул назад.

— На, — сказал он, — ешь на здоровье и не удивляйся. Я с тебя копейки не возьму. У нас рыбы много...

И всю дорогу я ел ее, все же удивляясь, радуясь и жестоко страдая от жажды.

Потом я услышал, как спутники мои — несколько старых старателей с Зейских приисков — говорили о золоте. Все они носили бороды, были сильны, с обветренными лицами и красными руками, привыкшими держать лопату.

Они говорили о том, как тяжело разбивать зимой шурфы[1], кострами подогревая промерзлую землю, как промывать в корыте золото и что в Охотске золото шлиховое, слабое, а здесь, на Зее, оно хорошо. Заработать на приисках можно неплохо.

— Но где же его тут добывают? — спросил я, мечтая как можно скорее накопать себе груду золота.

Они показали мне направо в окно вагона, где я увидел только черные от хвойного леса сопки, неутомимо следовавшие за нами.

— Вот, через перегон будет станция, — сказали они, — сойдешь там, паря, а оттуда восемьдесят верст по шоссе, до самых приисков дорога.

И я сошел с поезда, повесив свою сумку на спину.

Станция была тихая, каменная, со всех сторон окруженная лесом. Тонкие деревья, стоявшие у самого края платформы, касались ветвями паровоза. И когда он свистнул, выпустив пар, они вздрогнули, немного согнулись от ветра, поднятого уходившим поездом, зазвенели и замахали ему вслед вершинами.

Я остался один. Маленький поселок за станцией был тоже пуст и тих. Китаец-сапожник под дощатым навесом шил из коровьей кожи сапоги; другой китаец, портной, живший под тем же навесом, тоже работал.

И я с удивлением думал о них:

«Зачем шить сапоги и платье, если рядом, в земле, лежит золото, которое можно так легко накопать?»

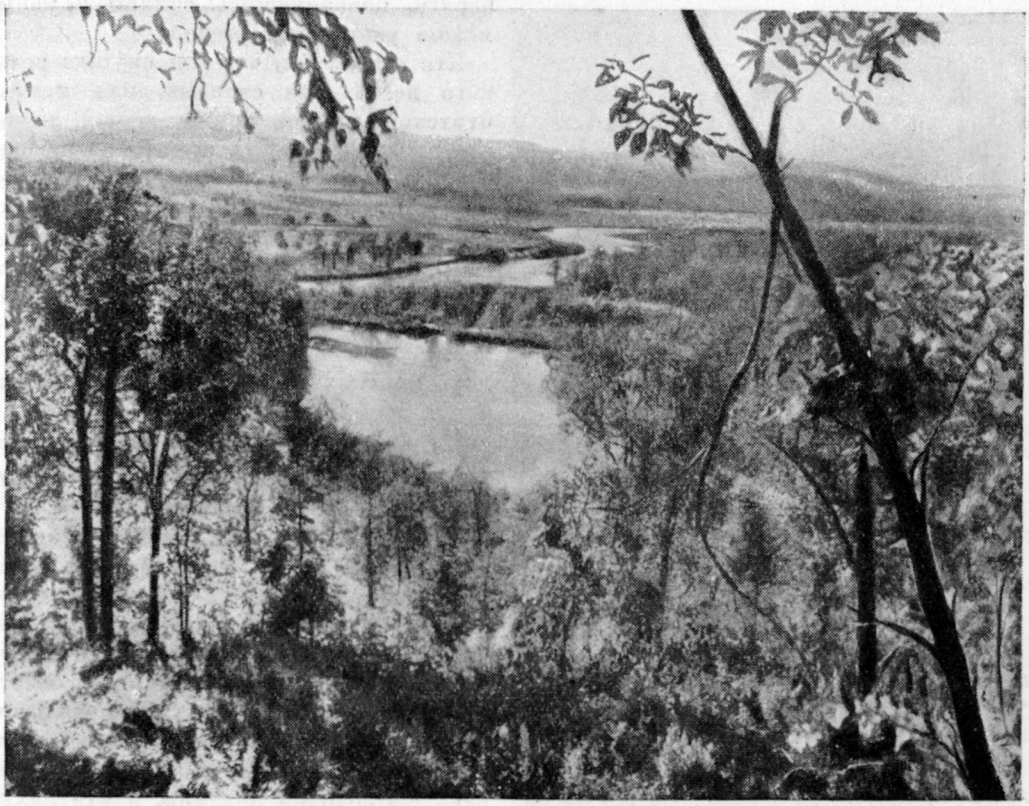
И я решил только дождаться утра, чтобы отправиться в путь на прииски.

Вечер наступил очень скоро. Китайцы перестали работать, ушли спать. Станцию тоже закрыли на ночь, и я остался один на сосновом бревне у заборчика, чувствуя на своем лице дыхание леса, стоявшего рядом со мной. Созвездия загорались медленно, только сгущая тьму под деревьями у забора. А безмолвие тайги было глубоко, словно пропасть, и от страха я не мог сомкнуть глаз.

Никуда уж мне не хотелось идти — ни копать золота, ни искать самородков. Хотелось обратно в вагон.

И несколько раз я поднимался с бревна, подходил к рельсам и рукой

[1] Квадраты земли, обнаженной от дерна.



Это тайга. На горизонте видны сопки.

касался их, желая убедиться в том, что железная дорога тут и никуда от меня не исчезла. А когда во тьме я, наконец, увидел фонари подходившего поезда, то закричал ему навстречу от радости.

В ту же ночь я уехал дальше. Но потом, спустя несколько лет, побывав в глубине самой глухой и пустынной тайги, я часто смеялся над своим прежним страхом.

Тайга! Как часто мы называем ее суровой! Она вовсе не сурова к тем, кто ее не боится и знает. Она только величественна и обширна. Тысячи, тысячи километров шагает она на север, на запад, на юг. И ничто не останавливает ее в этом беспрерывном движении: ни зыбкие мари — болота, рожденные равнинами рек Ульбана, Керана иль Немуя, ни самые эти реки, где на мелких протоках среди травы, в камышах шипят как змеи лебеди, ни глубокий Амур, ни желтая зацветшая вода Уссури, ни даже горы!

До самых краев наполняет она глубокие долины, где от вечной влаги чернеют у деревьев стволы, и снова шагает по склонам длинных хребтов. А если уж очень высоки горы и если уж трудно шагать, она начинает ползти.

Стройные сосны и кедры, синевшие внизу, в долинах, начинают здесь стлаться по камням, превращаются в ползучий кустарник, который пружинит и зыблется при каждом шаге. Но и тут, на страшной высоте, стоя на коленях перед небом, тайга не перестает кормить человека. И на кедровом стланце растут шишки, полные мелких и сладких орехов.

А выше? Выше только дикие камни — гольцы.

Так движется она на три стороны света: на север, на запад, на юг. На востоке же ей преграждает дорогу море. Только с ним одним она никогда

В тайге много дичи для охотника.

не спорит: от туманов ели осыпают свою хвою и до времени роняют шишки пихты.

Она всегда старается стать от него подальше, а то и совсем уйти, прижаться покрепче к горам. И здесь, поодаль от моря, в тишине, среди молчания, выращивает она свои кедры, столь могучие, что ни два, ни три, ни десять человек не в состоянии заставить их даже слабо вздрогнуть и сбросить на землю несколько шишек с орехами [1].

Одни только вихри, прилетающие с Желтого моря тайфуны, в силах колебать их вершины.

Но к океану тайга подходит робко, черты ее мельчают, и лишь здесь, на берегу, повернувшись спиной к морю, можно увидеть ее опушку.

Кто сказал бы, что это опушка великого леса? Над скалами, над мелкой охотской волной точно серый дымок вьются стаи морских куликов. Они свистят. И таким же свистом отвечают им другие кулики, живущие в лесу, на болотце. Густо темнеют своими прочными клейкими листьями кусты нашей волчьей ягоды, зреет черемуха, как шолк блестят под осенним солнцем ветви каменных здешних березок, и лист на ольхе и на тонкой осине уже начал понемногу желтеть.

На опушке осень.

Но в глубине она еще долго не чувствуется, особенно на юг от Амура, в долине реки Уссури. Дивен и странен этот богатый лес, самый богатый во всей дальневосточной тайге. На полянах, где свет не так затемнен листвой, вечно жужжат и хлопочут пчелы, строя ульи в дуплах черных даурских берез. Белые ясени, низкорослые уссурийские клены наполняют своим шумом овраги. Дикие груши вырастают высоко, вровень с голубыми пихтами, и эти пихты с синей хвоей так же широки, как кедры.

Меж темных стволов даурских сосен увидишь вдруг плющ, толстый как лианы, или мелкую гроздь черного винограда. Он растет здесь дико повсюду. И часто в лесу, недалеко от селения, можно внезапно услышать странный звук, будто кто-то колотит в железо. Это женщины, гурьбой отправляясь в тайгу за виноградом, громко бьют в жестяные бидоны, чтобы случайно не наткнуться на зверя.

И некоторое время этот резкий звук царит над ровным и спокойным шумом леса. Но гораздо дольше чем этот звук идет только отклик его по лесу: какая-то смутная тревога разносится далеко кругом. С китайских огородов близ самых фанз с хлопаньем поднимутся вороватые фазаны. Оставив виноград и малинники, неохотно отбегут прочь медведи, рявкнув иной раз с досады. Худой дикий кабан, пасущийся на каменистом склоне под дубками, на секунду перестанет подбирать жолуди. Кинется в речку изюбрь и переплывет

[1] Эвенки и гольды пользуются для этого тяжелыми таранами, которые раскачивают мужчины стойбища.

ее без всякой нужды. И кто знает, может быть, даже уссурийский тигр, поколебавшись немного, переменит на всякий случай лежку? А горный баран, почуяв его, как птица взнесется на самый высокий утес, и, более зоркий чем орел, до крайних пределов раздвинув горизонт, за краем гор, вдруг осененных лесами, увидит острый блеск океана.

В тайге всегда хорошо. Выпадет ли первый снег и покроет желтую траву и лежащие на земле стволы и ветви высоких кедров—хорошо. Из эвенкийских стойбищ выходят охотники следить по пороше зверя. Горностай и соболь бегают к незамерзшим ручьям напиться. А след в это время особенно ясен для ловца, добыча бывает богатой.

Хорошо и глубокой зимой, когда снегу уже много и отягощенные им ветви деревьев опускаются вниз, даже падают на землю. В эту пору поспевает для охотника белка. Шерсть ее становится голубой, длинной и прочной. И чаще чем в другое время слышится тогда в лесу свист тяжелой дроби да чмоканье удирающих зверьков. То и дело встречаются на лыжах эвенки в мягких оленьих сапогах и оленьих дошках — неутомимые охотники, веселые и отважные люди, с которыми встреча никогда нестрашна. Эвенк всегда укажет тебе верную дорогу — он сам никогда ее не теряет, — предостережет от лисьих капканов и ловушек, расставленных им на зверя, а если ты очень устал, то возьмет у тебя твою сумку и приведет к себе домой. И тут, в охотничьей палатке, у маленькой железной печурки, горящей день и ночь, жена его накормит тебя сушеным мясом или оленьим молоком, а дети попросят подарить им немного табаку. Они любят его так же, как и всякий взрослый эвенк.

Нестрашно в тайге и в сильные морозы, когда старые ели поминутно стреляют от холода и тени на снегу лежат голубые, точно драгоценные шкурки песцов. Тогда хорошо лесорубам валить лес на сплав или колоть клепки для бочек: пила легко входит в промерзшие кедры, и одним ударом тяжелого топора можно расколоть толстую лиственную колоду.

Неплохо и в легкий мороз после оттепели, когда наст на глубоком снегу хрупок и не может выдержать тяжести бегущего по лесу лося. Охотник всегда догоняет его. Тогда в эвенкийских стойбищах слышится запах вареной сохатины, а вблизи, на деревьях, сохнут сырые лосиные шкуры.

Хуже всего в тайге весной, когда медведи выходят из берлог и начинают кататься на солнце по каменным россыпям, а в лесу появляются гнус и комары. Оленьи стада сами бегут из тайги к морю, а вслед за стадами спускаются с лесистых гор и эвенки ловить в устьях рек майму, горбушу и корюшку. У моря всегда ветер. Он отгоняет гнус, и стада вольно пасутся на прибрежье.

Весна на берегу океана начинается дождями, туманной мглой. По утрам, до самого полдня, волочатся за солнцем туманы и стоят высоко. Но если туманов нет, то видно, как на южных склонах сопок красным цветом зацве-

Пионеры города Комсомольска в лагере.

тает богульник и в небе парят орлы. Скоро, значит, появятся сельдь и горбуша. Потом, ближе к лету и осени, придут с севера кета, белуха, неисчислимыми стаями приплывет с юга нежная рыбка — иваси. Рыбацкие колхозы выходят в море на лов. По гиляцким стойбищам разносится запах горячей смолы и слышится скрип точильных камней. Это гиляки на порогах своих фанз точат гарпуны [1] на нерпу.

Но пока рыбы нет, в море еще тихо. Холодно плещется вода о скалы, стучит в днища шампонок [2], катает гальку на берегу.

Но вот орлы-рыболовы начинают вдруг кружиться и падать на море, со свистом поднимаются из-за прибрежных камней черные утки и дружно летят в одну сторону, низко над самой водой боком, против ветра проносятся на острых крыльях чайки. И громкий гул вдруг поднимается над тихим морем. Стучат моторы кавасаки [3] и шхун, кричат утки, как сумасшедшие хохочут орланы.

И каждый кавасаки возвращается с моря, сверх всякой меры нагруженный рыбой.

Осень на океане тепла, туманов нет, меж тонких трав вырастает белый повейник, и ясность простирается до самых дальних гор. Ничто как будто не говорит об осени. Только листья на ползучем дубовом кустарнике вдруг начинают твердеть, чуть морщиниться. Но и они еще долго держатся на своих длинных черенках, звеня и колеблясь от малейшего ветра. Бывают очень тихие дни, такие тихие, что слышно, как в соседней бухте тикает новый консервный завод или как далеко где-то, близ заставы, проедут на грузовике красноармейцы. Иногда среди этой тишины раздается вдруг грохот, подобный обвалу, и каменная пыль заблестит под солнцем над водой. Это взорвали гору на перевале, чтобы проложить сквозь глухой лес новую дорогу. Их уже много, этих новых дорог. Извиваясь меж гор, точно реки выбегают они из самой глубины тайги и вливаются в новые города и поселки или падают на каменистое прибрежье у наших пограничных застав. Часто прогремит вдруг на дороге тяжелый танк, пронесется над ней самолет и повернет вдоль океана на север.

Куда летит он? Может быть, на дозор вдоль нерушимых границ нашего дальнего края, а может быть, просто везет почту к эвенкам в стойбища, на берег Тугурской губы.

И долго провожают его взглядом рыбаки-краболовы, только что вернувшиеся с моря. Они на секунду оставляют свои железные крючья, которыми снимают панцыри с крабов, и, подняв головы, смотрят вверх. А у ног их, между плоских камней, тихо шевелится прибой, раскачивая листья морской капусты, и в сетях ворочаются крабы, такие большие, что вряд ли два краба разойдутся даже на пустой палубе кавасаки.

[1] Гарпун — копье для охоты на нерпу — тюленя.

[2] Шампонка — рыбацкое парусное судно китайского типа.

[3] Кавасаки — рыбацкое моторное судно.

Желают переписываться и обмениваться географическими коллекциями следующие члены общества „Компас“

1. НИКОЛАЙ ТЕТЕРИЧ (Краснодарский край) с ребятами Дальнего Востока и Новосибирской области.

2. ОЛЕГ НАЗАРЕНКО (город Ромны, Черниговской области, УССР) с ребятами Урала, Камчатки, Дальнего Востока и Кольского полуострова.

3. ВЛАДИМИР БЕРГЕР (Ростов на Дону) с ребятами Украины, Белоруссии, Москвы, Средней Азии.

Письма и коллекции присылайте для пересылки этим членам «Компаса» на адрес редакции.

Бортевая береза

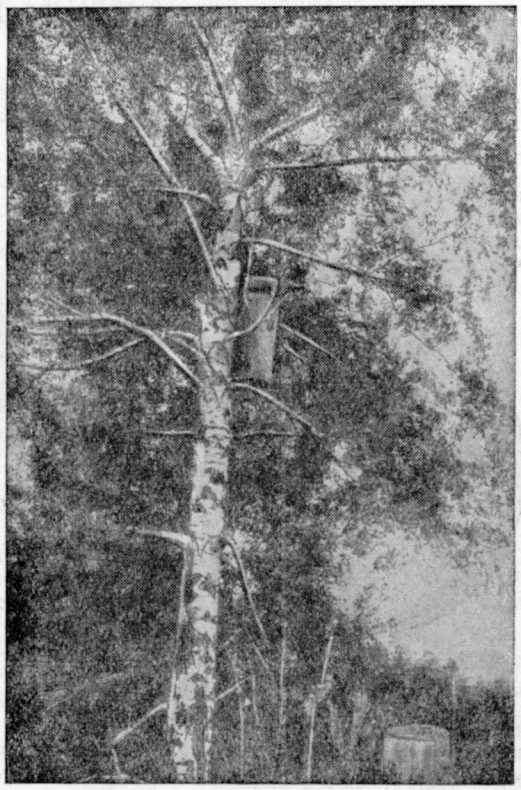
«Свежи, зелены и могучи стоят твои разнородные черные (лиственные) леса, и рои диких пчел шумно населяют нерукотворные борти твои, наполняя их душистым липовым медом».

Эти строки написаны были около ста лет тому назад певцом Башкирии—писателем С. Т. Аксаковым.

«Борти» — это дупла деревьев, в которых строят дикие пчелы свои соты. У башкир в прежнее время было очень развито бортевое пчеловодство: выбирали в лесу деревья потолще, выдалбливали их изнутри, забивали доской с дырочками, в которые могли проникнуть пчелы. Борти — живые деревья — потом заменены были бортями-колодами, которые прибивались к деревьям или ставились на земле.

Но и в наше время башкиры еще вешают в лесах на деревьях колоды-борти для того, чтобы заманить вылетевший, еще не нашедший себе «дома» молодой рой.

Бортевая береза (изображенная на фотографии) находится среди многих других на одном из шиханов (гор-одиночек) под городом Стерлитамаком.



Интересен случай, происшедший с одним из ульев на этой пасеке. Вблизи него был муравейник, и муравьи часто нападали на пчел. Сторож обсыпал ножки улья со всех сторон золой, преградив доступ маленьким хищникам.

Муравьи заползали на березу над ульем и с ее веток, низко нависших над ульем, падали на улей. И там продолжали свою охоту на пчел, ловили их, откусывали крылышки и сбрасывали вниз, на землю. Сами муравьи также бросались с крышки улья, но ни один из них не попал в кучку золы.

Когда, очевидно, пчел осталось немного, муравьи стали по крупинкам выносить из улья и мед.

С. Лялицкая

Мой план

Член нашего Географического общества Рома Рубинштейн из Ашхабада прислал в совет общества план работы по географии с октября 1938 года. Помещаем этот план. Советуем всем членам «Компаса» последавать примеру Ромы и составить планы своей географической работы на зиму.

Мой план работы

ОКТЯБРЬ — исследовать Бекровинское ущелье (4 километра от Ашхабада), взять пробы пород, начертить карту и профиль, а также сделать несколько фотоснимков.

Ознакомиться с историей западной Туркмении.

Исследовать холмы близ Ашхабада и отроги Копет-Дага (26 километров от Ашхабада).

НОЯБРЬ — составить график осадков за ноябрь.

Наблюдение за действием температуры на горные породы.

Исследование происхождения Копет-Дага.

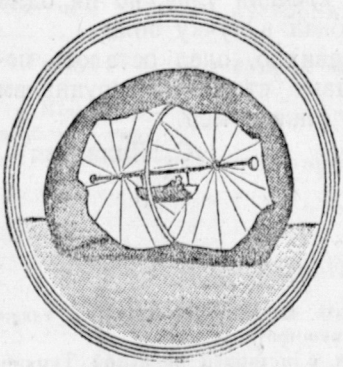
ДЕКАБРЬ — итог предыдущих работ. Описание их в дневнике и чтение книг по теории.

„Смерть дуракам“ или трагическая история одного странного „путешествия“ к Северному полюсу

В городе Чикаго, в Америке, 35 лет тому назад жил Питер Ниссен — чудак-изобретатель. Ниссену всегда хотелось сделать что-нибудь необычайное, такое, до чего не мог бы додуматься кто-нибудь другой. Однажды он об'явил, что построит особенную лодку,

Питер Ниссен.

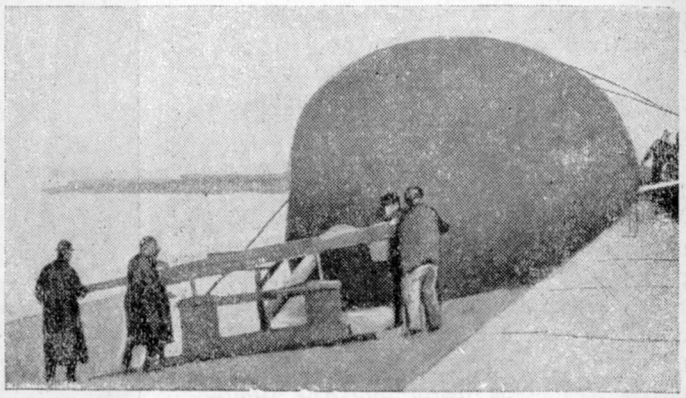
на которой можно будет переплыть через страшнейшие пороги Ниагарского водопада. Над Ниссеном стали смеяться, но он спокойно ответил, что только дураки могут ему не верить. Он на самом деле построил свою особенную лодку,



Разрез баллона Ниссена. На оси подвешен гамак.

которую назвал «Смерть дуракам», и переплыл на ней водоворот, образуемый водопадом...

О Ниссене рассказали в газетах, и он стал знаменитостью. В Чикаго на него показывали пальцами и дураки умирали с досады. Тогда Ниссен построил вторую лодку, побольше,— «Смерть дуракам» № 2 — и на этой лодке с'ехал в водоворот прямо с вершины водопада...



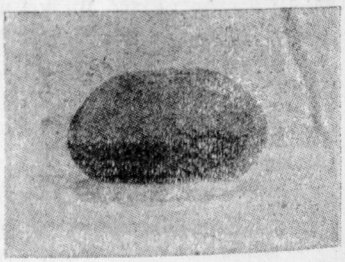
«Смерть дуракам» № 3 спускают в озеро.

Успех окрылил его. В Чикаго Ниссену стало тесно, и он решил завоевать мировую славу необычайным путешествием на Северный полюс. У него появилась идея фантастического баллона-вездехода, с легкостью одолевающего все препятствия на воде, на суше и во льдах Арктики.

Модель баллона работала замечательно хорошо. Сшитая из водонепроницаемого холста, она в надутом виде была похожа на рижскую булку, слегка сдавленную с концов. Ветер легко катил ее, и Ниссен думал, что и его большой баллон — «Смерть дуракам» № 3 так же легко покатится по ледяному полю Северного полюса, которое он, очевидно, представлял себе чем-то вроде громадной гладкой площадки для конькобежцев. Этот баллон был построен так же, как и маленький. В двойную оболочку вдувался воздух. Тросы внутри баллона, соединенные с кольцами, сквозь которые проходила металлическая ось, образовывали подобие велосипедных колес. По оси свободно скользила люлька, в которой должен был помещаться Ниссен: как бы баллон ни вращался, люлька должна была оставаться все в том же положении. Воздух поступал в баллон через специальные трубки.

Длина баллона была около 13 метров, а высота — 7 с небольшим.

Ниссен рассчитывал, что баллон его будет доставлен до кромки северных льдов на каком-нибудь судне. Там его выгрузят, надуют, и попутный ветер понесет его к полюсу. Если ветра не будет, баллон



«Смерть дуракам» № 3 плывет.

превратится в шалаш, в котором он будет отсиживаться, ожидая погоды...

Но баллон надо было еще испытать. В один прекрасный вечер его привезли на подво-

де на улицу Огайо, в Чикаго, обрывисто уходящую в озеро Мичиган. Здесь, на спуске к озеру, баллон надули. Ниссен влез в него, занял свое место в люльке и герметически закрыл створки.

— Пускайте!..

Веревки, сдерживавшие баллон, обрезали. Он легко скатился в воду и, увлекаемый ветром, быстро понесся по озеру. Через несколько минут его уже не было видно.

Сотни зрителей пришли посмотреть на опыт Ниссена, но ни один человек не последовал за ним в лодке. Ниссен думал, что через два часа он будет на другом берегу и что проводы излишни...

Нашли Ниссена лишь на третий день утром на противоположном Чикаго берегу, недалеко от города Стивендаля.

Он был мертв. Тело его заливали волны. Как оказалось, в баллоне оборвалась воздушная проводка. Ниссен начал задыхаться. Когда баллон выбросило, наконец, на берег, он с трудом выбрался из него, но, потеряв сознание, упал. Волны залили его, и Ниссен захлебнулся.

Рядом с ним на берегу мокрой серой массой лежал баллон.

Г. Н.

ДВЕ РЕКИ

В № 21 Известий „Компаса" было напечатано задание „Как узнать историю реки". Многие члены общества прислали ответы на это задание. Помещаем ниже два ответа и отзыв о них тов. Дурденевской.

Курджипс

Речка Курджипс — левый приток реки Белой. На большинстве карт ее не найдешь, так как она не очень большая. Протекает Курджипс в живописных местах. Один берег у нее высок и блестит грунтовой водой, если есть водонепроницаемый слой. Другой берег низкий, он порос деревьями и состоит из речных наносов. Дальше он поднимается, и на нем идут такие же поля, как на другом берегу. Речка имеет много извилин. Курджипс когда-то протекал около горы, а теперь протекает километра за два, два с половиной от нее. Сохранились прежние русла речки, и они такие же извилистые, как и настоящее русло. Ближе к горе расположены более древние русла, а далее — более поздние русла. В некоторых, более поздних руслах есть вода и растут водные растения, а по прежним, обрывистым берегам растут деревья.

Речка течет тихо и только на перекатах, где такая же ширина, но глубина всего 25—35 сантиметров, течет быстро. Перекаты встречаются часто, и вследствие мелководья и быстроты течения на перекатах по Курджипсу невозможно ездить на лодках и сплавлять лес.

Иногда большое бревно, снесенное где-нибудь во время половодья, застревает на перекатах около берега и постепенно заносится илом. Мелкие бревна останавливаются около таких естественных преград и образуют скопище бревен.

Площадь поперечного сечения речки равна 15 квадратным метрам. Расход воды в одну секунду равен 5 кубическим метрам (5 июля).

Вячеслав Врублевский

город Майкоп.

Лаба

Около станицы Мостовой река Лаба бешено мчится, ударяясь об обрывистый берег. Она отламывает породу кусок за куском. Берег с шумом падает в воду. Лаба подбирается все ближе и ближе к станице. В этом месте берег отваливается, в другом месте Лаба откладывает наносы, загораживая себе путь, и снова ей приходится прорывать для себя новое русло. Она каждый год меняет свое русло. Река Лаба очень быстро и неожиданно прибавляется: где-то, далеко в горах, выпал дождь — и она, мутная, красная от глины, с вздувшимися волнами, мчится к реке Кубани. Скорость ее течения — 2,4 метра в секунду.

Лаба служит для сплава леса. Летом сплавляются доски, осенью — брусья — толстые круглые бревна толщиной в

½ — 1 метр. Тогда мы еще купаемся в Лабе и любим прокатиться на брусе вниз по течению.

С расширением русла реки Лабы у нас не борются, и настанет время, когда река Лаба доберется вплоть до домов.

Николай Тетерич

Село Мостовое, Краснодарского края

* * *

Коля Тетерич и Слава Врублевский прислали помещенные выше описания рек Лабы и Курджипса, стекающих с Кавказского хребта и впадающих в реку Кубань. Оба члена «Компаса» отмечают, что реки постоянно меняют свое русло: заносят старое галькой и песком и роют новое. Отчего это происходит? Почему река не доносит осадков до моря, а отлагает их по дороге?

Дело в следующем: река переносит материал различной крупности в зависимости от скорости течения.

Скорость течения реки	Переносимый осадок	Диаметр частиц
0,15 метра в сек. . . .	Крупный ил	0,04 сантим.
0,20 „ „ „ . . .	Мелкий песок	0,07 „
0,30 „ „ „ . . .	Крупный песок	0,17 „
0,40 „ „ „ . . .	Мелкие гальки	0,92 „

В горах реки текут быстро и могут переносить крупную гальку. При выходе из гор в степь они попадают на равнину, течение их сразу становится медленнее, и все слишком крупные камни оседают. Русло реки загромождается, но река, конечно, не перестает течь, и вода все прибывает. Наконец, река выходит из берегов и прокладывает себе новый путь. Потом загромождает этот новый путь и выбирает третий. Так и путешествуют реки у подножия гор, засыпая равнину своими осадками. Для народного хозяйства такие реки нередко являются настоящим бичом. При внезапных переменах русла (обычно во время дождей) они могут производить опустошительные наводнения, смывать целые селения, засыпать галькой возделанные поля.

Особенно знаменита такого рода «подвигами» Хуанхе, китайская Желтая река, которую население ближайших провинций выразительно называет «Горе Китая».

Реки, описанные Тетеричем и Врублевским, несравненно менее «вредны», но и они доставляют достаточно хлопот: Лаба подобралась к самому селению и подмывает его, а Курджипс заносит илом случайно застрявшие на мели бревна и тем устраивает преграды для сплава леса.

Урегулировать такие реки чрезвычайно трудно, потому что они быстро заносят своими осадками все сооружения, построенные для этой цели (водохранилища, каналы, плотины), и снова начинают блуждать.

М. Дурденевская

По-русски, а непонятно

«Вертуны лежат по обе стороны от поровнилища, удалены от него на 23 с половиной ступени по полуденницам и, следовательно, отстоят каждый на 66 с половиной ступеней от круговращалищ медвежьего и противомедвежьего».

На первый взгляд эта фраза непонятна, потому что мы привыкли часто применять иностранные слова, не вдумываясь в значение этих слов, в их точный перевод на родной язык. Вот если эту непонятную фразу сказать так:

«Тропики лежат по обе стороны от экватора, удалены от него на 23 с половиной градуса по меридианам и, следовательно, отстоят каждый на 66 с половиной градусов от полюсов арктического и антарктического», то вам станет ясно, о чем идет речь. А это только потому, что мы знаем слово тропик, например, а точного перевода его на русский язык не знаем.

Приводим значение некоторых географических терминов:

1. Полюс — от греческого слова «полейн» — вращаться (отсюда круговращалища).

2. Экватор — от латинского слова «aequare» — равнять.

3. Тропик — от греческого «тропикос»—вертящийся (отсюда вертуны).

4. Меридиан — от латинского «meridies» — полдень.

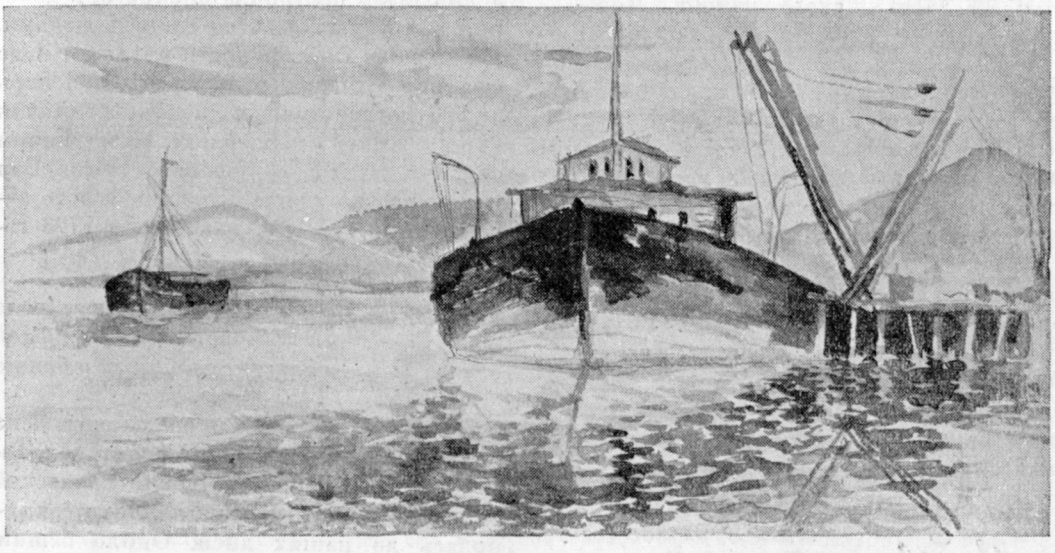
5. Арктика — от греческого слова «арктос» — медведица. Созвездия «Большая медведица» и «Малая медведица» находятся над полюсом, причем «Полярная звезда», находящаяся в хвосте «Малой медведицы», приходится почти точно над Северным полюсом.

6. Анти — по-гречески против. Антарктика — противомедведица.

С. Жилин

На реке Ниве

Член нашего общества Юра Коринец был на Кольском полуострове и привез оттуда много интересных зарисовок виденного им. Три из них помещаем на этой странице.



Это Кандалакшский залив, на берегу которого, у впадения реки Нивы, раскинулся города Кандалакша. С севера Кандалакша граничит с высокими горами. Иногда, когда тучи спускаются совсем низко, они закрывают собою верхушки гор. Но самое красивое место — это залив, особенно же во время «белых ночей». Солнце тогда не заходит, а стоит на горизонте. Здесь я зарисовал уголок залива и пристань, на которой выгружают соль.

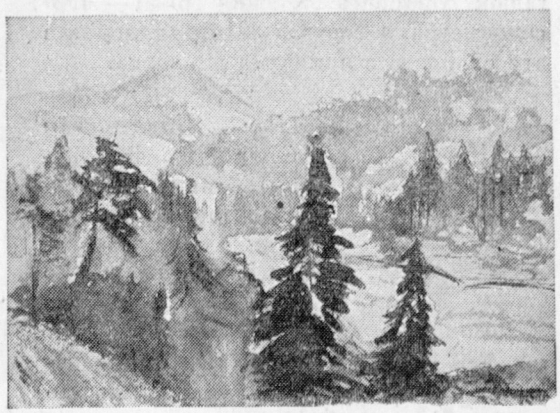
✪

Поморы-колхозники, живущие в живописной деревеньке, у самого впадения в залив реки Нивы, занимаются ловлей семги, сельди и трески. Семгу они ловят в устье Нивы неводом, а сельд и треску — в море. Здесь я зарисовал выгрузку семги на берегу залива. На этот раз в невод попало 25 крупных семг, это хороший улов, но бывает и больше.

✪

Вся седая от белой пены, окруженная со всех сторон высокими горами и трудно проходимым лесом, Нива яростно мчится по гранитным порогам, наполняя воздух своим упорным монотонным шумом. В этой реке очень много семги и кумжи.

На Ниве уже работает самая сильная на севере Карелии электростанция Нива-2. Эта электростанция питает током Кандалакшу (город на берегу Нивы у ее впадения в море), предприятия городов Кировска и Мончегорска.



Фонд Географического общества.

Леонид Кулебакин (село Богат, Беловского района, Новосибирской области) рассказывает об экскурсии на гору Кучум. По преданию, в ней похоронен татарский хан Кучум. Под руководством преподавателя истории ребята раскопали небольшой курган и нашли в нем обломки горшка. Учитель об'яснил, что, судя по орнаменту, это татарский горшок. В такие горшки наливали смолу и при осаде городов поливали ею осаждающих. Вокруг горы сохранился ров. Вся гора, очевидно, была крепостью, а внутри ее были землянки. При раскопках мы нашли много древесного угля, оставшегося от выжигания смолы.

Митя Бурлаков (село Преслов, Коларовского района, Днепропетровской области) обследовал реку Обиточную, которая впадает в Азовское море. Берега реки заросли камышом в 1½—2 метра вышиной, в котором живет много птиц и зверей.

Недалеко от гирла Обиточной есть Когайская коса, где расположен заповедник, и иногда в камыши оттуда прилетают незнакомые птицы. В реке много рыбы и раков, но ловить их надо осторожно, потому что в камышах много гадюк. Скорость течения реки — 4,40 сантиметра в секунду. Митя подсчитал эту скорость с помощью поплавка.

Рая Пивенштейн (город Бар, Винницкой области) прислала историю своего города. Город образовался из маленького села Ров. Это село принадлежало Польше. Его купила у короля дочь миланского герцога—Бона—и переименовала его в Бар (в честь своего поместья в Италии — Бари). Бона для защиты от нападения татар построила крепость, в которой она укрывалась со своими людьми. Развалины этой крепости остались и до сих пор. В этих развалинах и теперь видны отверстия, в которых стояли пушки. Через несколько лет Баром овладел гетман Дорошенко. После Бар переходит во власть Польши, а потом— под власть турок и, наконец, в 1793 году — к России.

Петя Васильев (село Шаламово, Челябинской области) сообщает о башне Тамерлана.

Эта башня расположена неподалеку от станции Тамерлан, Южно-Уральской железной дороги. Башня неплохо сохранилась до наших дней. Около башни в 1889 году производились раскопки и найдены золотые и серебряные вещи, относящиеся к XIV веку. По легендам, башню построил знаменитый монгольский завоеватель Тамерлан (Тимур) в память гибели на этом месте его любимой дочери.

Геня Батурин (село Андреевка, Башкирия) прислал план старинной крепости. Он пишет:

— В трех километрах от села Медведево находятся остатки крепости, построенной во времена Пугачева, но, по народным преданиям, она построена еще раньше, до времен Ивана Грозного. Километрах в восьми от этой крепости, около деревни Мушты, по другую сторону реки Белой есть еще такая же крепость. Вероятнее всего, эти крепости были обнесены частоколом. Гражданин из села Медведева говорит, что эти крепости были станами двух ханов, расположенными один по эту сторону реки Белой, другой — по другую сторону. Я думаю, что это было во времена, когда люди, жившие здесь, занимались скотоводством.

Спартаковцы выиграли „дубль“

Дважды в этом году мастера московского «Спартака» доказали, что они лучшие футболисты страны. Сперва они выиграли «кубок СССР» по футболу. Потом завоевали звание всесоюзного чемпиона по футболу. Это называется «взять дубль».

По правилам игр на кубок, проигравшая команда выбывает из состязания. Московские спартаковцы не проиграли ни одной встречи и 14 сентября выиграли последний, решительный матч у ленинградского «Электрика» со счетом 3 : 2.

Восемьдесят тысяч зрителей с волнением следили за мастерской игрой команд. Мячу не давали покоя ни на земле, ни в воздухе. На снимке видно, как ловко достает головой высокий мяч мастер «Спартака» Леута.

В играх на первенство СССР, где каждая команда встречается со всеми другими, спартаковцы набрали самое большое число очков и заняли первое место. Один из решающих матчей состоялся 24 сентября в Тбилиси. Московские спартаковцы победили сильную местную команду «Динамо» со счетом 6 : 1. Немало пришлось поработать спартаковскому вратарю Жмелькову... Смотрите, как ринулся он на мяч, сильно пущенный динамовцем Бердзенишвили. Защитник «Спартака» Сокопов спешит прикрыть своего вратаря.

Л. Кассиль.

Старик Хоттабыч

Л. Лагин

Рис. К. Ротова

Девятнадцать баранов

Собственно говоря, ничего особенного в парикмахерской не произошло...

Когда раз'яренный Хоттабыч начал свою гневную речь и еще только собирался махнуть руками, волькин парикмахер пришел в восторг и, задыхаясь от смеха, еле выговорил:

— Это еще что за чучело гороховое?!

— Ха, ха, ха! Хо, хо, хо! Хи, хи, хи,— грохнула тотчас вся парикмахерская.— Ой, батюшки, уморил! Театр, чистый театр! Нет, вы на старичка-то посмотрите! Ай да старичок! Ловко выкомаривает!

— Очередь! — провозгласил между тем парикмахер, стараясь перекричать веселый шум в зале. Он вытер бритву, положил ее в выдвижной ящичек трюмо, обернулся к клиентам и внезапно ослабевшим голосом простонал:

— Ой, мама!

В парикмахерской «Фигаро здесь № 1» произошло нечто неслыханное, похожее на дурной сон: остальные мастера и все посетители, кроме старика Хоттабыча и Вольки, меньше чем в полминуты превратились в баранов.

— Ой, мамочки, что же это такое? — хотел было прошептать парикмахер-остряк, но изо рта у него на этот раз вылетели не членораздельные слова, а протяжное и пронзительное «м-э-э-э-э».

Он испуганно посмотрелся в зеркало и вместо своей привычной, ядовито ухмылявшейся физиономии с гладко прилизанной шевелюрой увидел на редкость глупую баранью морду. Тогда он горько заплакал, стал на все свои новые четыре ноги и, цокая копытцами, выбежал вместе с остальными восемнадцатью баранами из парикмахерской.

На улице два из них немедленно встали в очередь за вечерней газетой. Пять других баранов, толкая друг друга, попытались было по старой памяти вскочить на ходу в трамвай. Остальные беспомощно сбились в кучу и жалобно блеяли.

Вскоре к ним присоединились два барана, которых с позором изгнали из очереди, и пять баранов, так и не попавших в трамвай.

Печально блеявшее стадо сразу застопорило все уличное движение. Возмущенно загудели сирены автобусов и троллейбусов, настойчиво задребезжали трамвайные звонки, пронзительно зазвучали свистки милиционеров. Водители автомашин, высунувшись из своих кабинок, очень нелестно отзывались о внезапно появившемся стаде и его неизвестных хозяевах. Экстренно выбежали из ворот домов дворники в белых передниках и с метлами в руках.

Что это за бараны, откуда они так неожиданно появились на этой оживленной улице? Чьи они? Никто не мог дать ответа на этот вопрос.

Неизвестно, сколько продолжался бы этот ералаш, если бы в это время случайно не проходил мимо отец волькиного приятеля Сережи Кружкина — Александр Никитич, сотрудник Научно-исследовательского института овцеводства. Это был, пожалуй, единственный из взрослых прохожих, который пришел в восторг от этого стада.

— Вот это бараны! — воскликнул он с искренним восхищением.— Прелесть, какие бараны! Товарищ милиционер, чьи это бараны?

Милиционер в ответ только растерянно развел руками, и тогда Александру Никитичу пришла в голову дерзкая и не совсем порядочная мысль. Он решил добиться возможности изучить эту неизвестную ему баранью породу, хотя бы при помощи сознательной лжи.

— Позвольте, позвольте,— сказал он, как бы припоминая что-то.— Позвольте, да ведь это, кажется, подопытные бараны, убежавшие сегодня из нашего института! Ну, конечно! Я узнаю вот этого молоденького барашка, я веду над ним наблюдения

Печально блеявшее стадо сразу застопорило все уличное движение.

уже не первый месяц. (Как мы увидим впоследствии, Александр Никитич, сам не зная того, не врал насчет этого барашка.)

Стадо дружно заблеяло. Бараны хотели сказать, что ничего подобного, что они вовсе не подопытные бараны, что они вообще не бараны и что только несколько минут, как они перестали быть людьми, но из их широко раскрытых ртов вылетало только печальное, душераздирающее «м-э-э-э-э».

Они попытались удрать подальше от бессовестно вравшего Александра Никитича, и только молоденький барашек, о котором только что шла речь, по глупости, очевидно, и по неопытности суматошно прыгал вокруг Александра Никитича и все порывался встать на задние ноги, а передними обнять его за шею.

Но так как все они блеяли точь-в-точь как обыкновенные бараны, милиционер весьма довольный, что нашелся хозяин этого приблудного стада, отрядил двух дворников, которые и погнали девятнадцать горемычных баранов в чистый, высокий и светлый хлев Научно-исследовательского института овцеводства.

Любые другие бараны были бы в восторге от этого комфортабельного помещения, от обильного и разнообразного корма, от чистой и вкусной водопроводной воды в чудесных, просторных корытах. Но наши бараны всеми доступными в их теперешнем положении способами выражали свой протест и негодование. А что может быть нелепей негодующего барана! Они шумели, метались по хлеву, бодали своими недавно приобретенными рогами железные двери и друг друга, нарочно влезали в корыто с водой и топали копытами, разбрызгивая воду во все стороны. Принесенный им корм они раскидали по всему хлеву, и в глазах их в это время проглядывало какое-то глупое и бессмысленное удовлетворение.

Что касается Александра Никитича, то он наблюдал за поведением баранов спокойно, с большим интересом, что-то прикидывая в уме. Очевидно, он обдумывал какие-то свои планы, связанные с новыми обитателями институтского хлева, потому что один раз у него вырвалась фраза:

— М-да! Одного из них придется, пожалуй, зарезать, чтобы проверить качество мяса...

Услышав эти слова, бараны пришли в такое буйное состояние, что институтским служащим только с большим трудом удалось приковать их цепочками за ноги к загородкам.

В городе уже давно загорелись яркие, веселые огни фонарей, чудесная ночная прохлада опустилась на раскаленный асфальт мостовой, а Александр Никитич все еще оставался в хлеву и никак не мог налюбоваться девятнадцатью баранами. А те в свою очередь смотрели на него то ненавидящими, то невыразимо грустными глазами. Отдельные бараны плакали.

Было чем любоваться ученому овцеводу. Это были превосходные бараны какой-то неведомой породы. И в этом нет ничего удивительного. Ибо ясно, что Гассан Абдуррахман Ибн Хоттаб мог превратить несчастных мастеров и посетителей парикмахерской «Фигаро здесь № 1» в баранов только той породы, с которой он встречался до своего рокового столкновения с Сулейманом Ибн Даудом.

Кружкин-старший покинул помещение института поздно ночью, решив посвятить своей счастливой находке большую полную сенсационных описаний статью в журнале «Прогрессивное овцеводство».

Полный самых приятных мыслей, он отпер двери своей квартиры. Навстречу ему вышла его жена Татьяна Ивановна.

— Знаешь, Танюша,— начал Александр Никитич с воодушевлением и вдруг заметил, что у жены заплаканное лицо.— В чем дело, Татьяна?

— Шура,— сказала Татьяна Ивановна, и слезы покатились по ее лицу,— Сереженька... наш Сережа...

Одним словом, Сережа Кружкин, как ушел в школу в 11 часов утра, так до сих пор домой и не возвращался.

Вдвоем в парикмахерской

— Не плохо сработано, а?—горделиво спросил старик Хоттабыч, с удовлетворением поглядывая на выбегавших из парикмахерской баранов.— Да позволено будет мне по этому случаю признаться тебе, о прелестный Волька Ибн Алеша, я не сразу решил, что мне делать с этими ничтожными остряками. И я с нетерпением ожидал поэтому, когда брадобрей закончит бритье твоей бороды, чтобы узнать, какой приговор ты им вынесешь. Но каюсь, о драгоценнейший из отроков, я не

стерпел обрушившихся на тебя унижений, и колданул на свой страх и риск. Поверишь ли, мне стыдно вспомнить, что я собирался сделать сначала: я хотел поразить их громом с неба. А ведь это каждый паршивый ифрит может сделать.

Старик явно напрашивался на комплименты.

Но Волька, у которого от всего виденного мороз подирал по коже, нашел все-таки в себе мужество, чтобы вступиться за науку.

— Удар грома,— сказал Волька, щелкая зубами,— никого поразить не может. Поражает людей разряд атмосферного электричества — молния. А гром не поражает. Гром — это звук.

— Не знаю,— отрезал обиженный Хоттабыч, но тут же миролюбиво прибавил: — Не могу без смеха вспомнить, как эти люди превращались в баранов. Это было очень забавно, не правда ли?

Волька не хотел огорчать старика и промычал в ответ что-то неопределенное. По совести говоря, он не находил в происшедшем ничего забавного. Его страшила судьба новоявленных баранов. Их свободно могли зарезать на мясо. Их могло раздавить автобусом. Вообще с ними могли случиться самые разнообразные неприятности. Нельзя, однако, сказать, что Волька был целиком на стороне заколдованных насмешников. Наоборот, ему доставило бы искреннее удовольствие досадить им чем-нибудь. Можно было бы, например, поместить про них фельетон или ядовитую заметку в «Пионерской правде» или в «Крокодиле», не упоминая, конечно, про бороду. Можно было, наконец, публично назвать их баранами. Но превращать людей в баранов — это уже слишком.

И Волька окинул грустным взором опустевшую парикмахерскую: еще дымилась на полу намоченная в кипятке салфетка, которую несчастный мастер собирался приложить ввиде компресса к выбритым щекам не менее несчастного клиента; вокруг кресел валялись в беспорядке ножницы, бритвы, кисти для бритья, машинки для стрижки волос; в мыльницах медленно подсыхала пышно взбитая мыльная пена.

— Знаешь ли ты, о прелестный зрачок моего глаза,—выкрикивал между тем Хоттабыч, продолжая петушиться,— я давно уже не колдовал с таким удовольствием! С тех пор, как не то две с половиной, не то две тысячи лет тому назад я превратил одного багдадского судью-взяточника в медную ступку моего знакомого аптекаря. Аптекарь молотил по нему пестиком с самого восхода солнца до полуночи и толок в нем нарочно только самые горькие и противные снадобья. Не правда ли, здорово, а?

— Очень здорово, Гассан Абдуррахман Ибн Хоттаб, прямо замечательно!—на сей раз Волька говорил совершенно искренно.

— Я так и знал, что тебе это понравится,— сказал с достоинством старик и добавил:— Ну, а теперь пойдем прочь подальше от этой отвратительной цирюльни.

И потащил Вольку к выходу.

— А касса?! А инструменты?! А мебель?! — воскликнул мальчик упираясь.

Старик обиделся:

— Я был бы безмерно счастлив, если бы понял твои восклицания, но я —увы!— бессилен их понять. Не хочешь ли ты предложить мне, старому джину Гассану Абдуррахману Ибн Хоттабу, украсть эти кресла и бритвы? Только прикажи мне, твоему недостойному слуге, и у тебя будет сколько угодно роскошнейших кресел, и мыльниц, и ножниц, и бритвенных приборов, которыми не пренебрег бы и сам Сулейман Ибн Дауд, да будет мир с ними обоими.

— Да нет же,— сказал тогда с досадой Волька.— Я не хочу ничего красть и тем более не хочу требовать этого от тебя. Совсем наоборот, я боюсь, что мы уйдем, а парикмахерскую обворуют.

—И пусть обворуют,— жестко ответил Хоттабыч,— так этим смешливым бездельникам и надо.

— Фу ты, чепуха какая! — вконец возмутился тогда Волька.— Парикмахерская ведь не частная, парикмахерская ведь государственная, старая ты балда!

— Да позволено будет мне узнать, что ты, о бриллиант моей души, понимаешь под этим неизвестным мне словом — «балда»? — осведомился с любопытством старик Хоттабыч.

Волька от смущения покраснел как вареный рак:

— Понимаешь ли, как тебе сказать, м-э... э-э... ну, в общем слово «балда» означает «мудрец».

Тогда Хоттабыч запомнил это слово, чтобы при случае блеснуть им в разговоре.

Между тем было совершенно ясно, что старику никак не понять разницы между государственным и частным секторами народного хозяйства. Поэтому Волька, махнув рукой на грозивший затянуться принципиальный спор, решительно защелкнул дверь парикмахерской на английский замок, предварительно заперев кассу и убрав на место валявшиеся инструменты. А в окошке он повесил первую попавшуюся под руки табличку. На табличке было написано:

ЗАКРЫТО НА УЧЕТ

Беспокойная ночь

Как раз в это время стадо баранов, подгоняемое озабоченными дворниками, потянулось по направлению к Научно-исследовательскому институту овцеводства. Уличная пробка немедленно стала рассасываться, и добрая сотня автобусов, грузовиков, легковых машин, трамваев и троллейбусов сразу тронулась с места. Снова зажглись притушенные фары, сердито зафыркали и запыхтели моторы, загудели сирены, раздраженно задребезжали звонки.

Гассан Абдуррахман Ибн Хоттаб страшно изменился в лице и громко возопил:

— О горе мне, слабому и несчастному джину! Джирджис — могучий и беспощадный царь шайтанов и ифритов — не забыл нашей старинной вражды! И вот он наслал на меня страшнейших из своих чудовищ!

С этими словами он стремительно отделился от тротуара, уже где-то высоко, на уровне третьего или четвертого этажа, снял свою соломенную шляпу, помахал ею Вольке и медленно растаял в воздухе, крикнув на прощанье:

— Я постараюсь разыскать тебя, о Волька Ибн Алеша! Пока!

Между нами говоря, Волька даже обрадовался исчезновению старика. Было не до него. У Вольки буквально подкашивались ноги при одной мысли, что ему сейчас предстояло возвращение домой.

В самом деле, попробуйте поставить себя на его место. Человек ушел из дому для того, чтобы сдать испытания по географии, посетить кино и к половине седьмого вечера вернуться домой обедать. Вместо этого он возвращается домой почти в полночь, позорно провалившись на испытаниях, и, что самое ужасное, с явно бритыми щеками! Это в тринадцать-то лет! Может быть, кто-нибудь другой и придумал бы, как с честью выйти из этого прискорбного положения, что же касается Владимира Алексеевича Костылькова, то он такого выхода не мог найти и так и поплелся, ничего не придумав, домой.

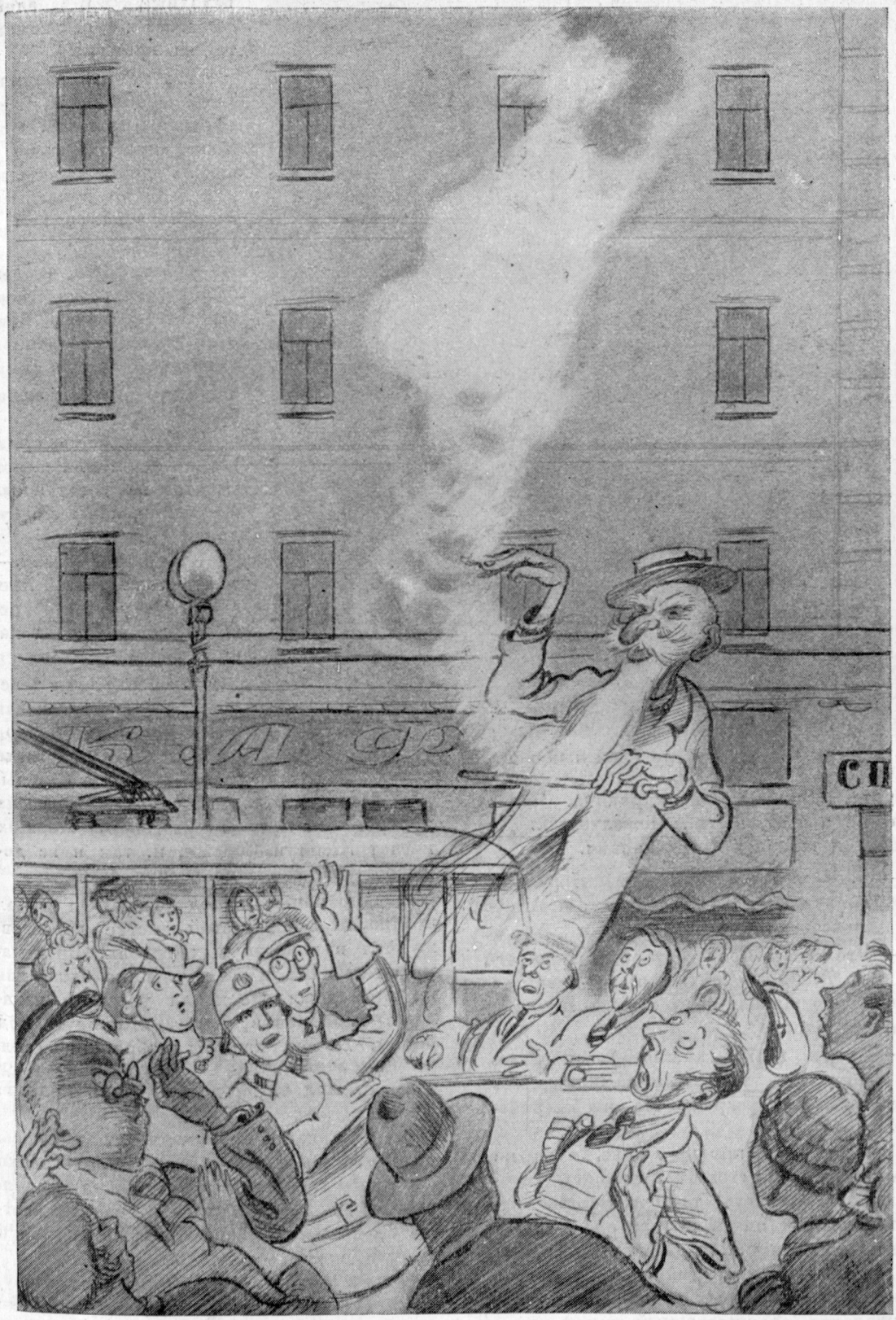
На новой квартире дым стоял коромыслом. Мебель была еще расставлена кое-как, на диване лежала куча всякой одежды, которая почему-то никак не влезала в шкаф. Бабушка стряпала вместе с матерью ужин для отца, который только недавно вернулся с работы и с места в карьер принялся вколачивать в стенки гвозди для портретов. Словом, у взрослых было столько забот, что они не имели никакой возможности присматриваться к тому, как выглядят волькины щеки. Наспех отругав его за полунощничанье, они вновь занялись своими делами. А Волька, которому пережитое за день основательно отшибло апетит, отказался от ужина и, сказавшись усталым, завалился спать.

Он лежал один в своей темной комнате. Время от времени он щупал рукой свои бритые щеки и горестно стонал. А в это время было слышно, как за стеной отец, развесив, наконец, портреты, начал распаковывать ящики с книгами. Потом донеслись голоса бабушки и матери, звон посуды, ножей и вилок, прекратился стук молотка и скрежет открываемых ящиков: родители сели ужинать.

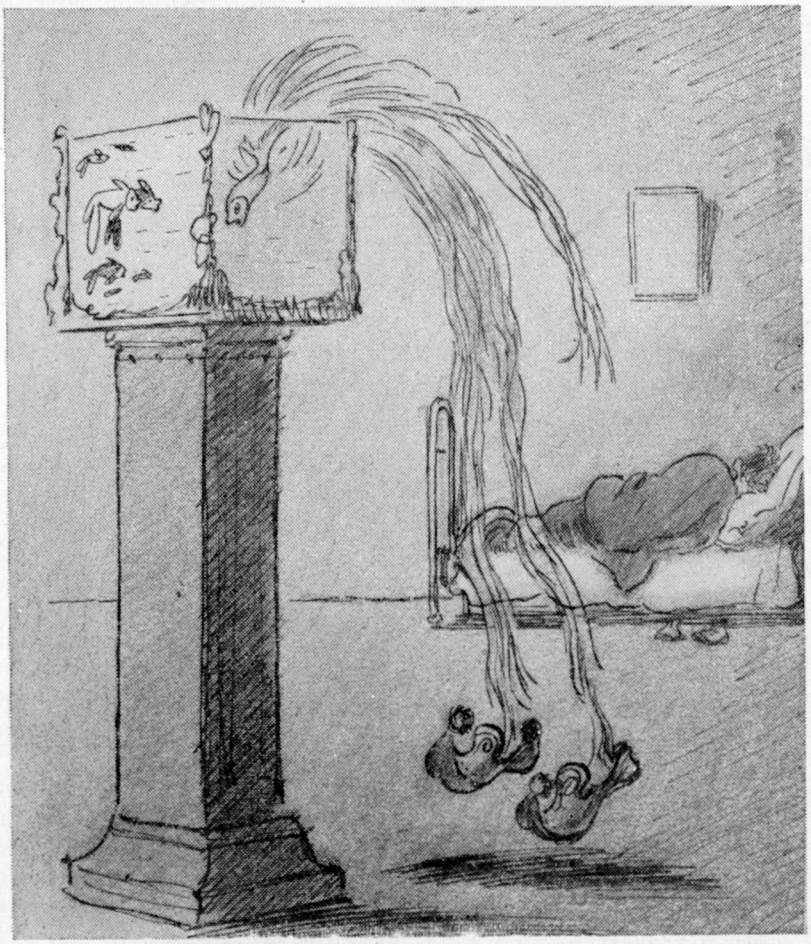
— Воля,— крикнула сыну мать из столовой,— может быть, все-таки придешь поужинать?

— Нет, мамочка, мне что-то не хочется,— ответил Волька и вдруг почувствовал, что ему очень хочется кушать. Он ворочался с боку на бок, пока в квартире не погасили свет и не затихли разговоры. Прождав еще некоторое время и убедившись, что старшие действительно уснули, он осторожно слез с кровати, босиком на цыпочках прокрался по комнате и приоткрыл дверь в столовую. Вдруг зазвонил телефон, и Волька опрометью бросился в свою комнату.

— Да, это я,— донесся в это время заспанный голос Алексея Алексеевича, подошедшего к телефону.— Да... Здрав-



Хоттабыч стремительно отделился от тротуара и медленно растаял в воздухе.



Раздался еле слышный всплеск воды.

ствуйте, Николай Никандрович... Что?.. Нет, нету... Да, дома... Пожалуйста... До свиданья, Николай Никандрович.

— Кто это звонил? — заинтересовалась волькина мать из спальни, и Алексей Алексеевич ответил:

— Это отец Жени Богорада. Волнуется, что Женя до сих пор не вернулся домой. Спрашивал: не у нас ли Женя, и дома ли Волька?

— В мои годы,— вмешалась в разговор бабушка,— так поздно возвращались домой только гусары... Но чтобы ребенок!..

Минут десять прошло, пока, судя по всем признакам, старшие, наконец, уснули, и тогда Волька с теми же мерами предосторожности опять отправился в свою тайную экспедицию за с'естным. На этот раз он благополучно добрался до самого буфета и уже раскрыл дверцу, когда снова раздался оглушительный телефонный звонок. И снова Волька вынужден был, голодный и злой, скрыться в своей комнате, на кровати.

На этот раз звонила Татьяна Ивановна, мать Сережи Кружкина. Она тоже справлялась, не у них ли засиделся ее сын и нельзя ли в крайнем случае узнать о нем у Вольки.

— Попробую, — любезно согласился Алексей Алексеевич и, приоткрыв дверь волькиной комнаты, окликнул сына.

Но тут вмешалась бабушка:

— Как тебе не стыдно, Алеша! Ребенок смертельно устал после экзаменов, а ты его будишь!

— Хорош ребенок,— проворчал Алексей Алексеевич,— у этого ребенка скоро борода начнет расти.

И он вернулся к телефону, не подозревая даже, насколько близок он был к истине, когда говорил насчет бороды.

Долго, очень долго Волька ждал, когда прекратятся, наконец, разговоры старших насчет Жени и Сережи, и, так и не дождавшись, незаметно заснул сам.

Поздно ночью пошел дождь. Он стучал в окна, шумел в густой листве деревьев, журчал в водосточных трубах. Временами он затихал, и тогда слышно было, как крупные дождевые капли увесисто падали с карнизов в бочку, стоявшую под окном. Потом, как бы набравшись сил, дождь снова начинал лить сплошными потоками. Под такой дождь очень приятно спать.

К утру, когда небо почти прояснилось, кто-то осторожно тронул нашего крепко спавшего героя за плечо. Волька продолжал спать. Не проснулся он и тогда, когда его попытались разбудить во второй и третий раз.

Тогда тот, кто тщетно пытался разбудить Вольку, печально вздохнул, что-то пробормотал себе под нос и, шаркая туфлями, направился в тот уголок комнаты,

где на особой тумбочке стоял волькин аквариум с золотыми рыбками. Затем раздался еле слышный всплеск воды, и снова воцарилась полная тишина.

Не менее беспокойное утро

Утро наступило чудесное, солнечное. В палисаднике за окном весело чирикали воробьи.

В половине седьмого бабушка, тихо приоткрыв дверь, прошла на цыпочках к окну и распахнула его настежь. В комнату сразу ворвался прохладный воздух и вместе с ним радостный хор птиц, автомобилей и человеческих голосов. Начиналось городское утро, шумное, веселое и хлопотливое. Волька повернулся на другой бок, одеяло соскользнуло с него на пол, и он проснулся.

— Опоздал,— заволновался он, посмотрев на будильник, стоявший рядом на столике,— честное слово, опоздал! Меня ведь Сережка на речке ждет. Клев пропустим.

Волька огорченно шлепнул себя по щеке и, наколовшись при этом на выросшую за ночь щетину, сразу вспомнил, что находится в совершенно безвыходном положении. Тогда он снова забрался под одеяло и начал думать, что ему делать.

— Воля, Воля! Ты уже встал? — услышал он голос отца из столовой, но почел за благо не отвечать.

— Ну и пускай его спит,— проворчал отец, принимаясь за завтрак,— небось, захочет есть — сразу проснется.

Каково было Вольке слышать эти слова! Он буквально изнемогал от голода и иногда даже ловил себя на том, что яичница с куском черного хлеба сейчас волнует его больше чем рыжая щетина на щеках. Но здравый смысл взял все-таки верх над чувством голода, и Волька пролежал в постели до тех пор, пока отец не ушел на работу, а мать, еще несколько раз окликнув его для очистки совести, не отправилась на рынок.

Так прошло два часа, а выхода Волька так и не придумал.

— Была не была! — решил он тогда.— Расскажу все бабушке. Авось, вместе что-нибудь изобретем.

И, чтобы отрезать себе путь к отступлению, он тут же крикнул:

— Бабушка, а бабушка!

— Ишь ты, проснулся все-таки,— обрадовалась бабушка, которой было скучно одной в квартире.— Иду, иду, полуношник.

Ее шаги послышались уже совсем близко, когда Волька, рассеянно взглянувший на свой аквариум, вдруг быстро подскочил к двери и закрыл ее на ключ.

— Я скоро, бабушка, я только оденусь и сам приду в столовую,— сказал он и, чем-то очень взволнованный, подбежал к аквариуму.

В аквариуме за ночь произошли серьезные изменения, никак необ'яснимые с точки зрения естественных наук и полные поэтому таинственного смысла: население аквариума увеличилось. Вчера было семь рыбок, а сегодня стало восемь! Появилась одна новая толстая золотая рыбка, то и дело шевелившая своими пышными, ярко окрашенными плавниками. Когда изумленный Волька прильнул к толстому стеклу аквариума, ему показалось, что новая рыбка несколько раз хитро подмигнула ему из воды.

— Что за чепуха,— пробормотал озадаченный Волька и засунул руку в воду, чтобы схватить загадочную рыбку. Но она сама, сильно ударив хвостом по воде, выскочила из аквариума на пол и в мгновение ока превратилась в старика Хоттабыча.

— Уф! — сказал Хоттабыч, отряхиваясь и вытирая полой пиджака свою мокрую бороду.— Я все утро ожидаю чести выразить тебе свое почтение. Но ты не просыпался, как я ни старался тебя разбудить. И мне пришлось переночевать в аквариуме, о счастливейший Волька Ибн Алеша!

— Как тебе не стыдно издеваться надо мной,— разозлился Волька,—только в насмешку можно назвать счастливцем мальчика с бородой. Я очень, очень несчастен, дорогой старичок.

— Ах, да, я совсем забыл о твоей бороде,— сочувственно сказал Хоттабыч и задумался.

Минут десять они после этого шопотом, чтобы не услышала бабушка, совещались. Затем старик возложил правую руку к себе на голову в знак подчинения воле нашего несчастного героя и исчез сквозь стенку, оставив пригорюнившегося Вольку наедине с его печальными думами.

Ничего не произошло бы со Степаном Степановичем Пивораки, если бы он не решил в это утро совместить сразу два удовольствия: он захотел побриться, любуясь одновременно живописным видом на реку. Поэтому он придвинул столик, на котором расположил бритвенные принадлежности, к самому окну и принялся, мурлыча под нос веселую песенку, тщательно намыливать себе щеки.

А надо вам доложить, что слесарь-лекальщик Степан Степанович Пивораки, превосходный парень, неплохой общественник и большой мастер своего дела, обладал одним недостатком: он был излишне словоохотлив.

Степан Степанович уже побрился и принялся вытирать бритву, когда вдруг неожиданно рядом с ним возник неизвестно каким путем старичок в канотье и удивительных, расшитых золотом и серебром, туфлях.

— Ты брадобрей? — сурово спросил он у опешившего Степана Степановича.

— Во-первых,— вежливо ответил ему товарищ Пивораки,— я попрошу вас не тыкать. А во-вторых, вы, очевидно, хотели сказать «парикмахер»? Нет, я не парикмахер, то есть, вернее сказать, я не профессионал-парикмахер, хотя, с другой стороны, я могу сказать про себя, что да, я парикмахер, потому что, не будучи парикмахером, я все же...

Старик очень невежливо прервал разговорившегося Пивораки на полуслове:

— Сумеешь ли ты отлично побрить отрока, у которого ты недостоин даже целовать пыль под его стопами?

— Я бы вторично попросил вас не тыкать,— снова возмутился Степан Степанович.— Теперь не старый режим, чтобы тыкать, это при старом режиме...

Старик молча собрал все бритвенные принадлежности, ухватил за шиворот продолжавшего ораторствовать Степана Степановича и, не говоря худого слова, вылетел с ним через окошко в неизвестном направлении.

Спустя несколько летных минут они через окошко же влетели в знакомую нам комнату, где, пригорюнившись, сидел на своей кровати Волька Костыльков, изредка со стоном поглядывая в зеркало на свою бородатую физиономию.

— Счастье и удача сопутствуют тебе во всех твоих начинаниях, о юный мой повелитель! — провозгласил торжественно старик, не выпуская из своих крепких рук пытавшегося вырваться Степана Степановича.— Я совсем было отчаялся найти тебе брадобрея, когда увидел через окошко сего болтливого мужа и спросил его, сумеет ли он побрить тебя так, как ты этого достоин. Но в это время пришел незаметно мой старый враг Иблис, положил руку на его ноздрю и вдунул ему в нос дуновение гордости, самодовольства и болтливости, и он возгордился и сказал в душе своей: «Кто в мире подобен мне в искусстве цирюльника?» И он ответил сам себе, что никто. И он сказал мне, что никто не сравнится с ним в искусстве цирюльника. А потом он начал поносить какого-то неизвестного мне старика по имени «Режим», и мне надоело его слушать, и я захватил его с собою, и вот он перед тобой со всеми инструментами, необходимыми для бритья.

— А теперь,— обратился он к товарищу Пивораки, выпятившему глаза на бородатого мальчика,— разложи, как это подобает, свои инструменты и побрей сего отрока так, чтобы его щеки стали гладкие как у юной девы.

— Я попросил бы не тыкать,— устало ответил гордый Степан Степанович, но вступать в продолжительную дискуссию не счел целесообразным, безропотно намылил волькины щеки, и бритва заблестела в его руке.

Справедливость требует отметить, что в его хвастовстве была большая доля правды, так как, несмотря на непрерывную дрожь в руке, он ни разу не порезал своего необычного клиента, и вскоре волькины щеки стали гладкими, как до вчерашней встречи с Гассаном Абдуррахманом Ибн Хоттабом.

— А теперь,— сказал старик Степану Степановичу, который буквально осунулся за последние полчаса,— сложи свои инструменты и приходи сюда через окно завтра рано утром. Тебе придется снова побрить этого отрока, да славится его имя среди всех отроков этого города.

— Я попросил бы не тыкать,— сказал надтреснутым голосом Степан Степанович и после непродолжительного молчания добавил: — Завтра я не смогу: завтра я работаю в ночной смене.

Хоттабыч посмотрел на него так много-

значительно, что Степан Степанович еле смог выдавить из себя вопрос:

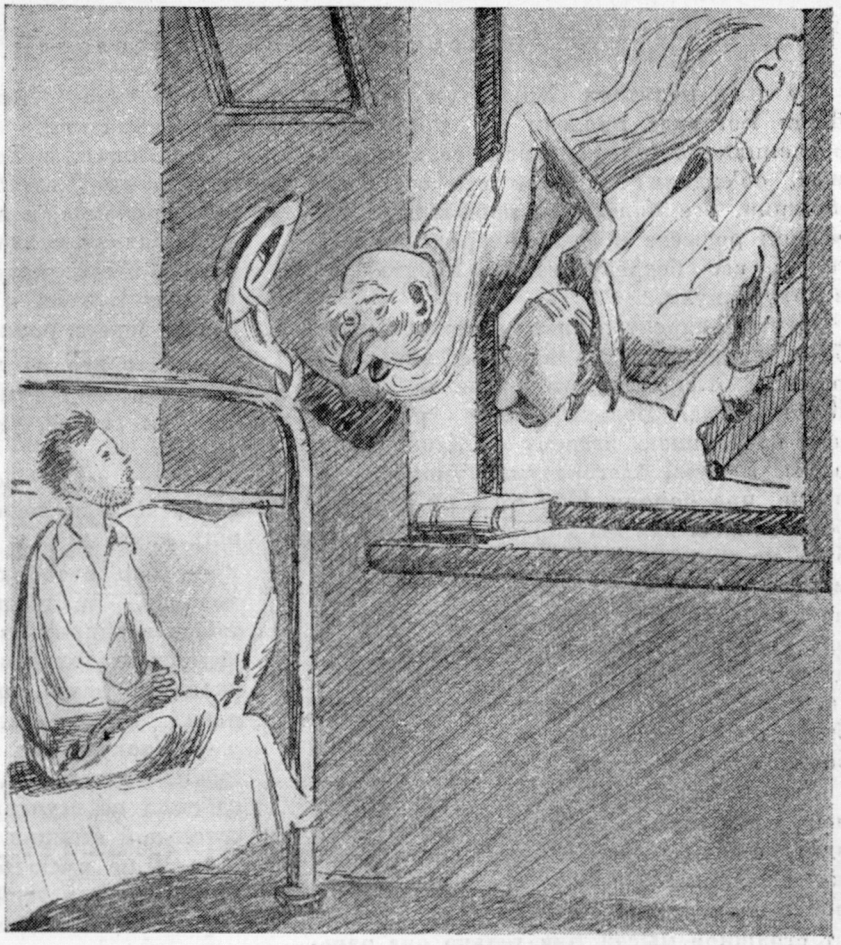
— А, извините за назойливость, как часто мне придется лазить по утрам через окошко к этому молодому товарищу?

— Пока у него не перестанет расти борода,— сурово ответил старик, и Степан Степанович с тоской подумал, что борода у этого молодого человека, очевидно, еще только начала расти и вряд ли перестанет расти до самой его смерти.

Тогда у Степана Степановича от горя подкосились ноги, он тяжело упал на стул и пролепетал:

— В таком случае мне придется перейти на такое предприятие, где работают в одну смену.

— Нас это не касается, — сухо ответил старик.



Они через окошко влетели в комнату.

— Разрешите второй вопрос,— сказал тогда Степан Степанович, с трудом поворачивая язык,— может быть, лучше будет вам попробовать средство для удаления волос, которое можно будет приобрести в любой аптеке? Это избавило бы нашего молодого товарища от необходимости бриться каждый день.

— Я не завидую твоей судьбе, если ты нам врешь про это средство,— зловеще проговорил Хоттабыч, отпустил перепуганного насмерть Степана Степановича и отправился в ближайшую аптеку. Вскорости он вернулся с пакетиком.

— Мы испробуем это средство, когда закатится солнце, о благородный отрок,— сказал он повеселевшему Вольке, который поджидал его у под'езда, уписывая за обе щеки огромный кусок пирога с капустой...

Что же касается Степана Степановича Пивораки, который уже больше не появится в нашей глубоко правдивой повести, то нам доподлинно известно, что с ним после описанных выше злоключений произошли очень большие изменения.

Раньше не в меру многословный, мы бы даже сказали, болтливый, он стал сейчас скуп на слова, и каждое из них тщательно взвешивает перед тем, как произнести.

О причинах этого перелома в его характере и образе жизни Степан Степанович никому, даже своей жене, так по сей день и не рассказал.

Ту ночь родители Сережи Кружкина и Жени Богорада провели на ногах. Они обзвонили по телефону всех своих знакомых, об'ездили на такси все отделения милиции, все больницы, побывали в уголовном розыске и даже в городском морге. И все безрезультатно. Ребята как в воду канули.

Наутро директор школы вызвал к себе и лично опросил одноклассников Сережи и Жени, в том числе и Вольку Костылькова. Волька честно рассказал про вчерашнюю встречу с Женей Богорадом в кино, благоразумно умолчав, конечно, про бороду. При этом он страшно беспокоился, как бы директор или кто-нибудь из присутствующих не обратил внимание на его щеки. Но директору было не до волькиных щек, что же касается взволнованного вида Вольки, то и в нем директор не нашел ничего удивительного, так как все одноклассники пропавших были очень огорчены, а некоторые девочки даже потихоньку плакали.

Уже школьники, задумчивые и невеселые, собирались разойтись по домам, как вдруг один мальчик вспомнил, что Сережа с Женей собирались после школы пойти купаться. И тогда все похолодели от страшной мысли. Как только она раньше не пришла им в голову?! Ну, конечно, ребята пошли купаться и утонули!

Через полчаса все наличные силы Осводa были брошены на розыски юных утопленников. Сотрудники спасательных станций старательно обшарили баграми всю реку в пределах черты города, но ничего, кроме двух дохлых кошек и пары синих трикотажных трусиков, не нашли. Ни Женя, ни Сережа синих трусиков не носили. Водолазы добросовестно обходили русло реки, подолгу прощупывая омуты, и также ничего не обнаружили.

Так они и доложили своему начальнику. Начальник снял свою форменную фуражку, вытер носовым платком лоб, вспотевший от жары и забот, и приказал продолжать поиски вплоть до наступления темноты.

Поздно вечером на реке еще виднелись темные силуэты осводовских лодок, разыскивавших Сережу и Женю.

В этот прохладный и тихий вечер не сиделось дома. Только что Волька натер свои щеки средством для удаления волос, и лицо действительно стало почти совсем гладким.

— Ничего, о Волька Ибн Алеша,— успокоил его Хоттабыч,— на сегодня вполне достаточно, а завтра к вечеру истечет срок малому колдовству.

— Пойдем, погуляем, что ли? — обрадовался Волька, и скоро они уже шагали вдоль берега реки.

— Что это за люди со странными головами стоят в этих утлых суденышках,— спросил старик, указывая на осводовские лодки.

— Это легкие водолазы,— печально ответил Волька, вспомнив о своих пропавших друзьях.

— Мир с тобою, о достойный легкий водолаз,— величественно обратился Хоттабыч к одному из водолазов, высаживавшемуся из лодки на берег,— что ты разыскиваешь здесь, на дне этой прохладной реки?

— Утонули два мальчика, вот мы их и ищем,— ответил водолаз и быстренько взбежал по ступенькам в помещение спасательной станции.

— Я не имею больше вопросов, о высокочтимый легкий водолаз,— промолвил ему вслед Хоттабыч.

Затем он вернулся к Вольке, низко ему поклонился и произнес:

— Целую землю у ног твоих, о достойнейший из учащихся неполной средней школы.

— В чем дело?

— Правильно ли я понял этого легкого водолаза, что он разыскивает двух утонувших отроков?

— Чего тут не понимать,— апатично отвечал Волька.

— И оба они твои школьные товарищи?

Волька вместо ответа молча кивнул головой.

— И один из них лицом круглолиц, телом коренаст, носом курнос, и волосы его подстрижены не так, как это подобает отроку?

— Да, это Женя. У него прическа бокс. Он был большой франт,— сказал Волька и очень грустно вздохнул.

— И мы его вчера видели в кино? И он что-то тебе кричал? И ты был опечален тем, что он всем расскажет, что у тебя выросли борода и усы?

— Да, верно. Откуда ты узнал, что я об этом подумал?

— А теперь ты боишься, что найдут твоего приятеля Женю и он расскажет всем о твоем позоре,— продолжал старик, не отвечая на поставленный ему Волькой вопрос.— Так не бойся же этого. Можешь на меня положиться.

— Неправда! Совсем не то,— обиделся Волька.— Совсем я не этим опечален. Мне, наоборот, очень грустно, что Женя утонул.

Хоттабыч с сожалением посмотрел на Вольку и, победоносно ухмыльнувшись, сказал:

— Он не утонул.

— Как не утонул?! Откуда ты это знаешь?

— Мне ли не знать?— сказал тогда, торжествуя, старик Хоттабыч.— Я подстерег его вчера, когда он выходил из кино, и продал в рабство в Индию! Пусть он там рассказывает о твоей бороде таким же рабам, как он, работающим на чайной плантации.

Намечается полет

— То есть как это — в рабство?!— спросил потрясенный Волька, и старик понял, что опять что-то получилось не так, как надо.

Лицо Хоттабыча сразу приняло кислое выражение.

— Очень просто, обыкновенно, как всегда продают в рабство,— нервно огрызнулся он, бестолково утюжа рукой свою бороду.— Взял и продал в рабство.

— И Сережку ты тоже продал, несчастный ты старик?

— Вот уж кого не продавал, того не продавал. Кто это такой Сережка?

— Он тоже пропал. Женя пропал, и он пропал.

— Я не знаю мальчика по имени Сережка, о приятнейшая в мире балда.

— Это кого ты назвал балдой?!— полез Волька в амбицию.

— Тебя, о Волька Ибн Алеша, ибо ты не по годам мудр.— сказал Хоттабыч, очень довольный, что ему удалось так кстати ввернуть слово, которое он впервые услышал от Вольки в парикмахерской.

Волька сначала захотел обидеться, но вовремя вспомнил, что обижаться ему в данном случае нужно только на самого себя. Он покраснел и, стараясь не смотреть в честные глаза старика, попросил Хоттабыча не называть его балдой, ибо он не заслуживает этого звания.

— Хвалю твою скромность, бесценный Ибн Алеша,— молвил Хоттабыч, льстиво улыбнувшись, и устало добавил:

— Не говори мне больше ничего об этом Сережке, ибо я ослаб от множества вопросов и умолкаю.

Тогда Волька сел на скамейку и заплакал от бессильной злобы. Старик всполошился: он не понял в чем дело. Робко усевшись на самый край скамейки, он умоляюще заглядывал в волькины заплаканные глаза и, еле сам удерживаясь от слез, прошептал:

— Что означает этот плач, тебя одолевший? Отвечай же, не разрывай моего сердца на куски, о юный мой господин!

— Верни, пожалуйста, обратно Женю, Хоттабыч.

— Я не знаю этого Жени, о Волька Ибн Алеша, но, говоря без лести, он недостоин и одной твоей слезинки.

— Нет, достоин!

— Прошу прощения, но я все же считаю, что он недостоин,— сварливо заметил Хоттабыч, и глаза его блеснули недобрым блеском.

— А я говорю: достоин, достоин, достоин! — Волька уткнулся головой в спинку скамейки и зарыдал вголос.

Старик Хоттабыч внимательно посмотрел на Вольку, пожевал губами и задумчиво произнес, обращаясь больше к самому себе нежели к Вольке:

— Я сам себе удивляюсь. Что бы я ни сделал, все тебе не нравится. В другое время я бы тебя давно наказал за твою строптивость. Мне для этого стоило бы лишь двинуть пальцем. А теперь я не только не наказываю тебя, но даже, наоборот, чувствую себя в чем-то виноватым. Интересно, в чем дело? Неужели в старости. Эх, старею я...

— Что ты, что ты, Гассан Абдуррахман Ибн Хоттаб, ты еще очень молодо выглядишь,— сказал сквозь слезы Волька.

Действительно, старик для своих трех с лишним тысяч лет сохранился совсем не плохо. Ему нельзя было дать на вид больше ста, ста десяти лет... Любой из нас выглядел бы в его годы значительно старше.

— Ну, уж ты скажешь: «очень молодо»,— самодовольно ухмыльнулся Хоттабыч и, доброжелательно взглянув на Вольку, добавил: — Нет, вернуть сюда Женю я, поверь мне, не в силах...

У Вольки снова появились слезы.

— Но,— продолжал Хоттабыч многозначительно,— если ты не возражаешь, мы можем за ним слетать.

— Слетать?! В Индию?! На чем?

— То есть как это на чем? Конечно, на ковре-самолете. Не на птицах же нам лететь,— насмешливо отвечал старик.

— Когда можно вылететь? — осведомился Волька.

И старик ответил:

— Хоть сейчас.

— Тогда не медля в полет,— сказал Волька и тут же замялся: — Вот только не знаю, как с родителями. Они будут волноваться, если я улечу, ничего им не сказав. А если скажу, то не пустят.

— Пусть это тебя не беспокоит,— отвечал старик,— я сделаю так, что они тебя ни разу не вспомнят за время нашего отсутствия.

— Ну, ты не знаешь моих родителей...

— А ты не знаешь Гассана Абдуррахмана Ибн Хоттаба.

В полете

В одном уголке ковра-самолета ворс был в неважном состоянии: это, наверное, постаралась моль. В остальном же ковер отлично сохранился, а что касается кистей, украшавших его, то они были совсем как новые. Вольке показалось даже, что он уже где-то видел точно такой ковер, но никак не мог вспомнить—где. Не то на квартире у Сережи, не то в учительской комнате, в школе. Впрочем, скорее всего, пожалуй, в учительской.

Старт был дан в саду при полном отсутствии публики. Хоттабыч взял Вольку за руку и поставил его рядом с собой на самой серединке ковра. Затем он вырвал три волоса из своей бороды, дунул на них и что-то зашептал, сосредоточенно закатив глаза.

Ковер выпрямился, стал плоским и твердым как лестничная площадка и стремительно рванулся вверх, увлекая на себе Хоттабыча и Вольку.

Ковер поднялся выше самых высоких деревьев, выше самых высоких домов, выше самых высоких фабричных труб и поплыл над городом, полным сияющего мерцания огней.

Вечерняя темнота окутала город, а здесь, наверху, еще виден был багровый солнечный диск, медленно катившийся за горизонт.

Между тем ковер лег на курс, продолжая одновременно набирать высоту, и Вольке надоело стоять неподвижно. Он осторожно нагнулся и попытался сесть, поджав под себя ноги, как это сделал Хоттабыч, но это оказалось неудобным. Тогда, зажмурив глаза, чтобы побороть противное чувство головокружения, Волька уселся, свесив ноги с ковра. Так сидеть было удобнее, но зато немилосердно дуло в ноги, их относило ветром в сторону, и они все время находились под острым углом к туловищу.

К этому времени ковер вошел в полосу облаков. Из-за пронизывающего тумана Волька еле мог различать контуры тела своего спутника, хотя тот сидел рядом с ним. Ковер, кисти, волькина одежда и все, находившееся в его карманах, набухло от сырости.

— У меня есть предложение,— сказал Волька, щелкая зубами.

— М-м-м? — вопросительно промычал Хоттабыч.

— Я предлагаю набрать высоту и вылететь из полосы тумана.

— С любовью и удовольствием, любезный Волька. Сколь поразительна зрелость твоего ума!

Ковер, хлюпая набухшими кистями, тяжело взмыл вверх, и вскоре над ними уже открылось чистое темносинее небо, усеянное редкими звездами, а под ними покоилось белоснежное море облаков с застывшими округлыми волнами.

Теперь наши путешественники уже больше не страдали от сырости. Они теперь страдали от холода.

И все же Волька уснул. Он спал, а ковер-самолет неслышно пролетал над горами и долинами, над полями и лугами, над реками и ручейками, над колхозами и городами. Все дальше и дальше на юго-восток, все ближе и ближе к таинственной Индии, где томился в цепях юный невольник Женя Богорад.

Волька проснулся через два часа, когда еще было совсем темно. Его разбудила стужа и какой-то тихий мелодичный звон,

В конце концов одной из птиц удалось сцапать кепку.

походивший на звон ламповых хрустальных подвесок: это звенели сосульки на бороде Хоттабыча и обледеневшие кисти ковра. Вообще же весь ковер покрылся скользкой ледяной коркой. Это немедленно отразилось на летных качествах ковра и в первую очередь на скорости его полета. Кроме того теперь при самом незначительном вираже этого сказочного средства передвижения его пассажирам угрожала смертельная опасность — свалиться в пропасть. А тут еще начались бесчисленные воздушные ямы. Ковер падал со страшной высоты, нелепо вихляя и кружась. Волька и Хоттабыч хватались тогда за кисти, невыносимо страдая одновременно от бортовой и килевой качки, от головокружения, от холода и, наконец, чего греха таить, просто от страха.

В довершение всего над нашими путешественниками стали настойчиво и нагло кружить какие-то очень несимпатичные птицы. Они противно орали, громко хлопали крыльями и все норовили унести кепку с волькиной головы и канотье Хоттабыча. В конце концов, одной из них удалось сцапать кепку.

Старик долго крепился, но после одной

особенно глубокой воздушной ямы пал духом и робко начал:

— О отрок, подобный обрезку луны, одно дело было забросить твоего друга в Индию. Для этого потребовалось ровно столько времени, сколько нужно, чтобы сосчитать до десяти. Совсем другое дело лететь на ковре-самолете. Ведь мы уже сколько летим, а пролетели едва одну пятидесятую часть пути. Так не повернуть ли нам обратно, чтобы не превратиться в кусочки льда?

— А Женя останется рабом?

— Я уже имел счастье докладывать тебе, что он недостоин одной твоей слезинки, о радость моей души.

— Нет, мы полетим вперед, хотя бы нам пришлось замерзнуть! Знаешь, я тебя просто не узнаю, старик. Как это у тебя язык поворачивается предложить оставить друга в беде?

С этими словами Волька снова уснул. Через некоторое время его разбудил Хоттабыч, посиневший от холода, но чем-то очень довольный.

— Неужели нельзя дать человеку спокойно поспать? — заворчал Волька.

Но старик восторженно крикнул:

— Я пришел к тебе с радостью, о Волька: нам незачем лететь в Индию. Ты меня можешь поздравить: я уже снова умею расколдовывать. Бессонная ночь на морозе помогла мне вспомнить, как снимать заклятия. Прикажи возвращаться обратно, о юный мой повелитель.

— А Женя?

— Не беспокойся, он вернется домой одновременно с нами или даже немного раньше.

— Ну тогда я не возражаю,— ответил Волька и снова прилег вздремнуть...

Солнце уже близилось к закату, когда продрогшие, но счастливые пассажиры ковра-самолета финишировали в том же месте, откуда они вчера вместе отправились в свой беспосадочный перелет.

— Волька, это ты? — услышали они тотчас же мальчишеский голос, доносившийся из-под старой яблони.

— Женька! Ой, Женька! Честное слово это Женя! — закричал Волька Хоттабычу и побежал к своему приятелю.

— Женя! Это ты?

— Я, а то кто же? Конечно, я.

— Ты из Индии?

— А то откуда! Ясное дело, из Индии.

— Ты был рабом?

— Рабом.

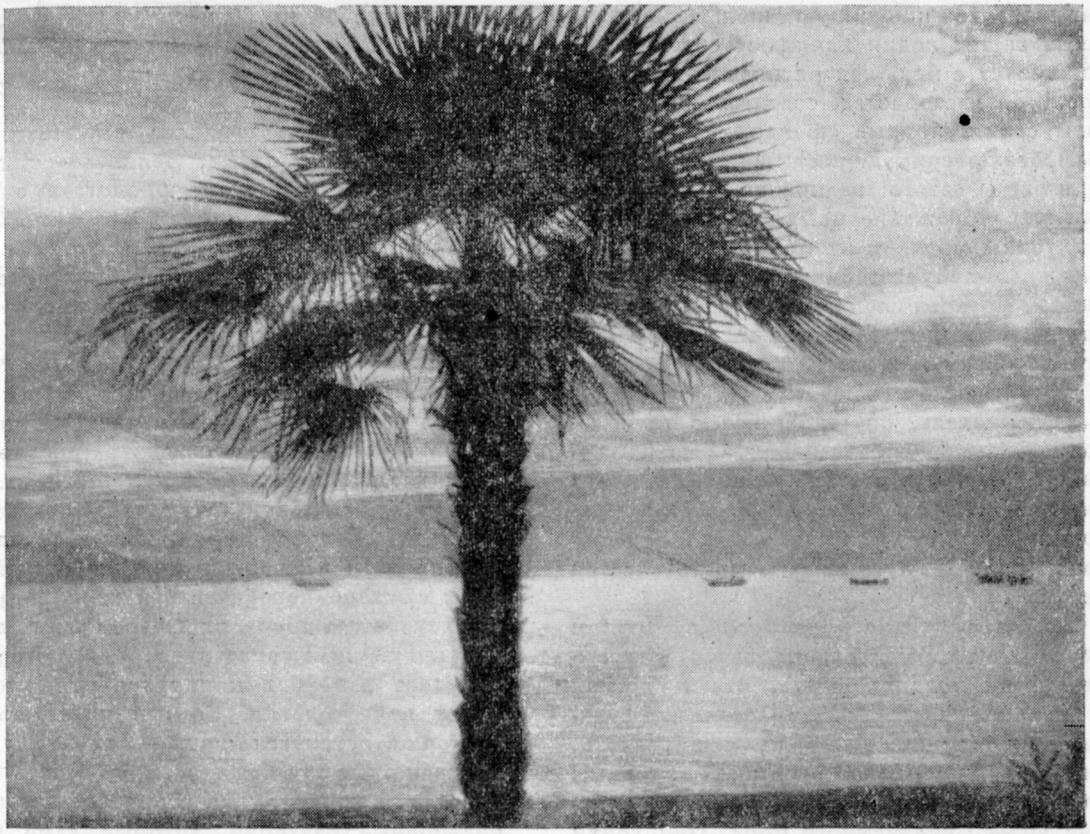
— Ой, как это интересно, Женька, скорее рассказывай, что с тобой там было.

И тут же под яблоней Женя Богорад рассказал своему старинному приятелю Вольке Костылькову о своих приключениях на чайной плантации в одном из заброшенных уголков Индии. Поверьте автору на слово, что Женя вел себя там так, как надлежит вести себя в условиях жестокой эксплоатации юному пионеру.

Но автор этой глубоко правдивой повести достиг довольно преклонного возраста и ни разу не обострил своих отношений с вице-королем Индии. А рассказ Жени Богорада некоторые придирчивые иностранные дипломаты постарались бы определить как вмешательство во внутренние дела Индии — жемчужины Британской короны. Поэтому аллах с ней, с этой жемчужиной. Вернемся лучше к нашим баранам. Что с ними случилось за два дня их пленения, и чем все это дело кончилось?

А случилось с этими баранами вот что.

(Окончание в следующем номере)



Берег Черного моря в Сухуми.

Загадка Черного моря

О. Писаржевский

В одном московском институте недавно происходило торжественное событие.

Седовласый академик заканчивал опыт, который он начал еще молодым человеком.

Были отпаяны крышки, которые наглухо закрывали толстые свинцовые трубки.

Из открытых трубок потянуло резким, неприятным запахом сероводорода. Тем самым запахом, который издает тухлое яйцо.

Услышав этот запах, академик сказал довольно:

— Мы близки к окончательной разгадке одной из тайн Черного моря.

Почти полвека назад трубки были наполнены свежим черноморским илом. И запах сероводорода, появившийся в запаянных трубках с илом через полвека, действительно позволил, наконец, понять, почему в глубинах Черного моря возникло странное и несвойственное другим водоемам царство смерти.

Пятидесятилетний ил исследовали в лаборатории. Исследование это окончательно доказало, что яд, убивающий все живое в глубинах Черного моря, вырабатывают тоже живые существа.

То лазурное в ясную погоду, то перекатывающее в шторм свинцовые валы, Черное море полно жизни. Я никогда не забуду замечательного зрелища — чаек, которые сидели, казалось, прямо на воде, как на суше, и нехотя что-то поклевывали. Эти ленивые об'евшиеся птицы путешествовали прямо на сплошном выпирающем из воды косяке хамсы! А хамса — это только одна из 150 пород рыб, населяющих Черное море. Вот заиграли, запрыгали из воды черные дельфины — перед непогодой, как примечают рыбаки. Есть

лагуны, где в душную июльскую ночь весла вашей лодки начинают сиять, и вода стекает с них, как расплавленное серебро. Вода загорается, светится: это зажигают свои холодные «фонарики» миллиарды фосфоресцирующих микроорганизмов. При виде этого величайшего изобилия жизни воображение невольно переносится в глубины моря—к их причудливым полуживотным-полурастениям, необычайным рыбам, которые лопаются (помните рисунок в хрестоматиях?), если их сразу вынести на поверхность...

Напрасные мечты!

Наблюдатель, опустившийся в глубоководной камере — батисфере,— уже на глубине 100—200 метров не увидел бы через толстые стекла ничего, кроме мути грязного цвета. Здесь вся вода отравлена сероводородом. Глубины Черного моря мертвы.

Откуда взялся сероводород в Черном море? Некоторые геологи давно уже высказывали предположение, что причиной этого послужила геологическая катастрофа. Некогда, так говорили эти геологи, Черное море было огромным пресным озером. Но затем в него прорвались соленые воды Средиземного моря. Они убили пресноводное черноморское население. Гниение миллиардов трупов и заразило глубины нового моря сероводородом.

Так ли это? Но если даже это и так, почему не сменилась за десятки тысяч лет зараженная вода свежей, чистой водой? Ведь Черное море сейчас уже не замкнутое озеро: оно соединено со Средиземноморским бассейном через пролив Босфор.

Академик Н. Д. Зелинский 45 лет назад так об'яснил это: сероводород выделяют бактерии, которые питаются содержащими серу веществами, добавляют к разным соединениям серы водород и таким образом производят сероводород. Другими словами, в страшной мутной глубине также есть жизнь! Но как же она возможна при полном отсутствии кислорода? Ведь бактерии — это живые существа, для поддержания жизни они должны дышать.

Они и дышат, но не так, как мы. Такие бактерии называют анаэробными, то есть дышащими без воздуха. Они добывают нужный для них кислород из остатков органических веществ.

Предположение, что именно анаэробные бактерии виноваты в том, что черноморские пучины заражены сероводородом, Н. Д. Зеленский высказал в 1893 году. В то время он не был еще академиком, а только молодым ученым. Но его предположение показалось очень правдоподобным и остроумным.

Правда, его надо было окончательно доказать. И вот Н. Д. Зелинский (который, скажем кстати, не биолог, а очень крупный химик) придумал особый опыт, который должен был совершаться с а м с о б о й, продолжаться очень долгое время, но зато в заключение дать ответ сразу на все вопросы, которые могли бы интересовать исследователей.

Этот ответ и получен сейчас, после того как из полувековой пыли извлечены длинные и тяжелые, тщательно запаянные трубки с илом. Набирая в них донный ил 45 лет назад, молодой исследователь рассуждал так. Если бактерии, которые видны в микроскоп в иле, попали туда случайно и им суждено погибнуть без кислорода,— это неизбежно произойдет через много лет. Тот крошечный запас кислорода, который попадает в трубки при закупорке, скоро будет израсходован. Если и после этого бактерии останутся жить,— значит будет доказано, что эти бактерии могут жить без кислорода воздуха, что это действительно анаэробные бактерии, которые сами для себя производят кислород из содержащих этот элемент веществ. Какие еще вещества они производят, можно узнать, если произвести тщательный химический анализ содержимого трубок через много лет после того как они закупорены. Если ил изменится по сравнению с обычным свежим илом, если в нем появятся новые вещества — газы, то эти изменения можно смело отнести за счет работы бактерий, раз они останутся живы...

И вот — в раскупоренных трубках появился сероводород! А микроскоп обнаружил мощную колонию бактерий, разумеется, далеких потомков тех, что поселились в запаянных трубках почти полвека назад. Они жили и размножались в трубках без всякого доступа воздуха так же, как они живут и размножаются в глубинах Черного моря.

И так же, как в Черном море, они непрерывно производили в запаянных трубках сероводород.

Именно в результате их незаметной работы глубины Черного моря, с их застоявшейся, почти не стекающей в другие моря водой, и остаются мертвой пустыней, о которой рыбаки сочинили много сказок и морских легенд.

Чем заняться?

НОВОГОДНЯЯ ЕЛКА

С нового года начнутся зимние каникулы. А каникулы мы встречаем новогодней елкой.

Все ребята очень любят елку. Многие хотят сами делать украшения и игрушки для своих елок. Мы решили помочь ребятам в этом деле и напечатали в журнале много рисунков, чертежей и описание разных игрушек, которые легко сделать самим.

ЗВЕЗДА

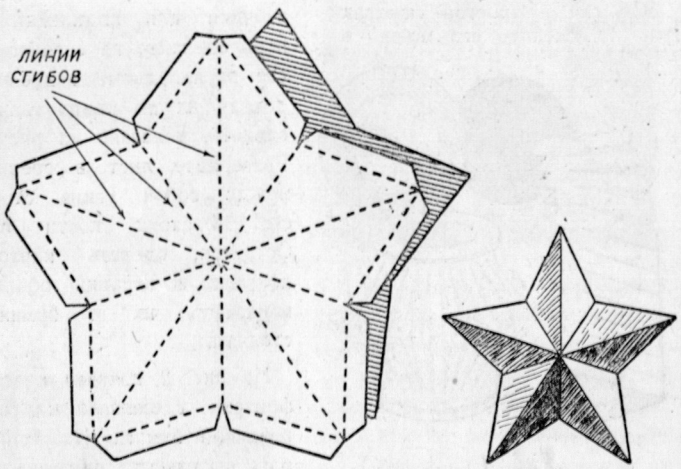
Для нашей елки нужна будет звезда, которую мы укрепим на самой макушке.

Чтобы сделать звезду, нужен лист хорошего тонкого картона. Картон можно заменить несколькими листами достаточно плотной бумаги, склеенными вместе и просушенными под прессом. Прессом могут служить две — три толстые книги.

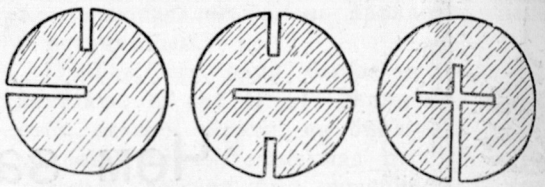
Начертите на картоне пятиконечную звезду (сантиметров 25—30 в диаметре). Акуратно вырежьте ее и, наложив на картон, обведите ее карандашом. Мы сделаем звезду об'емной, поэтому нам понадобятся две выкройки. Вторую звезду вырезайте с запасом по краям, как показано на рисунке. На обеих звездах сделайте слабые надрезы ножом по линиям, идущим от концов лучей через центр к точке соединения противоположных лучей. Теперь сделайте слабые сгибы на местах надрезов, чтобы звезды стали выпуклыми. Осталось соединить обе половинки между собой, намазав клеем отогнутые полоски, оставленные по краям лучей одной из звезд.

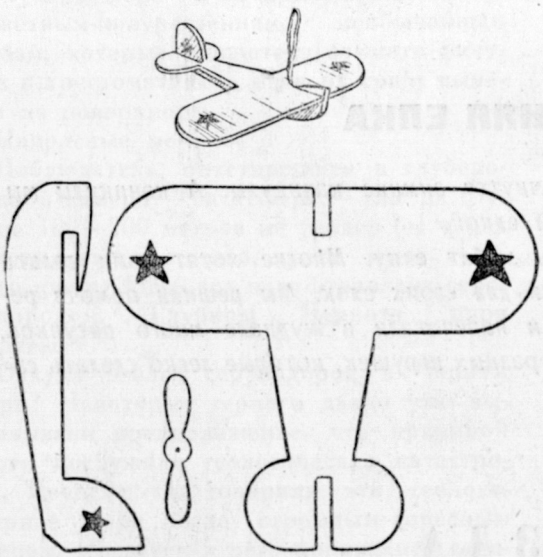
Готовую звезду можно окрасить или еще лучше, осыпать блестками (продаются в писчебумажных магазинах).

Для прикрепления звезды к елке используйте кусок мягкой проволоки, который можно вклеить внутрь звезды, выпустив концы проволоки наружу.



Игрушки из картона





1. Самолетик. Вырежьте из не очень толстого, но плотного картона 2 части самолетика, показанные на нашем чертеже. Размер частей должен точно соответствовать друг другу. В обеих частях сделайте прорезы, показанные на рисунке. Ширину прорезов делайте соответствующей толщине картона. Теперь соберите вашу модель: это можно сделать без клея, так как одна часть должна плотно входить в прорез другой. Игрушки можно раскрасить или оклеить блестящей станиолью (в нее сейчас завертывают конфеты). Пропеллер тоже вырезается из картона и прикрепляется к модели с помощью булавки.

Бумажные фонарики

Приготовим для нашей елки красивые бумажные фонарики. Сделать их нетрудно: понадобятся только цветная бумага, прозрачная бумага—восковка,—немножко картона и клей.

Вот самый простой фонарик (рис. 1), сделать его можно в 10 минут. Отрежьте от листа бумаги полосу шириною в 15 сантиметров, а длиною в 30 сантиметров. Сложите полосу пополам по длине. По обеим длинным сторонам сделайте зубчики для подклейки. Теперь сделайте на согнутом листе параллельные надрезы, не доводя их до конца (как это сделать, показано на рисунке). Разверните лист и соедините между собой узкие стороны его. Фонарик почти готов. Остается сделать картонное донышко и верхний ободок и подклеить их к бумажным стенкам.

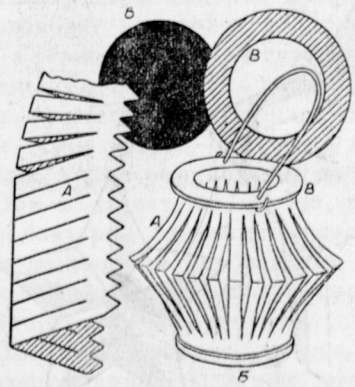


Рис. 1.

На рис. 2 показан красивый фонарик, сделанный из гофрированной бумаги. Из этой бумаги вырезаются широкие кольца с вынутым из них сектором и склеиваются ввиде колпачков с широким отверстием вверху. Для прочности к колпачкам подклеиваются картонные кольца. Колпачки (4—5 штук) соединяются между собой при помощи проволоки, как показано

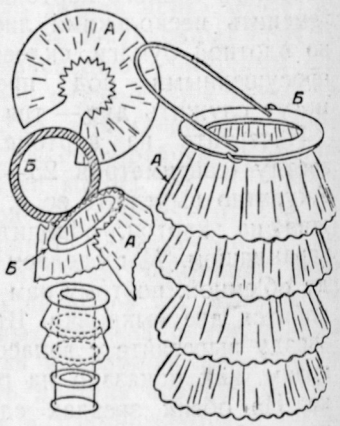
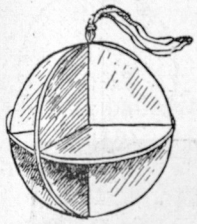


Рис. 2.

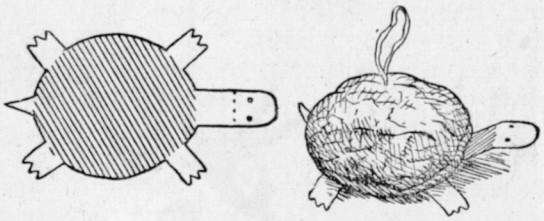


2. Шарик. Это не только игрушка-украшение для елки, но и забавная головоломка.

Вырежьте из картона 3 кружка и сделайте в них прорезы, как показано на нашем рисунке. Раскрасьте один кружок в синий цвет, другой — в красный, а третий — в зеленый. А теперь попробуйте из кружков собрать фигурку, показанную на рисунке. Когда вам это удастся, то у вас получится красивое украшение для елки.

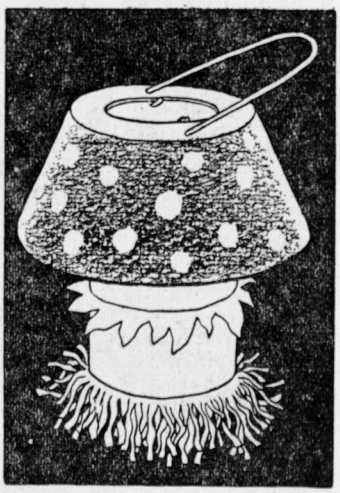
ЧЕРЕПАХА

Оказывается, и из ореховой скорлупки можно сделать забавную игрушку. Посмотрите на нашу черепаху, она сделана как раз из половинки скорлупки грецкого ореха. Эта скорлупка служит ей панцырем. А брюшко вместе с головой, хвостиком и лапками мы вырезали из кусочка тонкого картона и клеем приклеили к скорлупке-панцырю.



на рисунке. Нижние концы проволоки прикрепляются к картонному донышку, верхние — к картонному ободку.

Забавные фонарики ввиде рыб, птиц и разных животных можно сделать из восковки и яркой цветной бумаги. На наших рисунках показаны 3 примерных образца, вы сами можете придумать много других. Основанием для этих фонариков служит стаканчик, склеенный из прозрачной восковки. Восковка сохраняет форму благодаря тому, что сверху она подклеена к картонному колечку, а внизу — к картонному донышку. Отдельные детали фонариков: хвост рыбы, шляпка гриба и т. д.— сделаны из яркой цветной бумаги и прикреплены к стаканчикам из восковки.



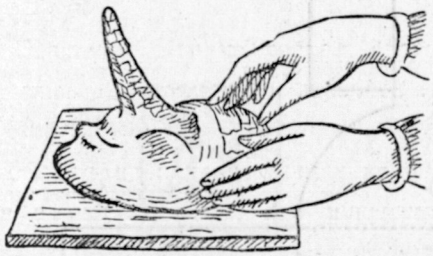
Игрушки из яичных скорлупок

Когда у вас дома будут делать яичницу, попросите не разбивать скорлупки яиц, а выдуть яйца, не портя скорлупок. Из яичных скорлупок можно сделать много забавных елочных игрушек. На этом рисунке вы видите несколько таких игрушек. Для изготовления их, кроме скорлупок, понадобились еще кусочки бумаги, клей и краски. Вы сами можете придумать и сделать много подобных игрушек.

Карнавальные маски

Для работы потребуется глина (или пластелин), столярный клей и старые газеты.

Прежде всего нужно изготовить форму. Из глины вылепите форму будущей



маски (смешную физиономию, звериную голову и т. д.). Форму наложите на дощечку или кусок картона.

Теперь всю поверхность формы нужно обложить в один слой небольшими кусочками газеты. Газету следует слегка смачивать и плотно притирать к форме, как показано на рисунке. Когда это сделано, весь слой бумаги покрывают жидким столярным клеем.

Затем начинают накладывать второй слой бумаги. Делается это таким же образом, как и в первый раз, но теперь бумага смачивается не водой, а жидким столярным клеем. Когда второй слой наложен, начинают накладывать третий и т. д. Всего следует наложить пять—шесть слоев.

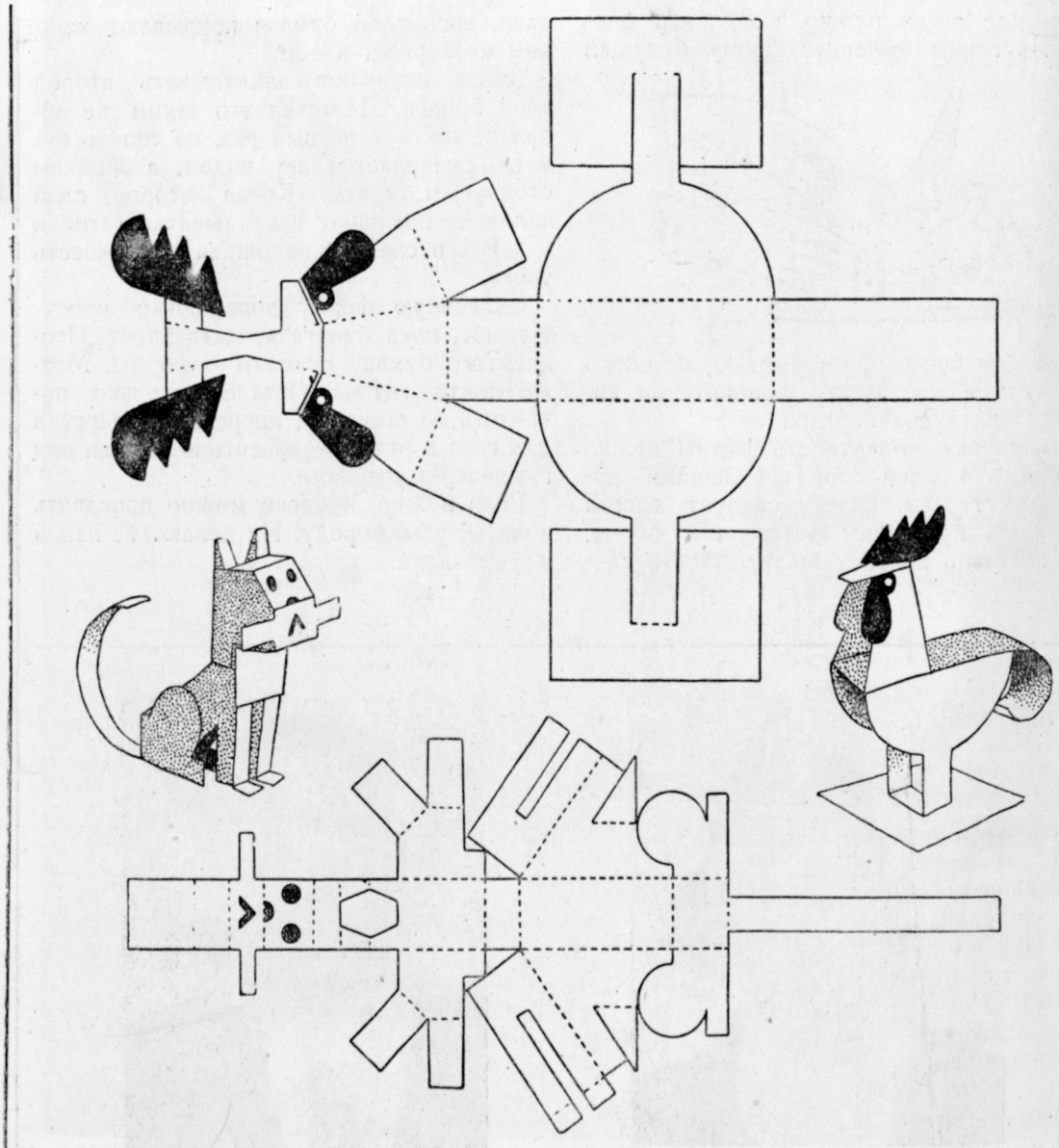
Оклеенную форму хорошенько просушивают, пока бумага не затвердеет. После этого бумагу снимают с формы. Маска почти готова. Осталось только почистить ее шкуркой, прорезать отверстия для глаз и рта и раскрасить клеевыми или гуашевыми красками.

Если нужно, к маске можно приклеить волосы, усы, бороду. Их делают из пакли или мочалки.

А эти маски сделаны просто из цветной бумаги. Из бумаги выкроены плоские маски, а потом с помощью надрезов и подклеек им придана объемная форма. Поглядите внимательно на фотографию, и вы сами сообразите, как это можно сделать.

Кот и петух

Игрушки из бумаги



Вот еще две забавные игрушки. Делаются они из простой, достаточно плотной бумаги, а потом раскрашиваются акварельными красками.

Мы даем выкройки этих игрушек. Скопируйте выкройки и вырежьте по контуру. По сплошным линиям сделайте надрезы, а по пунктирным линиям выкройки согните. Осталось получившиеся игрушки скрепить клеем и раскрасить.

ПОЧТА

Обидная история

Письмо Тулы Рудовского

Город Корсунь

В начале года старостой нашего класса был Спектор. Он хороший мальчик, отличник, учится лучше всех, помогает учиться другим ребятам. Но старостой он был неважным. Класс у нас шумный, драчливый, а Спектор — очень тихий человек, он не любит шума и драк. Вот оттого, что он такой тихий, его, должно быть, никто и не слушался. Когда его выбирали, все думали, что это хорошо, что серьезный и спокойный Спектор будет старостой, но потом все увидали, что Спектор не годится в старосты для нашего класса, и тогда решили его переизбрать.

После уроков у нас было собрание, и старостой класса выбрали меня.

Отношения с ребятами у меня хорошие. Мы учимся вместе уж несколько лет, но я все-таки подумал про себя, что теперь, наверно, мне будет трудно. Ведь староста отвечает за весь класс, за все, что случается в классе. А в нашем классе происшествия бывают чуть ли не каждый день.

Первые дни после того как меня избрали старостой, прошли довольно спокойно. А потом произошло одно событие, и спокойствие сразу кончилось. У нас есть такой ученик Миша Кошевацкий. Он всегда придумывает разные фокусы. Увидит какую-нибудь кинокартину и изображает героя картины. Одно время он изображал Чарли Чаплина. Выйдет к доске и начинает строить разные гримасы за спиной у учителя. Сначала все ребята смеялись над его шутками, а потом всем это надоело. Но Миша старался делать все как можно смешнее и каждый день что-нибудь да придумывал. Но ребятам не нравилось, что он всегда строит из себя шута, и с ним никто не дружил кроме Шаталовича. А Шаталович — это у нас самый отчаянный забияка. Ему уж 16 лет, ростом он выше всех ребят.

Однажды у нас была контрольная по алгебре. Учитель сказал:

— Кто решит все задачи до звонка, может выйти из класса.

Мы еще сидели и решали задачи, а Шаталович и Миша Кошевацкий уже кончили. Они сдали свои листки и вышли в коридор. Оба учились плохо, а задачи были трудные, и мы все удивились, что они так быстро кончили контрольную.

Вдруг я услышал в коридоре шум, потом что-то упало на пол. Я выбежал в коридор и увидел, что Шаталович и Кошевацкий дерутся и у Миши из носу течет кровь. Кто-то из ребят хотел пойти за директором, но я решил, что медлить нечего. Я подошел к Шаталовичу и изо всех сил дернул его за рукав. Он оттолкнул меня. Но хоть Шаталович и больше меня, я сильней его. Я оттащил его, а Мише велел умыться. А потом я их обоих отругал, и это была последняя крупная драка в нашем классе. Может быть,

это — и не дело, чтобы староста разнимал ребят, когда они дерутся, но, по-моему, еще хуже, если староста стоит в стороне или зовет кого-нибудь на помощь.

В начале второй четверти у нас в школе началось соревнование между всеми классами. Лучший класс должен был получить красное знамя. Наш класс тоже включился в соревнование. В коридоре вывесили договор соцсоревнования, подписанный старостами всех классов. В других классах ребята как-то равнодушно отнеслись к этому договору, а у нас ребята заинтересовались соревнованием. Наш класс редко хвалили, чаще всего ругали, и мы решили доказать, что если мы что-нибудь захотим, то сделаем. Мы решили завоевать красное знамя.

Я после уроков каждый день заходил в канцелярию (у нас такое правило) и узнавал, какие были отметки, что записано в журнале. А ребята дожидались меня. Сначала меня ожидали только Яша Мельников и Боря Гринберг. А потом стали оставаться и Давид Спивак, и Маня Тютюник, и Анюта Котляревская, и другие ребята. И как-то так повелось, что никто из ребят не уходил, не дождавшись меня. Мы шли все вместе и по дороге домой решали все дела. Бывало и так, что мы здорово ссорились. Ребятам, которые в этот день получали плохие отметки, доставалось ото всех: их ругали безо всякой жалости. Часто мы отправлялись всем классом в кино или на каток, а если были серьезные уроки, мы быстро шли домой и, пообедав, возвращались в школу. У нас было мало учебников, и мы занимались по 5—6 человек вместе. Те ребята, которые раньше ленились, тоже стали заниматься. Даже Шаталович стал заниматься. А Давид Спивак из средних учеников стал одним из самых лучших. И к концу года у нас не было ни одной плохой отметки. Мы торжествовали. Кто-то из ребят узнал, что нас хотят премировать поездкой в какой-то большой город.

— Красное знамя уж наверняка будет у нас! — говорили мы и радовались.

В последние дни занятий все ребята занимались очень много. Каждый старался ответить получше, и все боялись подвести класс. И все шло хорошо. В эти дни не было даже посредственных отметок. По всем предметам большинство ребят уже отвечало, а за тех, которых еще не спрашивали, мы не беспокоились: оставались хорошие ученики. Нас немного беспокоил Шаталович. Целыми днями он гулял и совсем не занимался. Я спросил его:

— Как у тебя дела? Может быть, тебе надо помочь?

Он засмеялся:

— Никакой помощи мне не надо. Я все знаю, а чего не знаю, успею выучить.

Тут мы совсем успокоились.

Наступил последний день занятий. Первый час была алгебра. Учитель вызвал Шаталовича и дал ему задачу. Шаталович решал на доске, а мы — в своих тетрадях. Я решил задачу и посмотрел на доску. Ответ сходился.

Когда все кончали решать, учитель вдруг спросил:

— Кто заметил ошибку в решении задачи?

Я проверил у себя в тетради—все правильно, посмотрел на доску и увидел, что хотя ответ у Шаталовича верный, но самое решение было неверным. Он все перепутал, а ответ (он потом сознался) списал у мальчика, который сидел на первой парте.

Потом был урок географии. И опять вызвали Шаталовича. Учитель попросил его показать 11 союзных республик, и Шаталович не мог их показать. Тут уж ребята не выдержали, стали подсказывать ему, и он с грехом пополам ответил. А когда учитель сказал, чтобы он показал столицу Советского Союза — Москву,— Шаталович искал ее целых пять минут.

На уроке истории его снова вызвали. Такой уж был день! И опять он путался и отвечал невпопад.

В перемены только и разговоров было, что про отметки Шаталовича. Некоторые ребята говорили, что, наверно, он получил посредственно, а другие считали, что отвечал он плохо и посредственно ему поставить никак нельзя. Споры были очень горячие: ведь из-за Шаталовича решался вопрос, получим ли мы красное знамя.

Только тот класс получит знамя, у которого не будет ни одной плохой отметки. До этого дня у нас не было ни одного «плохо».

После уроков я побежал в канцелярию и увидал, что у Шаталовича все три отметки «плохо». Как всегда, во дворе ребята дожидались меня. И я рассказал им эту печальную новость.

Ребята разозлились. Хорошо, что Шаталович убежал, не дожидаясь, пока я приду из канцелярии, иначе ему бы досталось. Многие ребята предлагали найти Шаталовича и побить его. Сначала мне тоже хотелось побить его, но потом я сказал ребятам, что это не годится: пионеры так не поступают.

Мы, конечно, не побили его, но до сих пор все ребята злятся на Шаталовича. Ведь из-за одного человека целый класс не получил красного знамени.

Мой брат

Письмо и рисунок Лени Образцова

Москва

Мы сидим друг против друга — я и мой брат Володя. Мы не виделись всего пятнадцать дней, но он очень изменился за эти дни: он загорел, лицо смуглое, обветренное, сам он стал крепче, даже, кажется, подрос.

Володя был в летных лагерях. Он уже много раз поднимался в воздух, но всегда с инструктором, а теперь он совершил первый самостоятельный полет.

Володя рассказывает про свой первый полет: как он поднялся, пролетел над аэродромом по «коробочке», то есть по четырехугольнику, как поднялся ввысь, а потом пошел на посадку.

Сейчас Володя рассказывает все это спокойно, но тогда он, конечно, волновался. Но вряд ли кто-нибудь из его товарищей догадался, что он волнуется: Володя умеет держать себя в руках.

Вове всего восемнадцать лет, не так давно мы дрались с ним из-за всякого пустяка, и теперь он, наверно, непрочь побаловаться, и все же он настоящий летчик.

— Я хочу быть полярным летчиком,— говорит он.

Я знаю, почему Володя хочет быть полярным летчиком. Это самая трудная трасса. Он сам говорил мне об этом. Володя — такой человек: он всегда чего-нибудь добивается, ему интересно то, что трудно.

Мы сидели у окна.

Я помню, как он учился на летчика. Он работал на заводе и учился без отрыва от производства. С завода он приходил домой на полчаса, поест и бежит скорей на аэродром. Оттуда он приходил поздно и садился читать. Книг у него очень много, целая библиотека, и он каждый вечер си-

дел и читал. Ложился спать он всегда поздно, не знаю даже, в котором часу: я засыпал раньше. Утром он уходил на завод, потом — на аэродром, опять занимался до глубокой ночи, и так каждый день.

Мы виделись редко, но он всегда был в курсе моих дел. Как-то случилось, что я получил по физике две плохие отметки. Настроение у меня было плохое, я ходил расстроенный, и, когда Володя спросил меня, что случилось, я рассказал ему про эти отметки.

— Что ж ты думаешь делать? — спросил он.

— Что тут делать? Заброшу все, засяду за физику. Только бы с физикой разделаться.

— Нет, Леня, — сказал Володя, — так у тебя ничего не выйдет. Ничего тебе не надо забрасывать, и, пожалуйста, не превращайся в зубрилу. После занятий гуляй. Голова будет свежая, а потом уж садись за физику, решай задачи и, пожалуйста, учи уроки по другим предметам. А то ты, пожалуй, все забросишь и будешь отставать.

Я стал заниматься по володиной системе. Он каждый день меня спрашивал:

— Ну как — исправил?

Как на зло, учитель физики не вызывал меня, и я каждый раз говорил Володе, что нет — не исправил. Володя садился со мной за стол и начинал спрашивать меня про законы физики.

А когда, наконец, меня вызвали и я сказал Володе, что по физике у меня хорошая отметка, он очень обрадовался.

— Вот это — другое дело. Так и надо,— сказал он.

Вскоре Володя опять уехал, теперь уже надолго, он уехал учиться. Мне без Володи дома скучно. Он самый мой лучший друг. Но я понимаю: Володе надо дальше учиться. Он ведь хочет стать полярным летчиком.

Храбрая кошка

Стихи Маи Жлобицкой

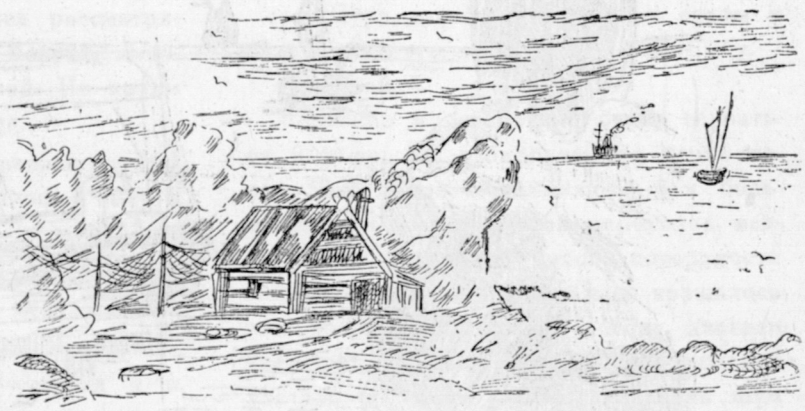
Город Сумы

Есть у нас умора кошка —
Хвост пушистый, ус большой,
Любит жульничать немножко
И по смелости герой.
Под кровать она забьется —
Не подступишься ты к ней!
Только хвостик серый вьется,
Берегись ее когтей!
Вдруг замолкла кошка наша,
Ощетинилась, как рысь.
Ей кричит сестренка Маша:
— Тише ты, ну, котик, брысь!
Кошка слышать не желает
И в отчаянье рычит.
Что же так ее пугает,
Почему она бежит?
Под кроватью, возле ножки,
Весь зеленый, ох, какой,
Испугал так нашу кошку
Мячик круглый небольшой.

На берегу моря

Рассказ и рисунки Шуры Примаченко

Город Запорожье



Летом в этой избушке живет Витя с отцом.

Ступая по горячему песку, по мелким камням, обмытым морской водой, мы вдвоем шли по берегу Черного моря. Я с большим любопытством смотрел на все, что попадалось на пути. А мой товарищ шел, напевая песню, и ко всему относился равнодушно. Он живет у берега моря, и оно ему надоело, а я только первый раз на берегу моря. Так мы долго шли. Он рассказывал, как они вдвоем с отцом ловят рыбу днем или вечером вместе с артелью, на больших шаландах. А я рассказывал про Днепр, про Днепрострой, про плотину и про город Запорожье. Наконец, мы очень устали и решили отдохнуть. Впереди я увидел два больших камня.

— Идем к тем камням,— проговорил я,— там отдохнем.

— Пока дойдешь, так их и не будет.

— Как это не будет? У них ног ведь нет. Куда они уйдут? — спросил я.

— А вот уйдут,— настаивал он.

— Ну, довольно тебе шутить, Витя, идем отдохнем.

Но, к большому моему удивлению, камни действительно исчезли.

— Что это такое?

Я принялся рассматривать то место, где лежали два камня. Вместо них лежали камни, но вполовину меньше тех, которые я видел издали.

— Что же это такое могло быть? Камень уменьшился, что ли? — с волнением спросил я у Вити.

Но он смеялся и от смеха не мог произнести ни слова. Я понял, что здесь что-то таится. Оглянувшись вокруг себя, увидел не очень далеко такой же камень, какой стоял на этом месте.

— Ну, постой же, я сейчас узнаю, что это все значит,— проговорил я и пустился бежать по направлению к камню, стоявшему почти у самой воды. На моих глазах он уменьшался, и, когда я добежал, он был такой же маленький, как и те два.

— Ничего не понимаю. Витя,— обратился я к нему, когда он подошел,— скажи, что это значит, камни расплавляются, что ли?

Мы взобрались на верх скалы.

— Вот давай полежим на песке, и ты все увидишь,— произнес Витя.

Мы легли на горячий песок так, чтобы нам было видно, как камень будет расти. Так мы пролежали минут пять, не сводя глаз с камня.

— Шура, ты что-нибудь видишь? — спросил Витя.

— Ничего не вижу, кроме крабов.

Тем временем крабы облепили камень, и он увеличился. По мелким камням медленно выползали еще крабы. Они взбирались по спинам сидевших на верх камня, камень рос, он уже был почти такой, какой я видел издалека. Крабы были небольшие: самый большой — величиной с ладонь, самый маленький — с копейку.

— Разобрал, в чем дело? — сказал Витя.

Я схватил одного краба и положил в баночку, чтобы принести его домой, в живой уголок.

— Давай купаться,— предложил Витя, снимая одежду.

Через несколько минут мы купались в морской, соленой воде. Плавать в соленой воде легко: она сама выбрасывает на поверхность. Вода была прозрачная, и мы

купались с радостью. Плавая, я почувствовал, что о мое тело что-то скользит, и это привлекло мое внимание. Присмотревшись, я увидел медузу. Я протянул руку и попытался схватить ее. Но она выскользнула и исчезла. Вдвоем мы поймали одну медузу, которую я принялся рассматривать. Это была маленькая медуза, имевшая форму зонтика с ручкой. По краям зонтика спускаются щупальца.

Выскочив на берег, я бережно уложил медузу на гальку, а сам вскочил в воду и продолжал купаться.

Но когда я вылез на берег, на том месте, где я оставил красивую медузу, ничего не было.

— Это крабы с'ели ее,— сказал я и схватил камень, чтобы бить крабов.

— Постой, Шура,— остановил меня Витя,— вот твоя медуза, она высохла.

И он показал жалкий, узенький, сухой кусочек высохшей медузы.

— Это ничего,— сказал Витя,— мы поймаем еще сколько угодно медуз, а теперь идем к нам. Отец, наверно, приехал с рыбного промысла и дожидается меня.

Через полчаса мы подошли к маленькой избушке. Тут же, около избы, на столбиках, висела мокрая новенькая сеть. Здесь Витя с отцом живут летом и ловят рыбу. А зимой они живут в городе. У дверей я заметил отца Вити, который чистил рыбу. Возле него стояла корзинка, доверху наполненная рыбой. Тут же стояло ведро с водой, куда он бросал очищенную рыбу.

Мы поздоровались с ним, а потом, взяв удочку, направились к берегу моря.

— Шура, давай заберемся на скалы и будем смотреть, как чайки ловят рыбу.

— Давай.

Медленно и осторожно, боясь сорваться в море, мы взбирались на верх скалы. Чем выше поднимались, тем больше видели лодок, катеров, пароходов, медленно плывших по тихой поверхности Черного моря. Множество чаек кружилось над водой, они падали в воду, хватали трепещущую рыбу и медленно, плавно улетали со своим уловом. Услышав шум мотора катера, они удалялись подальше от берега и летели в даль, туда, где море как будто бы сливалось с небом.

Через несколько времени на горизонте мы увидели теплоход.

— Что ты смотришь, разве не видал теплохода? — спросил Виктор.— Ты посмотри лучше на шаланды, они стоят у берега,— сказал Виктор, показывая на легко покачивающиеся шаланды, стоявшие у берега.

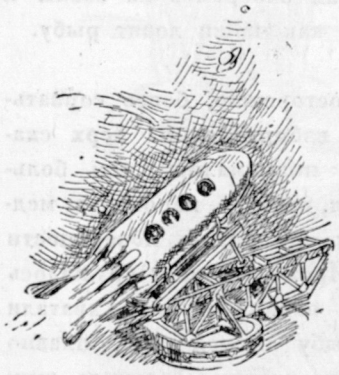
Их было не больше пятнадцати. Так мы стояли долго, рассматривая все вокруг себя, пока нас не позвал отец Вити.

□ □ □

НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ НАУК
БИОЛОГИЧЕСКИХ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ,
ГЕОЛОГИЧЕСКИХ, ТЕХНИЧЕСКИХ И ФИЗИЧЕСКИХ

Полет в ракете на Луну



Нет, к сожалению, эта мечта авторов фантастических романов и конструкторов ракет остается все еще не осуществимой. И, тем не менее, устроители американской международной выставки, которая откроется в будущем году, обещают, что посетители выставки смогут проделать это самое необычайное из всех путешествий.

В одно мгновение они пронесутся через мировое пространство, любуясь пролетающими мимо кометами, облетят вокруг Луны, побывают на Марсе, а затем вернутся на Землю.

Как же это будет устроено?

Пассажиров усадят в ракетный корабль с круглыми окнами, установленный на рельсах близ куполообразного здания планетария. Затем ракета въедет через двери планетария и очутится на вращающейся металлической платформе так, что носовая ее часть будет обращена вверх, к куполу здания, «небу». Тогда из ракеты с шумом вырвутся окрашенные в яркие цвета газы, а на «небе» появятся движущиеся изображения небесных тел. Они будут меняться в размерах по мере «полета» ракеты. Муляжи и цветное кино перенесут зрителей на Луну и Марс. Металлическая платформа все время будет ритмично раскачивать ракету. Все будет сделано для того, чтобы вызвать у пассажиров ракеты иллюзию подлинного космического полета.

Первый электрический мотор

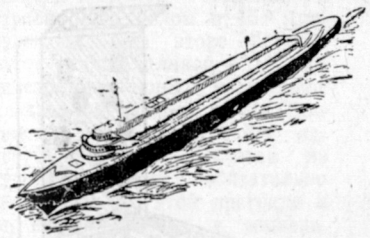
Недавно исполнилось 100 лет с тех пор, как кузнец захолустной американской деревушки Томас Давенпорт получил патент на модель электрического мотора.

Машину с вращательным движением Давенпорт начал строить еще в 1833 году. Но только к 1837 году ему удалось скопить достаточно денег, чтобы построить «прадедушку» современного электромотора. Он показал также, к чему может быть применен такой мотор, построив одновременно модель электрической железной дороги.

Но Давенпорт умер, так и не увидев применения своей машины. Электрическая энергия была в те времена очень дорога и добывалась в слишком ничтожных количествах, чтобы ею можно было серьезно пользоваться на практике.

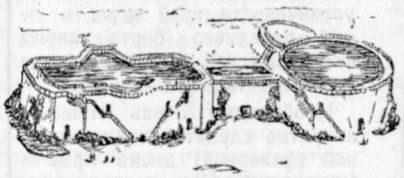
Мотор Давенпорта хранится сейчас в Национальном музее США, в Вашингтоне.

Пароход без труб



Этот необычайный с виду пароход проектируется сейчас во Франции. Он будет длиной почти в полкилометра. Конструкторы решили отказаться от привычных пароходных труб и сделать совершенно гладкую, обтекаемую крышу. Дым и отработанный пар будут выходить через особые отверстия на корме. Обтекаемый гигант должен делать, по расчетам, 37 морских узлов (то есть 68,5 километра в час) и за 3½ дня пересекать Атлантический океан.

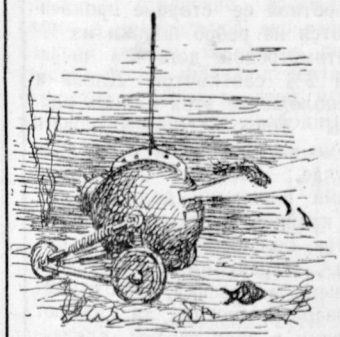
Аквариумы-гиганты



В Сен-Августине (США, штат Флорида) построено 2 гигантских аквариума (длиной 30 метров и глубиной 5,4 метра), воспроизводящих в миниатюре подводную жизнь океана.

В стенах «миниатюрных океанов» и под их дном проходят крытые галереи со множеством окошек, через которые зрители могут наблюдать жизнь океана, его растения и животных, которых никогда еще не удавалось наблюдать в аквариуме.

«Ползущий по дну»



Конструктор знаменитой батисферы, палеонтолог Бартон, спускавшийся вместе с ученым Бибом на глубину 960 метров, в 1934 году готовится к новому, еще более смелому опыту.

Тогда удалось сделать только беглые наблюдения плавающей подводной жизни через окна подвешенной на кабеле батисферы, не достигшей дна моря. Теперь же Бартон решил построить такой аппарат, на котором можно будет непосредственно ездить по морскому дну, наблюдая и снимая не виданные еще ни одним человеком пейзажи.

Свои наблюдения Бартон собирается снова произвести в районе Бермудских островов, где подводные скалы и расщелины дна населены богатейшей жизнью.

Новый аппарат Бартона, дифробент — «ползущий по дну», — снабжен в отличие от батисферы трехколесным шасси. Он так же, как и батисфера, будет опускаться на прочном металлическом кабеле с парохода. У одного из окон должен стоять автоматический киноаппарат, который будет снимать все, попадающее в широкий сноп света от прожектора дифробента.

До спуска Бартона в дифробенте решено произвести 10 пробных спусков подводной машины (уже с автоматическим киноаппаратом).

«Я надеюсь,— заявил Бартон,— что Биб присоединится ко мне, и первое путешествие по дну океана мы снова совершим с ним вместе».

Артиллерийский полигон

(Новая настольная игра)

Эту игру может легко сделать каждый из читателей «Пионера».

Нужно запастись такими материалами[1]: толстый картон, тонкая клееная фанера, деревянные дощечки толщиной в ½ сантиметра, проволока толщиной в 2 миллиметра, два маленьких крючка и две петельки, небольшая пружинка, клубочек толстой нитки, столярный (или казеиновый) клей, крахмальный клей, белая и цветная плотная бумага и, наконец, снаряды. Для снарядов удобно взять стеклянные шарики из игры «Солитер» или стальные от настольного бильярда. Можно просто скатать шарики из глины, хорошо просушить и окрасить в разные цвета.

Игра состоит из ящика с крышкой на петлях, открывающейся от игрока. Ящик будет служить нам полем полигона, а внутренняя сторона крышки — мишенью. Крышка делается двойная, наружная сторона ее цельная, а на внутренней прорезываются круглые гнезда — цели (рисунок 1). В первой стенке ящика устанавливается пушка, действующая пружиной (рисунок 2). В задней части ящика находится семь загонов для выстреленных снарядов. Вылетевший из пушки снаряд должен попасть в одно из гнезд мишени и по желобкам, устроенным внутри крышки, между ее верхней и нижней досками (рисунок 4), скатиться в загон, соответствующий выбитой цели (рисунок 3).

Для дна ящика и верхней доски крышки берется толстый картон, размерами 25 × 30 сантиметров. Внутренняя доска крышки делается из тонкой клееной фанеры. Борта ящика и крышку, высотой в 3 сантиметра, и все внутренние перегородки лучше сделать из дощечек. Тогда вся игра будет прочнее, и ящик удобнее запирать, так как крышка должна иметь точно такие же размеры, как и ящик, и при закрывании борта ее лежат на бортах ящика. Крышку прикрепляют к заднему борту ящика (25 сантиметров) на двух петельках (можно склеить задний борт ящика и крышки полоской плотной нерастягивающейся ткани). Чтобы крышка прочно держалась в открытом положении во время стрельбы, сбоку устраивают с'емную проволочную скобу. Концы скобы вставляются в отверстия, просверленные на самом краю крышки и ящика так, чтобы не мешать полету снарядов. Для большей устойчивости всей игры в углах переднего борта ящика вклеиваются 2-сантиметровые железные планки.

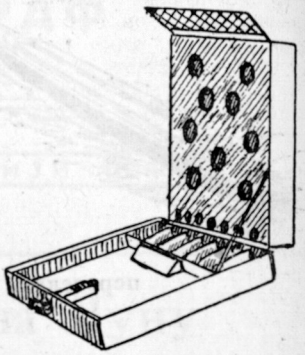


Рис. 1. Общий вид ящика для игры.

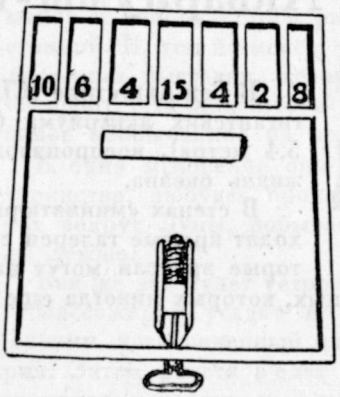


Рис. 3. Вид ящика сверху. В задней части ящика 7 загонов для шариков-снарядов, попавших в цель. Перед линией загонов деревянная призма, от которой шарик должен отскакивать в мишень.

Необходимо очень точно и акуратно сделать изнанку нижней (фанерной) доски крышки (рисунок 4). Отверстия для целей в нижней части доски, откуда снаряды будут выскакивать в загоны, должны быть, по крайней мере, на ½ сантиметра больше диаметра шариков и строго расположены в указанном на рисунке порядке. Со стороны, обращенной к стрелку, доска (мишень) оклеивается темной бумагой, а на оборотной ее стороне приклеиваются на ребро планки из ½-сантиметровой дощечки шириной 2½ сантиметра. Длина и расположение этих планок должны точно соответствовать схеме на рисунке 4. Во всяком случае, каналы, образуемые этими планками, должны быть, по крайней мере, на ⅓ сантиметра больше диаметра шариков[2]. Перед тем как вставить мишень в крышку, необходимо проверить, точно ли падают шарики в свои загоны, сделанные из таких же планок у заднего борта ящика (рисунок 3).

Впереди линии загонов, приблизительно на середине ящика, укрепляется брусочек дерева в форме трехгранной прямоугольной призмы, обращенной

[1] Деревянные части почти все можно заменить картонными.

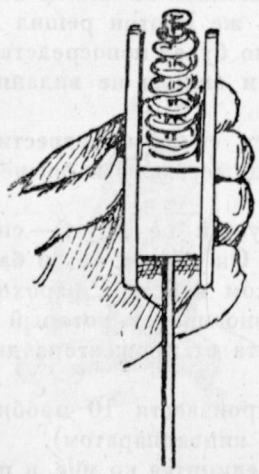


Рис. 2 Устройство пушки.

[2] Все расчеты даются в предположении, что диаметр шариков-снарядов равняется 1 сантиметру. Если шарики больше, расчеты надо соответственно увеличить.

своей широкой стороной к стрелке под углом в 45° (рисунок 3). Для этого берется кусок дерева длиной в 12 сантиметров, имеющий правильное квадратное сечение в 2½ сантиметра, и расщепляется наискось. Шарик, вылетев из пушки, должен обязательно скользнуть по этой прегради и от нее отскочить в мишень. Прежде чем окончательно укреплять эту прегради, нужно точно определить ее место пробной пристрелкой. При полном напряжении пружины пушки отскакивающие от прегради шарики должны легко достигать верхних целей мишени.

Пушка нашего полигона (рисунок 2) будет состоять из 3 частей; тело орудия деревянное (кусок дерева и 2 полоски фанеры); ударник из 2-миллиметровой проволоки; пружина, если не удастся купить в магазине или вынуть из игрушечной пушки или ружья, берется от провода к электрическому утюгу (витков 8—10). На одном конце проволочного ударника сделайте тесную петлю и отогните ее под прямым углом к ударнику: это будет выталкивающий конец, который пошлет снаряд к мишени. Пропустите ударник сквозь пружину и гладкий конец его, выступающий из надетой пружины, просуньте в отверстие, просверленное в центральной деревяшке тела пушки. В центре переднего борта ящика делается отверстие в ½ сантиметра, и в него продевается свободный конец ударника, который затем свертывается колечком, чтобы удобнее было стрелять. Ширина отверстия позволяет иметь достаточный обстрел как в стороны, так и вверх.

Пушка насаживается на деревянный винт, неподвижно укрепленный в дне ящика и свободно входящий снизу в центральную деревяшку ее тела.

Мишень сверху прикрывается сеткой, чтобы шарики не могли перелетать через мишень. Рамка сетки делается из той же проволоки, что и ударник пушки; длина ее равна ширине ящика, а поперечник — 10 сантиметрам Две ножки рамки вставляются в отверстия, просверленные в переднем борте крышки игры. Сетка делается из толстой нитки.

Когда ящик и крышки окончательно готовы, все перегородки вклеены на места и выверены, их оклеивают снаружи цветной, а внутри белой бумагой, вставляют на место нижнюю доску крышки (мишень) и ставят крючки на переднем борте ящика для запора. На темной поверхности мишени, сквозь отверстия целей, будет просвечивать белая оклейка внутренней стороны верхней крышки ящика, что очень удобно для прицела. На дно загонов ящика, под мишенью, наклеиваются цифры очков.

Теперь наш полигон получил полное вооружение и можно начать игру. Каждому участнику игры дается поочереди 3 выстрела. За каждое попадание в цель засчитывается столько очков, сколько указано в загоне, куда выскочил из мишени шарик. Если игрок выбил одним выстрелом 10 или 15 очков, он получает право на 3 выстрела вне очереди. Выигравшим считается выбивший наибольшую сумму очков. Наиболее трудной целью (15 очков) считается центральное гнездо мишени, потому что попасть в него можно лишь при небольшом натяжении пружины, рискуя недолетом.

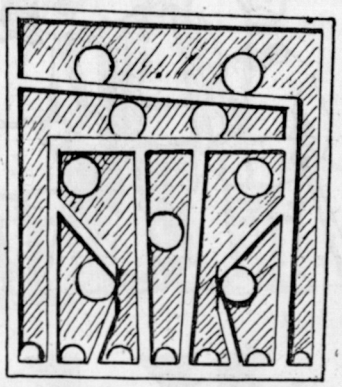


Рис. 4. Вид задней стороны внутренней доски крышки. Надо точно прорезать все отверстия и акуратно приклеить деревянные планки, направляющие шарики из мишени в загоны. Планки под двумя верхними рядами больших отверстий (целей) мишени должны быть приклеены под небольшим уклоном, чтобы шарики легко скатывались в нижние отверстия. Нижние отверстия в крышке рассчитайте так, чтобы они приходились точно над загонами в ящике.

Как мы сделали фонарь для открыток

По статье, которая была в № 9 «Пионера», мы сделали фонарь для показа открыток. Первая проба была неудачна: изображение совсем не получилось. Но мы не унывали и, взяв журнал, еще раз внимательно прочли описание. Оказывается, мы вместо ширины ящика взяли его высоту, и поэтому фонарь лежал на боку. Свет от лампы падал в линзу, а не на открытку. Мы переделали аппарат, но получили неясное изображение. Подумав, мы решили придвинуть аппарат к экрану. Изображение стало более четкое, но не такое, как мы хотели. Мы поставили лампу не в 60 свечей, а в 100 свечей, и на экране получилось четкое изображение.

Но было еще два недостатка. Первый — в аппарат можно было ставить только такие открытки, которые были нарисованы параллельно ширине открытки, а те открытки, на которых изображение было вертикальное, получались на экране на боку. Чтобы этого не было, мы сделали прорез в верхней стенке ящика и через него вставляли открытки. Второй недостаток — часть лучей лампы все-таки попадала в линзу и портила изображение. Тогда мы немного увеличили высоту подставки для зеркала, и она закрыла собой линзу. Наконец, мы получили вполне четкое изображение.

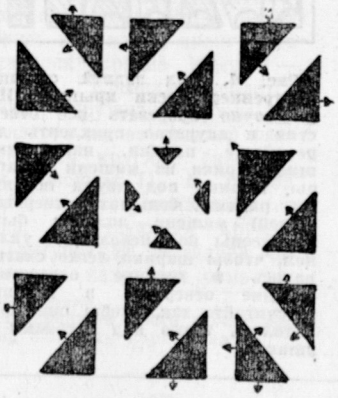
Красивей всего на экране получаются цветные открытки. Хорошо получаются карикатуры и рисунки, а также неплохо видны вырезки из газет. С помощью этого аппарата можно произвести интересный сбор звена на тему «Борьба китайского народа с фашистскими захватчиками» с демонстрацией вырезок из газет.

Читатели «Пионера»: **Изя Карчемский, Мика Спивак, Абраша Бутовецкий**

Киев

Загадки, задачи, игры и фокусы

Четыре сторожа

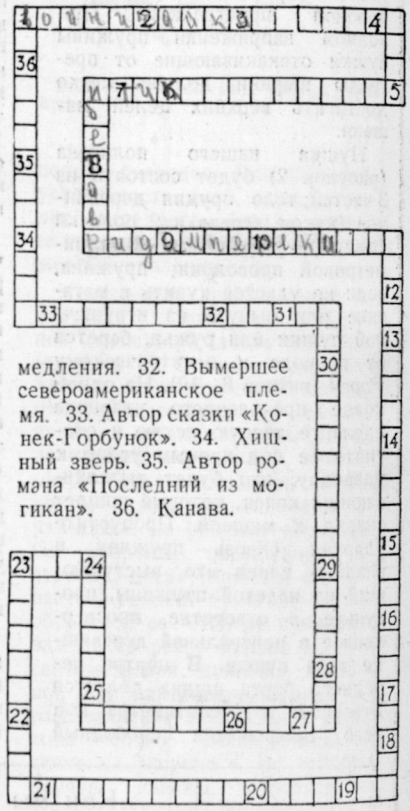


В птицеводческом совхозе построили 20 треугольных курятников с 27 входами (они показаны стрелками). Повадилась в эти курятники лазить лиса. Пришлось на всю ночь поставить сторожей. Сторожей было всего 4. Где расставить сторожей так, чтобы им, не сходя с места, были видны все 27 дверей курятников и чтобы каждый сторож стоял один?

Чайнворд,

присланный Тамарой Зайцевой и Лидой Тропининой из Свердловска

1. Автор романа «Овод». 2. Морская птица. 3. Северный холодный ветер у древних римлян. 4. Река в Европе. 5. Город в Сибири. 6. Морское животное. 7. Плоскогорье в Азии. 8. Старое название Крыма. 9. Единица измерения силы тока. 10. Водное пространство. 11. Земноводные. 12. Дерево. 13. Герой произведения Пушкина «Цыгане». 14. Трава. 15. Житель Аравии. 16. Музыкальный инструмент. 17. Часть лица. 18. Вид стихотворения. 19. Мера веса. 20. Житель Австралии. 21. Болезнь десен. 22. Плавающая ледяная глыба. 23. Автор «Фауста». 24. Животное, водящееся только в Австралии. 25. Об'единение лучших ученых страны. 26. Полуостров на севере Азии. 27. Руководитель партизан, сожженный в топке паровоза японскими интервентами. 28. Женское имя. 29. Иносказание. 30. Американский тигр. 31. Правильное чередование ускорения и замедления. 32. Вымершее североамериканское племя. 33. Автор сказки «Конек-Горбунок». 34. Хищный зверь. 35. Автор романа «Последний из могикан». 36. Канава.

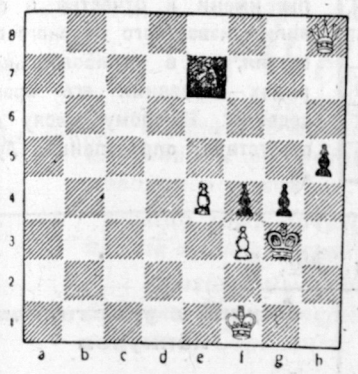


Корзинка с яблоками

Алик, Володя и Миша купили корзинку яблок, в которой их оказалось меньше сотни. Алик взял треть всех яблок из корзинки. Затем Володя взял третью часть остатка. После этого Миша взял треть того, что осталось в корзине. И, наконец, мальчики поделили оставшиеся в корзине яблоки поровну. После этого в корзине ничего не осталось. Сколько яблок было куплено в корзине? Сколько яблок получил каждый мальчик?

Мат в три хода

Шахматная задача, присланная Володей Манаковым из г. Остяко-Вогульск, Омской области.



Белые: Кр 1, Ф 8, Ке7, 3, е4 (5).

Черные: Кр 3, 5, 4, 4 (4).

Белые начинают и дают мат в три хода.

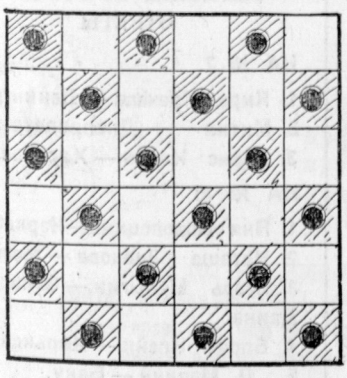
ПРЕВРАЩЕНИЕ СЛОВА

(Прислал Генрих Ботт, Москва)

Надо к части корабля прибавить букву, чтобы получился город в СССР. Этот город надо написать так, чтобы получился остров. От острова надо отнять букву — получится геометрическое тело; его надо написать так, чтобы получилось дерево.

Переставь шашки

18 шашек стоят так, что в вертикальных и горизонтальных рядах их оказалось по три штуки Переставьте шашки так, чтобы в каждом вертикальном, в каждом горизонтальном рядах и по обеим диагоналям стало по три шашки. Шашки можно расставлять не только на черных, но и на белых полях.



Канал Москва — Волга

Два приятеля живут на берегу реки Москвы. Летом они часто ездят друг к другу на лодке. Вниз по течению скорость лодки увеличивалась на $\frac{1}{3}$, вверх же — уменьшалась на $\frac{1}{3}$. После постройки плотин и канала Москва — Волга плавание по реке стало озерного типа. Поэтому, когда приятели едут на лодке, то течение уже не ускоряет ее движения, но зато и не замедляет при возвращении обратно.

У приятелей возник вопрос: больше или меньше стали они тратить времени на поездку друг к другу после постройки канала?

Как фамилия писателя?

Алгебраическая задача, присланная Титом Борусковым и Верой Богомоловой из Одессы

Если заменить буквы фамилии одного известного русского писателя 19-го века числами, обозначающими места этих букв в азбуке, то получится, что:

1. Разность между третьим и первым числами равна единице.
2. Разность между первым и вторым числами на 2 меньше шестого числа.
3. Удвоенное пятое число на 1 больше последнего числа.
4. Сумма второго и четвертого чисел — 8.
5. Сумма шестого и второго чисел на 4 больше утроенного четвертого числа.
6. Разность между последним и вторым числами на 5 меньше удвоенного пятого числа.
7. Разность между пятым и удвоенным четвертым числами на 1 меньше удвоенного второго числа.

Который час?

Как-то Петя и Ваня встретились в самый жаркий час дня на улице, и Ваня спросил Петю:

— Который час?

— А вот сосчитай: если возьмешь $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{4}$, то получишь как раз то время, которое у нас теперь после полудня.

Кто раньше?

Из дому вышли одновременно два школьника—низкого роста и высокого. Школьник низкого роста имел шаг на 20% короче, но зато шагал на 20% чаще. Кто из них придет в школу раньше?

Умный ли это совет?

В 1933 году на одном совещании обсуждали, что нужно сделать чтобы оконные стекла в комнатах не покрывались льдом. Решено было, что лучшим средством против обледенения стекол наружных рам,— оставить эти рамы неплотно закрытыми, со щелью для проникновения наружного воздуха.

Некоторые жители Москвы последовали этому совету. Как думаете вы, что от этого произошло?

Арифмограф

1	2	3	4	5	6	5	7	8
9	3	1	10	11	12	9	10	3
1	12	13	5	14	6	8	4	8
15	16	5	6	10	15	11	2	1
10	9	4	5	17	3	11	18	5
15	4	5	3	2	16	19	1	8
10	1	8	20	15	18	5	21	8

Вместо чисел подставьте буквы так, чтобы в средней вертикали получились инициалы имени и отчества и фамилия известного русского писателя, а в горизонтальных рядах — названия его произведений. Каждому числу соответствует определенная буква.

Ответы на задачи № 8

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. ухо. 4. собака, 6. мяч, 8. Алтай, 11. ворона, 13. утро, 16. уж, 17. яд, 18. ирис, 19. слон, 21. пила, 22. ил, 24. ива, 26. туя, 28. лютик, 30. ком, 32. овал, 33. стекло, 35. нос, 36. Биробиджан, 40. Анапа, 41. Яр, 43. бутылка, 45. тыч, 46. ус, 47. Ява.

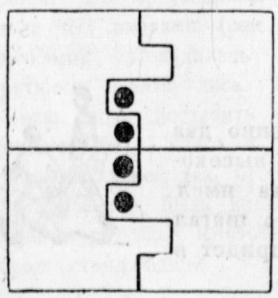
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. дуло. 3. Ока, 4. соя, 5. кол, 7. чан. 9. трус, 10. иод, 12. аист, 14. оса, 15. морж, 16. удав, 17. ялик, 20. Нил, 23. люстра, 25. Або, 27. урок, 29. каникулы, 30. конопля, 31. мыс, 34. Удд, 37. баркас, 38. наган, 39. чугун, 42. рис, 44. лев.

Дед, отец и внук

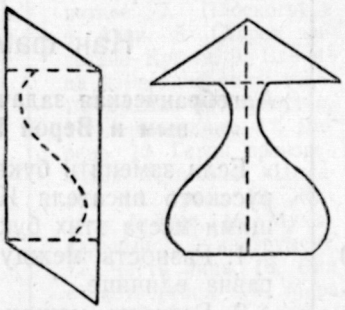
Удвоенные лета внука равны летам отца; т. е. отец вдвое старше внука. Но число лет деда без числа лет внука также равно летам отца или удвоенным летам внука. Теперь мы уже знаем, что лета деда равны утроенным летам внука.

Принявши лета внука за 1, получим лета отца равным 2 и деда — 3. Всего будет 6 частей. Делим на них 120, получим ответ: внуку — 20 лет, отцу — 40 лет, деду — 60 лет.

ПОПРОБУЙТЕ РАЗДЕЛИТЬ



КАК РАЗРЕЗАТЬ?



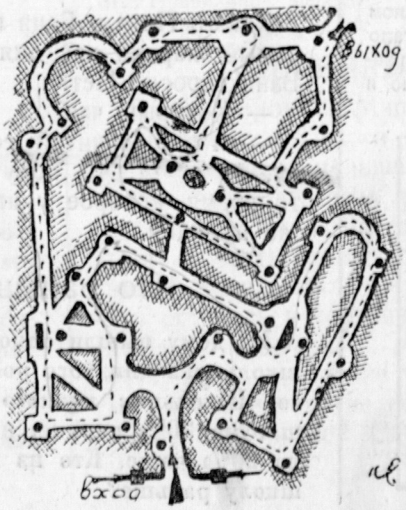
Какие слова

1. а) Бук, б) куб; 2. а) год, б) дог; 3. а) док, б) код; 4. а) дом, б) Мод; 5. а) бэк, б) кэб; 6. а) мор, б) ром; 7. а) раб, б) бар; 8. а) «Нос», б) «Сон»; 9. а) Яна, б) Аня.

ЧТО ЗДЕСЬ НАПИСАНО?

Гран(ь)-и-ца на замке

Прогулка по парку



Случай с участником конкурса

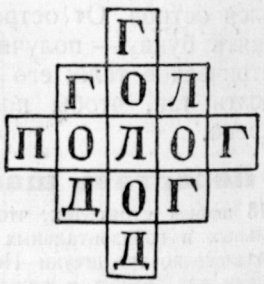
А

1. Се2 — d1; в6 — в5
2. Крс6 — с5, в5 — в4
3. Кс2 — а3; в4 : а3
4. в3 — в4 х

Б

1. Се2 — в5!!; а6 : в5
2. Крс6 — в7; в5 — в4
3. Кс2 — d4; в6 — в5
4. Kd4 — с6 х

РАССТАВЬТЕ БУКВЫ



ПЕРВЫМИ ПРИСЛАЛИ ОТВЕТЫ

НА № 7

1. Кира Кречева — Ленинград.
2. Митин — Днепропетровск.
3. Борис Клейн — Харьков.

НА № 8:

1. Яня Поволоцкий—Черкассы.
2. Наташа Зубкова — Москва.
3. Игорь Малыгин — Западная Двина.
4. Борис Клейн — Харьков.
5. Л. Малкин — Баку.

Дорогие читатели!

Ежедневно мы получаем от вас десятки писем. Все письма начинаются словами «Дорогая редакция», в них обращаются к нам по разным поводам и причинам.

Нам тоже хочется написать нашим читателям, хорошо бы каждому, но как написать сразу сто тысяч писем?

Поэтому мы решили завести в журнале страничку коллективной переписки. Мы обращаемся ко всем нашим читателям и каждого просим нам ответить. Странички эти так и будут называться — «Дорогие читатели!»

Ребята! В этом номере мы поместили рассказы участников боев на озере Хасан: пулеметчика А. Гольянова и командира взвода Я. Борисенко. Прочтите их на сборе своего звена или группе своих товарищей. Напишите нам, интересно ли прошел сбор.

На этом же сборе или на занятиях кружка ворошиловских стрелков хорошо прочитать ребятам очерк о снайперах. В нем много правил и советов для стрелков. Каждый боец Красной Армии должен отлично стрелять. Вы, будущие красноармейцы, уже сейчас должны этому учиться.

В отделе «Чем заняться» рассказано, как сделать елочные украшения. Напишите, какие украшения сделали вы для своей елки.

Напишите нам также, сделали ли вы игру «Артиллерийский полигон».

Те из вас, кто занимается фотографией, пришлите фотоснимки этих своих самоделок. Ждем.

Писатель Р. Фраерман написал в «Компас» очерк о Дальнем Востоке. Он написал о том, что знает, что видел, каким он знает и любит Дальний Восток.

Ребята-дальневосточники, прочтите очерк и напишите, понравился ли он вам. Те из вас, кто хорошо знает свой край, могут рассказать еще много интересного о Дальнем Востоке, написать о том, чего нет в очерке.

Наша страна велика. Каждый уголок ее нам дорог и особенно тот, который мы видели своими глазами, который мы из'ездили и исходили.

Каждый из наших читателей может интересно рассказать о своем крае, о месте, где живет, которое знает и любит. Тогда этот край, этот уголок советской земли узнают и полюбят еще тысячи людей.

Пишите нам: лучшие письма мы напечатаем.

Родители, учителя, библиотекари, обращаемся к вам

В этом номере напечатана статья С. Гарбузова «Как была предана Чехословакия». Просим вас поговорить с ребятами, прочли ли они статью, интересно ли она написана, все ли понятно.

Своими советами и замечаниями вы поможете журналу.

1938 год уже кончается. Мы составляем план журнала на будущий год. Напишите, какие рассказы, очерки, стихи и рисунки вам понравились, что вам не понравилось и о чем вы хотите прочитать в «Пионере» в 1939 году.

Ждем ваших писем.

Ц. 193[illegible] г.

СОДЕРЖАНИЕ

Как я уничтожал японских налетчиков — *Фронтовые записи пулеметчика А. В. Гольянова* . 3
Боевая разведка — *Рассказ командира взвода Я. Борисенко* 5
Александр Суворов — *Повесть С. Григорьева. Рис. П. Кузьмичева* 8
Привет славным героиням! — *Письмо Тани Расковой* 41
Снайпинг — *Евг. Симонов* 43
Ученик и учитель — *М. Гершензон* 48
Мать пятерых — *Брет Гарт. Перевод с английского М. Гершензона. Рис. В. Цельмера* 51
Как была предана Чехословакия — *С. Гарбузов* 58
Первая зимовка — *Евгений Федоров* 65
Роз-Мари — *Брэдфорд Даниэльс. Перевод с английского П. Охрименко. Рис. Б. Синявского* . . 73
„Компас" — *Известия географического общества читателей журнала „Пионер" № 23:*
Дальний Восток — *Р. Фраерман* 77
Бортевая береза — *С. Лялицкая* 83
Мой план — *Рома Рубинштейн* 83
„Смерть дуракам", или трагическая история одного странного „путешествия" к Северному полюсу 84
Две реки 85
По-русски, а непонятно 86
На реке Ниве — *Зарисовки Юры Коренец* 87
Фонд географического общества 88
Старик Хоттабыч — *Л. Лагин, Рис. К. Ротова* 90
Загадка Черного моря — *О. Писаржевский* 105
Чем заняться? — *Советы редакции* 107
ПОЧТА:
Обидная история — *Письмо Тулы Рудовского* 113
Мой брат — *Письмо и рисунок Лени Образцова* 115
Храбрая кошка — *Стихи Маи Жлобицкой* 116
На берегу моря — *Рассказ и рисунки Шуры Примаченко* 117
Научный телеграф 120
Самоделки 122
Загадки, задачи, игры и фокусы 124

На обложке картина художника В. Цельмера „Москва".

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды", 24, комн. 822, тел. Д 3-30-73.

Отв. редактор **Б. ИВАНТЕР**
Отв. секретарь **В. Поддубная**
Худ. редактор **М. Аскинази**

Сдано в набор 19/X—38 г. Подписано к печати 4/XII—38 г. Изд. № 1189

Уполномоченный Главлита № Б—57703 82×110 1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 16 п. л.

Типография газеты „Правда" имени Сталина. Москва, ул. „Правды", 24. Заказ № 2752. Тираж 90 000

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1939 год

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ РУКОВОДЯЩИЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ВОЖАТЫХ ОТРЯДОВ ЮНЫХ ПИОНЕРОВ

Вожатый

Орган ЦК ВЛКСМ *Год издания 16-й*

ЖУРНАЛ дает в помощь вожатым практические материалы по организации воспитательной работы в отряде и школе, печатает игры, песни, библиографию, а также художественные рассказы и стихи для чтения на пионерских сборах и кострах.

ЖУРНАЛ освещает опыт лучших вожатых и пионерских работников, опыт передовых пионерских отрядов, звеньев, парков, садов, форпостов.

ЖУРНАЛ систематически печатает практические материалы в помощь кружкам юных техников, авиамоделистов, натуралистов, радио, фото, оборонной работы, а также по детской физкультуре и спорту.

К сотрудничеству в журнале привлечены лучшие вожатые, педагоги, писатели и профессора педагогических вузов Москвы.

ЖУРНАЛ рассчитан на вожатых пионерских отрядов, работников отделов пионеров, райкомов, обкомов и крайкомов ВЛКСМ и педагогов.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес. — 9 руб.
„ 6 „ — 4 р. 50 к.
„ 3 „ — 2 р. 25 к.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 75 КОП.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ повсеместно „Союзпечатью“, почтой, письмоносцами, а также отделениями и магазинамм Когиза

Цена 1 руб. 50 коп.

11.29
34